

The background of the image is a warm, golden sunset over a landscape. The sky is filled with soft, glowing clouds in shades of orange and red. In the lower part of the image, a dark silhouette of a building or structure is visible on a hillside, partially obscured by the text.

ТЕРЕЗ
МЕДЕЙРОС
Ваша
до
рассвета

Доблесть Габриэля Фейрчалда во время битвы при Трафальгаре принесла ему звание героя, но стоила зрения и надежд на будущее. Брошенный невестой, которую он обожал, этот мужчина, ранее расхаживавший как принц среди лондонского бомонда, заточил себя в семейном особняке, проклиная свои дни и ночи, погруженные во тьму. Саманта Викаршем приезжает в Фейрчалд — Парк, чтобы заступить на должность медсестры графа и обнаруживает, что ее новый подопечный больше напоминает зверя, чем человека. После первых яростных столкновений, она вовлекает высокомерного графа в веселое сражение остроумия и желаний. И хотя он называет ее резким и нелюбезным существом без унции женственной мягкости, втайне его интригует ее сдержанный юмор, почти полное отсутствие жалостливости, и смелость, с которой она пресекает его глупости. Всякий раз, когда она находится рядом, он начинает чувствовать пробудившееся желание, которое, как он думал, никогда больше не почувствует. Когда Саманта начинает снова впускать свет в жизнь Габриэля и его сердце, они оба обнаруживают, что некоторыми удовольствиями лучше всего пользоваться в темноте...

Тереза Медейрос

Ваша до рассвета

Моему Майклу, одно из самых великих благословений для меня — это каждое утро, просыпаясь, видеть твое милое лицо.

Моей собственной Оси Ангелов — вы знаете, кто вы...

Всем ангелам милосердия отделения медсестер Вестерн Стейт. Да благословит вас Господь за всю вашу заботу о моей матери.

И моему милому лорду, который излечил хромого и помог слепому прозреть.

Кто любил по — настоящему, не была ли это любовь с первого взгляда?

Англия, 1806.

«Моя дорогая мисс Марч,

Умоляю, простите меня за самонадеянность, которая позволила мне связаться с Вами в такой необычной манере...»

* * *

— Так говорите, мисс Викаршем, у вас есть соответствующий опыт?

Откуда — то из глубины обветшалого особняка эпохи Якова I, послышался громкий удар. И хотя тучный дворецкий, который проводил собеседование, вздрогнул, а домоправительница, навытяжку стоявшая около чайного столика, издала еле слышимый звук, сама Саманта даже глазом не моргнула.

Она вытащила небольшую пачку бумаг из бокового кармашка своего потертого кожаного чемоданчика, стоявшего у ее ног, и протянула их.

— Вы можете убедиться, что мои рекомендательные письма в полном порядке, мистер Беквит.

Хотя уже наступил полдень, света в этой скромной комнате для завтрака было плачевно мало. Лучи солнечного света с трудом пробивались сквозь узкие щели между тяжелыми бархатными портьерами, высвечивая дорогие рубиновые нити турецкого ковра. Восковые свечи, расставленные по разным столам, заполняли углы мерцающими тенями. Запах в комнате был затхлый, какой бывает в закрытых на целую вечность помещениях. И если бы не отсутствие черных покрывал на окнах и зеркалах, Саманта могла бы поклясться, что недавно умер кто — то из очень дорогих этому дому людей.

Дворецкий взял бумаги из ее руки, обтянутой белой перчаткой, и развернул их. Поскольку домоправительница, вытянув шею, смотрела ему через плечо, Саманте оставалось только молиться, чтобы тусклый свет стал для нее преимуществом, не позволяя им изучить набросанные подписи слишком хорошо. Миссис Филпот была красивой женщиной неопределенного возраста, настолько же холеная и стройная, насколько дворецкий был кругл. И хотя ее лицо казалось гладким, совсем без морщин, серебряные нити поблескивали в ее черных волосах, собранных в пучок на затылке.

— Как видите, я работала два года гувернанткой у лорда и леди Карстейрс, — сообщила Саманта мистеру Беквиту, пока он просматривал бумаги. — Но как только война возобновилась, я присоединилась к другим гувернанткам, которые ухаживали за моряками и солдатами, ослабевшими от ран.

Домоправительница поджала губы, хотя и попыталась это скрыть. Саманта знала, что в обществе еще оставались те, кто думал о женщинах, ухаживающих за солдатами, лишь немногим лучше чем о прославленных маркитантках^[1]. Эти нескромные создания не стыдились смотреть на наготу незнакомых мужчин. Чувствуя, как кровь приливает к ее щекам, Саманта подняла голову повыше.

Мистер Беквит рассматривал ее поверх очков в металлической оправе.

— Должен признаться, мисс Викаршем, что вы несколько... моложе чем, мы думали. Для такой напряженной работы нужна женщина более... зрелая. Возможно, одна из других претенденток ... — Под лукавым взглядом Саманты он замолчал.

— Я не вижу никаких других претенденток, мистер Беквит, — заметила она, пальцем

возвращая на собственный нос сваливающиеся очки. — Учитывая щедрую, и даже очень щедрую плату, которую вы предложили в своем объявлении о найме, я ожидала найти у ваших ворот целую очередь.

Прозвучал еще один удар, ближе чем первый. Казалось, что какое — то массивное животное пробирается к своему логову.

Миссис Филпот поспешно обогнула стул, ее накрахмаленные юбки зашелестели.

— Хотите еще немного чая, моя дорогая? — Она стала наливать чай из фарфорового чайника, и ее рука задрожала так сильно, что чай расплескался на блюдце чашки Саманты и ее колени.

— Спасибо, — пробормотала Саманта, незаметно смахивая капли перчаткой.

Пол у них под ногами задрожал, задрожала и миссис Филпот. Приглушенный рев, который последовал за этим, был приправлен тирадой милостиво неразборчивых ругательств. Больше невозможно было этого отрицать. Кто — то — или что — то — приближалось.

Бросив испуганный взгляд на позолоченную двустворчатую дверь, которая вела в соседнюю комнату, мистер Беквит наклонился, его лоб заблестел от пота.

— Возможно, сейчас не самое подходящее время ...

Он сунул бумаги с рекомендациями в одну руку Саманты, а миссис Филпот выхватила ее чашку с блюдцем из другой и с громким звяканьем поставила их на передвижной столик для чая.

— Беквит прав, моя дорогая, вы должны простить нас. Мы, возможно, слишком поспешили... — женщина потянула Саманту за руку, заставляя встать, и повела от двери к плотно занавешенным французским окнам, что вели на террасу.

— Но там мои вещи! — запротестовала Саманта, бросая через плечо беспомощный взгляд на свой чемоданчик.

— Не волнуйся, девочка, — заверила ее миссис Филпот, выдавливая сквозь зубы доброжелательную улыбку. — Кто — нибудь из наших лакеев принесет их к твоему экипажу. — Прозвучал еще один громкий удар и за ним проклятия, женщина вцепилась в шерстяной рукав Саманты и дернула за него, заставляя ее двигаться вперед. Мистер Беквит промчался мимо них и распахнул одно из французских окон, затопляя мрак ярким апрельским светом. Но прежде чем миссис Филпот смогла убедить Саманту выйти через него, таинственные телодвижения прекратились.

Все трое, как один, уставились на позолоченные двери на противоположной стороне комнаты.

На мгновение наступила тишина, которую нарушило только деликатное тиканье французских позолоченных часов, висящих над камином. Потом послышался странный звук, как будто что — то возилось или царапалось около дверей. Что — то большое. И сердитое. Саманта инстинктивно сделала шаг назад; домоправительница и дворецкий обменялись испуганными взглядами.

Дверь резко распахнулась и с грохотом ударилась о противоположную стену. В проеме показался мужчина — а не животное, как можно было подумать, хотя он больше походил на человека, который забыл все манеры благородного общества. Его спутанные золотистые волосы были рассыпаны по плечам. Плечам, которые своей шириной занимали почти весь дверной проем. Панталоны оленьей кожи облегли его узкие бедра и обтягивали каждый изгиб мускулов его икр и бедер. Многодневная щетина покрывала его подбородок, придавая

ему несколько пиратский вид. Если бы в его зубах был зажат мачете, Саманта испытала бы сильное желание убежать из этого дома от страха за свою честь.

На нем были чулки, но не было обуви. Шейный платок свободно болтался у него на шее, как будто кто — то, после нескольких неудачных попыток завязать узел, потом бросил это занятие. Его батистовая рубашка не была заправлена, и на ней недоставало половины крючков, что открывало часть его мускулистой груди, поросшей золотистыми волосками.

Стоя в тени дверного проема, он наклонил голову под странным углом, как будто прислушиваясь к чему — то. Его аристократические ноздри стали раздуваться.

Волосы на затылке Саманты встали дыбом. Она не могла избавиться от чувства, что это ее запах он хочет ощутить, что он за ней охотится. Она уже почти убедила себя, что это нелепо, когда он с грацией дикого хищника двинулся в ее сторону, направляясь прямо к ней.

Однако на его пути оказалась мягкая оттоманка. Предупреждающий крик застрял у нее в горле, когда он запнулся за оттоманку и грохнулся на пол.

Много хуже, чем само падение, было то, что он так и остался лежать, словно и не собирався подниматься. Вообще не собирався.

Саманта застыла, словно парализованная, а Беквит бросился к нему.

— Милорд! Мы думали, что вы спите после обеда!

— Жаль тебя разочаровывать, — граф Шеффилд растягивал слова, его голос был приглушен ковром. — Должно быть, кто — то забыл уложить меня в мою колыбель.

Схватившись за руку слуги, он тяжело поднялся на ноги, и солнечный свет, проникавший через открытую дверь, осветил его лицо.

У Саманты перехватило дыхание.

Свежий шрам, ярко — красного цвета, разделял пополам уголок его левого глаза и спускался вниз по его щеке зазубренной молнией, стягивая кожу. Когда — то это лицо было лицом ангела, эталоном мужской красоты, встречающейся только у принцев и ангелов. Но сейчас оно было навсегда отмечено клеймом дьявола. Хотя возможно, это был и не дьявол, подумала Саманта, а сам Бог, который приревновал из — за того, что обычный мужчина может быть так совершенен. Она знала, что должна отвернуться, но не могла отвести взгляд. Его испорченная красота все равно была неотразимей, чем любое совершенство.

Его безобразный шрам был словно маской, за которой он скрывал любой намек на уязвимость. Но он не смог скрыть замешательство, которое отразилось в его глазах цвета морской волны. Глазах, которые не видели Саманту, которые смотрели сквозь нее.

Его ноздри снова раздулись.

— Здесь женщина, — безапелляционно заявил он.

— Да, конечно, милорд — сказала миссис Филпот. — Мы с Беквитом просто наслаждались послеобеденным чаем.

Домоправительница снова потащила Саманту за руку, молчаливо умоляя о спасении. Исслепой взгляд Габриэля Ферчайлда приковал ее к полу. Он стал двигаться к ней, медленнее чем раньше, но не менее точно определяя ее местонахождение. Саманта поняла, что она будет дурой, если примет его осторожность за слабость. Отчаяние делало его еще более опасным. Особенно по отношению к ней.

Он двигался с такой решимостью, что даже миссис Филпот отступила назад, как тень, оставляя Саманту перед ним в полном одиночестве. Несмотря на свой первый порыв отстраниться, она вынудила себя стоять прямо, с высоко поднятой головой. Ее первоначальный страх, что он может налететь на нее — или даже через нее — был

необоснован.

Со сверхъестественным осязанием он остановился прямо перед ней, сильно пригнувшись. Саманта не думала, что терпкий и чистый аромат лимонной вербены, которым она надушилась за ушами, окажется тем, что его так привлекало. Но при взгляде на его лицо, когда он наполнял легкие ее ароматом, она чувствовала себя бедной девочкой из гарема, ожидающей благосклонности султана. Ее кожу начало покалывать. Как будто он трогал ее сразу всюду, не касаясь даже одним пальцем.

Когда он начал кружить вокруг нее, она стала поворачиваться вокруг своей оси вместе с ним, словно некоторый древний инстинкт подсказывал ей не поворачиваться к нему спиной. Наконец, он оказался так близко, что она могла ощутить живое тепло его кожи и сосчитать каждую золотистую ресничку его необычных глаз.

— Кто она? — не допуская возражений тоном спросил он, останавливая взгляд над ее левым плечом. — И чего она хочет?

И прежде чем слуги смогли пробормотать ответ, Саманта твердо сказала:

— Она, милорд, это мисс Саманта Викиршем, и она приехала занять место вашей медсестры.

Граф опустил пустой взгляд и вытянул губы, будто удивляясь, что его жертва такая маленькая. Потом он фыркнул.

— Под медсестрой вы имеете в виду няню? Кого — то, кто будет петь мне колыбельные, кормить с ложечки овсянкой и вытирать мой, — он колебался достаточно долго, чтобы заставить обоих слуг съежиться от страха, — подбородок, если я буду пускать слюни?

— У меня нет голоса, чтобы петь колыбельные, и я уверена, что вы вполне способны вытереть собственный ... подбородок, — легко ответила Саманта. — Моя задача будет состоять в том, чтобы помочь вам приспособиться к новым обстоятельствам.

Он наклонился еще ближе к ней.

— А что, если я не хочу приспособливаться? Что, если я хочу, чтобы меня просто оставили в покое, черт возьми, чтобы я мог беспрепятственно гнить здесь?

Миссис Филпот в ужасе открыла рот, но Саманту не шокировало его небрежное богохульство.

— Не надо краснеть из — за моего присутствия, миссис Филпот. Могу вас заверить, что мне не в новинку детские выходки. Когда я работала гувернанткой, мои юные подопечные часто и с удовольствием проверяли пределы моего терпения, устраивая истерики, когда не получали желаемого.

Будучи сравненным с упрямым трехлетним ребенком, граф смягчил свой тон до угрожающего рычания.

— И я предполагаю, что вы вылечили их от этой привычки?

— Вылечила временем. И терпением. В данный момент, вы располагаете одним, а я другим.

К ее удивлению, он повернулся к мистеру Беквиту и миссис Филпот.

— Что заставляет вас думать, что эта будет чем — то отличаться от других?

— Других? — эхом отозвалась Саманта, выгибая бровь.

Дворецкий и домоправительница обменялись виноватыми взглядами.

Граф снова повернулся к Саманте.

— Я предполагаю, что они забыли упомянуть ваших предшественниц. Так, посмотрим,

сначала была старая Кора Грингот. Она была почти так же глуха, как я слеп. Мы были просто прекрасной парой, действительно были. Я провел большую часть времени в поисках ее слухового аппарата, чтобы докричаться до нее через него. Если память мне не изменяет, думаю, она продержалась меньше двух недель.

Широкими шагами он прошелся туда и обратно перед Самантой — четыре шага вперед, четыре назад. Было очень легко представить себе его шагающим по палубе корабля и непринужденно раздающим команды, его золотистые волос раздувает ветер, а его пристальный взгляд всматривается в далекий горизонт.

— Потом была девчушка из Ланкашира. Она была очень робким существом с самого начала. Говорила голосом чуть погромче шепота. Она даже не потрудилась забрать свое жалование и вещи, когда уезжала. Просто с воплями сбежала в ночи, как будто за ней гнался маньяк.

— Могу себе представить, — пробормотала Саманта.

Он сделал небольшую паузу и затем продолжил свое хождение.

— И вот, на прошлой неделе мы потеряли бедную вдову Хоукинс. Она, казалось, была крепче и быстрее остальных. Прежде чем в ярости нас покинуть, она порекомендовала Беквиту нанять не медсестру, а смотрителя из зоопарка, поскольку его хозяина надо держать в клетке.

Саманта была почти рада, что он не может видеть, как подергиваются ее губы.

— Так что, мисс Викаршем, мне не нужна никакая помощь, особенно ваша. И вы можете сбежать обратно в свою классную комнату, или детскую, или где вы там работали. Нет никакой необходимости и дальше тратить впустую ваше драгоценное время. Или мое.

— Но милорд! — запротестовал Беквит. — Едва ли необходимо быть таким грубым к этой молодой особе.

— Молодая особа? Ха! — Граф выбросил вперед руку, едва не обезглавив фикус в горшке, который выглядел так, будто его не поливали по меньшей мере лет десять. — Я по ее голосу могу сказать, что она — резкое и нелюбезное существо без унции женственной мягкости. Если вы хотели нанять для меня кого — то, то вам, вероятно, надо было взять одну с Флит — стрит, она удовлетворила бы меня намного больше. Мне не нужна медсестра! Мне нужна хорошая...

— Милорд! — воскликнула миссис Филпот.

Ее хозяин, может, и был слепым, но он не был глухим. Мольба шокированной женщины подействовала на него сильнее, чем удар, и заставила умолкнуть. С тенью шарма, который, должно быть, когда — то был его второй натурой, он повернулся на каблуках и поклонился креслу с подголовником, которое стояло слева Саманты.

— Прошу простить меня за ребяческую вспышку, мисс. Я уверен, что вас ждет более удачный день. И более удачная жизнь.

Сориентировавшись с направлением входной двери, он двинулся вперед, не желая ни отказываться от широких шагов, ни искать дорогу на ощупь. Он, возможно, и достиг бы своей цели, если бы его колено не врезалось в угол низкого столика из красного дерева с такой силой, что Саманта с сочувствием вздрогнула. Бормоча проклятья, он с такой силой пнул столик, что тот пролетел через всю комнату и ударился об стену. Ему потребовалось три попытки, чтобы найти ручку двери, сделанную из слоновой кости, но в результате все же удалось захлопнуть за собой дверь с выразительным грохотом.

По мере того, как он уходил в глубину дома, звуки ударов и проклятий постепенно

стихали.

Миссис Филпот осторожно закрыла французское окно, затем вернулась к столику для чая и налила себя чашечку. Она присела на край дивана, словно сама была в доме гостьей, и со звяканьем поставила чашку на блюде.

Мистер Беквит тяжело опустился около нее. Вытащив накрахмаленный носовой платок из кармана жилета, он вытер со лба пот и бросил на Саманту извиняющийся взгляд.

— Боюсь, что мы должны извиниться перед вами, мисс Викаршем. Мы были с вами недостаточно любезны.

Саманта опустилась в кресло с подголовником и сложила руки на коленях, с удивлением обнаружив, что сама тоже дрожит. Благодарная возможности спрятать лицо в полумраке, она сказала:

— Похоже, что граф — не такой уж доброжелательный инвалид, как вы писали в своем объявлении.

— Он не в себе, с тех пор, как вернулся с того ужасного сражения. Если бы вы только знали его до того, как... — миссис Филпот сглотнула, ее серые глаза заблестели от слез.

Беквит дал ей свой носовой платок.

— Лавиния права. Он был настоящим джентльменом, истинным принцем среди других мужчин. Временами я боюсь, что удар, который ослепил его, возможно, повредил также и его разум.

— Или, по крайней мере, его манеры, — сухо заметила Саманта. — А его остроумие, кажется, почти совсем не пострадало.

Домоправительница высморкалась.

— Он всегда был таким умным мальчиком. Даже слишком, когда дело касалось сарказма или вычислений. Я редко видела его без книги в руке. Когда он был маленьким, мне все время приходилось уносить его свечу на время сна из боязни, что он утащит книгу в постель и случайно подожжет одеяла.

Саманта в шоке осознала, что сейчас он лишен даже этого удовольствия. Трудно было даже представить себе, какой стала его жизнь без утешения, которое могли обеспечить книги.

Беквит кивнул, его глаза затуманились от воспоминаний о лучших временах.

— Он всегда был гордостью и радостью своих родителей. Когда он принял то нелепое решение присоединиться к Королевскому флоту, его мать и сестры бились в истерике и умоляли его не уезжать, а его отец, маркиз, угрожал отречься от него. Но когда пришло время ему уходить в плаванье, они собрались на пристани, благословляли его и махали ему вслед.

Саманта затеребила подкладку своей перчатки.

— Это довольно необычно для дворянина, особенно для первенца, делать военно — морскую карьеру, ведь верно? Я думала, что армия привлекает богатых и титулованных, а Королевский флот — убежище бедных и честолюбивых.

— Он никогда не объяснял свой выбор, — прервала ее миссис Филпот. — Он только сказал, что должен следовать за своим сердцем, куда бы оно его ни привело. Он отказался покупать себе офицерское звание, как делало большинство мужчин, настаивая, что хочет получить его только своими собственными заслугами. Когда стало известно, что на борту — Виктории — его повысили до лейтенанта, его мать плакала от радости, а отец был так горд, что едва не сорвал пуговицы на своем жилете.

— Виктория^[2], — пробормотала Саманта. Название судна, оказалось, было пророческим. С помощью подчиненных ей кораблей — Виктория- разбила флот Наполеона в Трафальгаре, разрушив мечту императора о контроле над морем. Но стоимость победы была высока. Адмирал Нельсон выиграл сражение, но потерял жизнь, как и многие из молодых людей, которые так отважно сражались вместе с ним.

Они полностью отдали свой долг, но Габриэль Ферчайлд будет платить по счетам всю оставшуюся жизнь.

Она почувствовала, как в ней поднимается волна гнева.

— Если семья была так предана ему, то где они сейчас?

— Путешествуют за границей.

— Живут в лондонской резиденции.

Слуги сказали это в унисон и затем обменялись робкими взглядами. Миссис Филпот вздохнула.

— Граф провел большую часть своей юности в Ферчайлд — Парке. Из всех поместий его отца это всегда было для него самым любимым. Конечно, у него есть свой собственный дом в Лондоне, но, отдавая дань тяжести его ранения, родные решили, что ему будет легче выздоравливать в доме его детства, вдали от любопытных глаз общества.

— Легче для кого? Для него? Или для них?

Беквит отвел взгляд.

— В их защиту можно сказать, что в последний раз, когда они приезжали, он практически выгнал их из поместья. В какой — то момент я даже испугался, что он сейчас прикажет спустить на них собак.

— Сомневаюсь, что их пришлось долго уговаривать. — Саманта на мгновение закрыла глаза, изо всех сил стараясь сохранить самообладание. Она не имела права осуждать его семью за недостаточную лояльность. — Прошло уже больше пяти месяцев, с тех пор как он был ранен. Врач дает хоть какую — то надежду, что зрение к нему вернется?

Дворецкий печально покачал головой.

— Очень маленькую. Было описано всего один или два случая, когда такая потеря зрения восстанавливалась.

Саманта опустила голову.

Мистер Беквит встал, его мясистые щеки и печальное выражение лица делали его похожим на меланхоличного бульдога.

— Я льщу себя надеждой, что вы простите нас за пустую трату вашего времени, мисс Викаршем. Я понимаю, что вам нужен экипаж, чтобы уехать отсюда. Я буду счастлив оплатить ваше возвращение в город из собственного кармана.

Саманта встала.

— В этом нет необходимости, мистер Беквит. Я не собираюсь сейчас возвращаться в Лондон.

Дворецкий и миссис Филпот обменялись расстроенными взглядами.

— Простите?

Саманта отодвинула стул, на котором раньше сидела, и вытащила из — под него свой чемоданчик.

— Я остаюсь здесь. Я принимаю должность медсестры графа. А сейчас не окажите ли вы мне любезность и не попросите ли кого — нибудь из лакеев принести мой сундучок из кареты и показать мне мою комнату, чтобы я могла подготовиться приступить к своим

обязанностям.

Он все еще продолжал ощущать ее запах.

Как будто насмехаясь над ним и напоминая о том, что он потерял, обоняние Габриэля сильно обострилось за последние несколько месяцев. Всякий раз проходя мимо кухни, он легко мог сказать, приготовил ли повар — француз по имени Этьен фрикадельки из телятины или сливочный соус бешамель, чтобы раздражить его аппетит. Он чувствовал даже очень слабый запах дыма, независимо от того, был ли недавно разожжен огонь в пустой библиотеке или, напротив, он уже превратился в тлеющие угольки. Когда он падал на кровать в своей комнате, которая больше напоминала звериное логово, чем спальню, его атаковал запах застарелого пота от собственных скомканных простыней.

Сюда, в спальню, он возвращался со своими ноющими ушибами и царапинами, здесь он проводил беспокойные ночи, которые мог отличить от дней только по духоте и тишине. Иногда в часы между сумерками и рассветом он чувствовал себя единственной живой душой на этом свете.

Габриэль прижал тыльную сторону ладони ко лбу и по старой привычке закрыл глаза. Когда он ворвался в ту комнату, то сразу же распознал лавандовую туалетную воду миссис Филпот и мускусную помаду для волос Беквита, нанесенную на несколько еще оставшихся прядей. Но он не узнал освежающий лимонный аромат, наполнявший воздух. Этот аромат был сладким и терпким, тонким и резким.

Мисс Викаршем, безусловно, пахла не как медсестра. Старая Кора Грингот пахла нафталиновыми шариками, а вдова Хоукинс была как горький миндаль, который любила нюхать. А мисс Викаршем не пахла как засушенная старая дева, которую он себе представил, когда она заговорила. Если по ее сухому тону можно было о чем — то судить, ее поры должны были испускать ядовитый туман из застарелой капусты и могильную пыль.

Когда же он приблизился к ней, то сделал еще более потрясающее открытие. Под ярким ароматом цитруса скрывался другой, который сводил его с ума, лишая последних остатков чувств и здравого смысла.

Она пахла женщиной.

Габриэль застонал сквозь стиснутые зубы. Он не чувствовал ни единого позыва желания с тех пор, как очнулся в Лондонской больнице и открыл, что его мир превратился во мрак. А запах теплой, сладкой кожи мисс Викаршем вызвал в нем одурманивающе — туманные воспоминания о поцелуях в залитом лунным светом саду, хрипловатое бормотание и горячую атласную кожу женщины под его губами. Обо всех тех удовольствиях, которые он больше никогда не познает.

Он открыл глаза, только чтобы убедиться, что мир все еще скрыт от него тьмой. Возможно, слова, которые он швырнул в лицо Беквиту, были верны. Возможно, он должен воспользоваться услугами определенного типа женщин. Если заплатить ей как следует, она, возможно, даже сможет посмотреть на его искаленное лицо и не отскочить в ужасе. Но какое это имеет значение, даже если она так и сделает? — подумал Габриэль и издал резкий смешок. Он все равно этого не узнает. Возможно, если она зажмурит глаза и притворится, что он мужчина ее мечты, он сможет притвориться, что она — женщина, которая произносит его имя с придыханием и шепчет клятвы в вечной верности.

Клятвы, которые она не собирается исполнять.

Габриэль вытолкнул себя из кровати. Будь проклята эта Викаршем! Она не имела никакого права так язвительно смеяться над ним и пахнуть так сладко. К счастью, он

приказал Беквиту отослать ее. Пока это будет в его власти, она больше его не побеспокоит.

«Моя дорогая мисс Марч,

Могу Вас заверить, что несмотря на свою репутацию, я не имею привычки начинать тайную переписку с каждой красивой молодой женщиной, которая поражает мое воображение...»

* * *

На следующее утро, наощупь спускаясь по винтовой лестнице, которая вела в самое сердце особняка Ферчайлд — Парк, Саманта чувствовала себя так, словно ее тоже поразила слепота. Окна все до одного были плотно занавешены. Было впечатление, что дом, так же, как его хозяин, был ввергнут в черное царство вечной ночи.

Одинокий торшер горел у подножья лестницы и давал достаточно света, чтобы она увидела, что ее пальцы, которыми она, спускаясь, держалась за перила, покрыты пылью. Поморщившись, она вытерла руку об юбку. Учитывая серый цвет кашемира, она сомневалась, что кто — нибудь это заметит.

Даже душный полумрак не мог полностью скрыть легендарное богатство Ферчайлдов, которое было фамильным предметом зависти для многих. Стараясь не пугаться этой демонстрации многовековых привилегий, Саманта сошла с лестницы и направилась в холл. Прошло много времени с тех пор, как в доме было отремонтировано все, от темных стеновых панелей до Тюдоровских арок мрачной эпохи Якова I. По полу итальянского мрамора у нее под ногами танцевали тени. Каждая изящная арка лепнин и карнизов, каждый завиток цветка или ваз из папье — маше, украшающих стены, был покрыт тонким слоем бронзы или позолоты. Даже скромная спальня, которую миссис Филпот предоставила Саманте, обладала фрамугой из цветного стекла над дверью, а ее стены были задрапированы шелковой парчовой тканью.

Беквит настаивал, что его хозяин когда — то был — принцем среди других мужчин. Разглядывая это откровенное богатство, Саманта фыркнула. Вероятно, не так трудно было заслужить такой эпитет, проведя всю жизнь в таком дворце.

Желая определить местонахождение своего нового подопечного, она решила использовать один из инструментов его собственного арсенала. Подняв голову и вытянув шею, она замерла и прислушалась.

Она не услышала ни одного звука удара, ни единого вскрика, только музыкальное звяканье блюд и стеклянной посуды. Звяканье стало значительно менее музыкальным, когда раздался грохот разбившегося стакана, сопровождавшийся яростными проклятиями. Саманта вздрогнула, но торжествующая улыбка коснулась ее губ.

Подобрав юбки, она продефилировала через комнату для завтрака, где проводилось ее собеседование, и вышла в дверь на противоположной стороне, следуя за звуками. Проходя одну пустынную комнату за другой, ей бросались в глаза признаки того, что здесь проходил граф. Ее крепкие полусапожки с хрустом ступали по осколкам дерева и фарфора. Когда она осторожно остановилась перед изящным стулом эпохи Чиппендейла, ей улыбнулось разбитое фарфоровое лицо Майсенской статуэтки.

Разрушения не были удивительны, учитывая небрежную склонность Габриэля ходить по дому, не обращая внимание на отсутствие зрения.

Она прошла под изящную арку. Отсутствие окон в столовой отказывало этой комнате,

похожей на пещеру, даже в намеке на дневной свет. Если бы не канделябры свечей, расставленные на обоих концах величественного стола, Саманта могла бы испугаться, что по ошибке забрела в семейный склеп.

По бокам буфета из красного дерева под внимательным оком Беквита замерла пара лакеев в синих ливреях. Ни один из них, казалось, не заметил Саманту, стоящую в дверном проеме. Они были слишком заняты пристальным вниманием к каждому движению, которое сделал их хозяин. Когда локоть графа сдвинул хрустальный бокал к краю стола, Беквит подал им знак. Один из лакеев бросился ловить закачавшийся бокал, прежде чем тот смог упасть. Пол вокруг стола был усеян черепками фарфора и хрусталя, свидетельствами более ранних падений.

Саманта изучила широкие плечи Габриэля и его мускулистые предплечья, снова поражаясь тому, каким сильным он выглядел. Вероятно, он мог бы обхватить ее тонкую шею двумя пальцами. Если бы смог найти.

При свете канделябров было видно, что его волосы сильно спутаны, словно с утра их не расчесывали ничем, кроме его нетерпеливых пальцев. На нем была все та же мятая рубашка, которая была на нем накануне, но сейчас она была еще и в пятнах жира и каплях шоколада. Он по — простецки закатал рукава до локтей, чтобы кружевные манжеты не попадали в тарелку.

Он поднес ломтик бекона ко рту, зубами оторвал кусок нежного мяса и на ощупь нашел перед собой тарелку. Саманта, нахмурившись, уставилась на стол. В поле ее зрения не было никаких столовых приборов. Чем и объяснялось то, почему Габриэль подцеплял и запихивал себе в рот яйца — пашот из фарфоровой чашки прямо голой рукой. Он покончил с яйцами и сунул в рот горячую булочку. Он облизал губы, но немного меда все равно осталось на уголке его рта.

Чувствуя себя шпионом самого низкого пошиба, Саманта все равно не могла оторвать взгляда от этой золотистой капли. Несмотря на полное отсутствие у него манер поведения за столом, было что — то очень чувственное в том, как он ел, в его неприкрытом желании утолить свой голод, обычно проклинаемом всеми. Подцепив новую отбивную, он начал срывать зубами мясо прямо с кости, и мясной сок потек у него по подбородку. Он был похож на древнего воина, только что вернувшегося со сражения с врагами и похитившего у них женщин. Саманта была почти готова услышать, как он взмахнет костью и заревет:

— Еще эля, девка!

Вдруг он замер и со зверским выражением лица принялся. Саманта принялась тоже, но все, что она смогла ощутить, это аппетитный аромат бекона.

Положив отбивную на тарелку, он сказал со зловещим спокойствием:

— Беквит, ради вашего блага, скажите мне, что вы просто принесли мне к чаю свежий лимон.

Глаза дворецкого расширились, когда он увидел Саманту.

— Боюсь, что не могу, милорд. Но если вы хотите, я немедленно схожу за ним.

Габриэль рванулся через стол, вслепую пытаясь схватить дворецкого, но Беквит уже исчез через противоположную дверь, только фалды его сюртука взметнулись за ним.

— Доброе утро, милорд, — мягко сказала Саманта и скользнула на стул рядом с ним, но вне его досягаемости. — Простите мистера Беквита. У него, очевидно, нашлись более неотложные дела.

Нахмурившись, Габриэль откинулся на спинку стула.

— Будем надеяться, что эти дела включают в себя подделку рекомендательных писем от ссылки и упаковку его вещей. Тогда вы сможете вернуться в Лондон вместе.

Игнорируя насмешку, Саманта вежливо улыбнулась замершим у стены лакеям. Со своими румяными щеками, веснушчатými носами и взъерошенными темными кудрями, они выглядели не старше шестнадцати. При ближайшем рассмотрении, она поняла, что они были не только братьями, но и близнецами.

— Сегодня с утра я просто умираю с голоду, — сказала она. — Можно мне тоже завтрак?

Даже ничего не видя, Габриэль, должно быть, ощутил их неуверенность. В конце концов, едва ли по этикету слуги могли обедать с хозяином за одним столом.

— Обслужите леди, вы, дурачье! — рявкнул он. — Было бы очень негостеприимно отправить мисс Викаршем в поездку на голодный желудок.

Лакеи бросились выполнять его указание и чуть не столкнулись лбами, расставляя перед Самантой фарфоровые тарелки со столовым серебром и заполняя из буфета поднос едой. Послав одному из них через плечо утешительную улыбку, она взяла себе яйца — пашот, булочки и несколько ломтиков бекона. У нее было чувство, что сегодня ей понадобится очень много сил.

Пока другой лакей наливал ей чашку горячего чая, она сказала, обращаясь к Габриэлю.

— Я провела всю прошлую ночь, устраиваясь в своей комнате. Я подумала, что вы не будете возражать, если я подожду до утра, прежде чем приступлю к своим обязанностям.

— У Вас нет никаких обязанностей, — ответил он, снова поднося отбивную ко рту. — Вы уволены.

Она разгладила на коленях льняную салфетку и сделала изящный глоток из чашки.

— Боюсь, что у Вас нет власти уволить меня. Я работаю не на вас.

Габриэль опустил отбивную, его золотистые брови собрались грозовым облаком над его переносицей.

— Простите? Должно быть, мой слух также меня подводит.

— Кажется, ваш преданный мистер Беквит нанял меня по указанию вашего отца. А это значит, что моим работодателем является некий Теодор Ферчайлд, маркиз Торнвуд. И пока он не сообщит мне, что мои услуги в качестве вашей медсестры больше не требуются, я буду стараться выполнять свои обязанности ради его удовлетворения, а не вашего.

— К счастью для вас, не так ли? Поскольку единственное, что удовлетворило бы меня, это ваш немедленный отъезд.

Саманта отрезала ломтик бекона ножом и наколола на вилку.

— Тогда я боюсь, вы обречены остаться неудовлетворенным.

— Я понял это в тот момент, когда услышал ваш голос, — пробормотал он.

Не желая достаивать это провокационное оскорбление ответом, она сунула в рот ломтик бекона.

Поставив локти на стол, он испустил громкий вздох.

— Итак, мисс Викаршем, скажите, к какой из ваших обязанностей в качестве моей новой медсестры, вы хотели приступить первой? Возможно, вы хотите покормить меня с ложечки?

Глядя на то, как поблескивают белизной его зубы, отрывающие очередной кусок отбивной, Саманта сказала:

— Учитывая ваш ... гм ... необузданный энтузиазм в еде, я немного опасуюсь

подносить пальцы к вашему рту.

На одного из лакеев внезапно напал приступ кашля, и он заработал удар локтем по ребрам от своего менее веселого брата.

Габриэль проглотил последний кусок отбивной и бросил кость на стол, промахнувшись мимо тарелки.

— Я полагаю, вы считаете, что у меня за столом плохие манеры?

— Я просто никогда не предполагала, что слепота исключает использование салфеток и столовых приборов. Вы с тем же успехом могли бы есть ногами.

Габриэль замолчал. Натянутая кожа вокруг его шрама побледнела, что сделало его метку дьявола еще более страшной. В этот момент Саманта была рада, что у него под рукой нет ножа.

Положив руку за спинку соседнего стула, он всем телом повернулся на звук ее голоса. Несмотря на то, что она знала, что он не может ее видеть, его взгляд был таким точным, что Саманте пришлось бороться с желанием улизнуть.

— Должен признаться, вы интригуете меня, мисс Викаршем. Судя по вашей речи вы явно образованы, но я не могу определить ваш акцент. Вы выросли в городе?

— В Челси, — сказала она, сомневаясь, что он часто навещал этот бедный район на севере Лондона. Она сделала слишком большой глоток чая и обожгла язык.

— Мне очень любопытно, зачем женщине вашего гм ... склада искать такую должность. Что побудило вас ответить на объявление о найме? Христианское милосердие? Всепоглощающее желание помочь своему соотечественнику? Или, возможно, ваше сострадание к немощи?

Вырезая ложкой яйцо из фарфоровой чашки, Саманта решительно сказала:

— Я предоставила мистеру Беквиту свои рекомендательные письма. Уверена, что в них вы все найдете.

— На случай, если вы не заметили, — ответил Габриэль, его голос стал немного поддразнивающим. — Я не в состоянии прочитать ваши письма. Может быть, вы могли бы просветить меня относительно их содержания.

Она отложила ложку в сторону.

— Как я уже говорила мистеру Беквиту, я почти два года служила гувернанткой у лорда и леди Карстейрс.

— Я знаю эту семью.

Саманта напрягалась. Он мог слышать о них, но неужели он их знает лично.

— После того, как война с французами возобновилась, я прочитала в «Таймс», что многие из наших благородных солдат и моряков страдают от недостатка ухода. И я решила предложить свои услуги в местной больнице.

— Я все равно не понимаю, почему вы сменили кормление детских ртов на перевязывание кровавых ран и утешение мужчин, сходящих с ума от боли.

Саманта изо всех сил постаралась убрать из своего голоса страстность.

— Эти мужчины хотели пожертвовать всем ради своего короля и страны. Почему я не могла принести свою маленькую жертву?

Он фыркнул.

— Единственное, чем они пожертвовали, это своими правильными взглядами и здравым смыслом. Они продали и то и другое королевскому флоту ради накрахмаленного синего сукна и золотых погон.

Она нахмурилась, потрясенная его цинизмом.

— Зачем вы говорите такие жестокие вещи? Ведь даже сам король превозносил вас за вашу доблесть!

— Это не должно вас удивлять. У Короны длинная история выдачи наград мечтателям и дуракам.

Забыв, что он не может видеть ее, Саманта даже привстала на стуле.

— Не дуракам! Героям! Таким, как ваш собственный главнокомандующий адмирал лорд Нельсон!

— Нельсон мертв, — категорично заявил он. — Не могу сказать, делает ли его это большим героем или дураком.

Оказавшись на данный момент побежденной, Саманта снова опустилась на стул.

Габриэль встал и, нащупывая путь по спинкам стульев, обошел вокруг стола. Когда его сильные руки накрыли спинку ее собственного стула, Саманте пришлось приложить все силы, чтобы не сорваться с места. Вместо этого она упрямо смотрела вперед собой, и каждый его вздох отдавался в ее ушах так же, как и в его.

Он наклонился над ней так низко, что его губы оказались в опасной близости от ее затылка.

— Уверен, что ваша преданность своему делу является искренней, мисс Викаршем. Но пока это зависит от меня, и до тех пор, пока вы не обретете разум и не уволитесь, у вас есть только одна обязанность. Он говорил мягко, но каждое его слово было большим проклятьем, чем если бы он выкрикивал их. — Держитесь от меня подальше, черт подери.

Он ушел, оставив ее наедине с этим предупреждением, и пронесся мимо лакея, который было выбежал вперед, чтобы подать ему руку. Хотя Саманта и предполагала, что не должна удивляться тому, что он скорее будет наткаться на вещи во тьме слепоты, чем примет руку помощи, она все равно вздрогнула, когда громкий грохот удара прозвучал где — то в глубине дома.

* * *

Этим утром Саманте больше ничего не оставалось, кроме как бродить по темным комнатам Ферчайлд — Парка. Тишина в нем была такой же гнетущей, как и сумрак. Никакой деловой суматохи, которую можно было бы ожидать от процветающего загородного дома в Бакингемшире. Никаких горничных, споро смахивающих пыль с перил и стен своими метелочками, никаких раскрасневшихся прачек, таскающих по лестнице корзины чистого белья, никаких лакеев с охалками дров для каминов. Все каминные, которые ей встречались, были холодными и потемневшими, с угольками, сгоревшими до состояния пепла. Херувимы на барельефах скорбно смотрели на нее с мраморных каминных полок, их пухлые щеки были перепачканы сажей.

Горстка слуг, с которыми она сталкивалась, казалось, бродила по дому без определенной цели. Заметив ее, они словно растворялись в тенях дома, а их голоса никогда не поднимались выше шепота. Ни у кого из них, казалось, не было порывов принести метлу и убрать осколки мебели и черепки фарфора, которые покрывали все полы.

Саманта прошла через пару двухстворчатых дверей до конца темной галереи. Мраморная лестница вела в большой зал для танцев. Темными зимними вечерами у нее было очень мало времени на потакание своим прихотям, но сейчас от волнения она не смогла больше сопротивляться и закрыла глаза. Она представила себе зал, утопающий в море цветов, музыки и веселой болтовни, и представила себя кружащейся по нему в сильных

мужских объятиях. Она видела, как он ей улыбается, видела себя смеющейся вместе с ним и прикасающейся к золотым погонам, украшающим его широкие плечи.

Глаза Саманты резко распахнулись. Покачав головой над собственной глупостью, она захлопнула двери зала. Это была вина графа. Если бы он позволил ей исполнять обязанности, для которых ее наняли, она смогла бы лучше контролировать свое предательское воображение.

Она прошла через просторную гостиную, и поскольку сама обращала внимания на обстановку не больше, чем Габриэль, ее нога врезалась в опрокинутый журнальный столик. Издав оглушительный вопль, она запрыгала на одной ножке, потирая ушибленные пальцы через потертую кожу ботинок. Если бы на ней мягкие туфли, она могла бы сломать ногу.

Глядя на узкие полоски солнечного света, с трудом проникающего через тяжелые бархатные портьеры, Саманта уперла руки в бедра. Габриэль, конечно, может желать похоронить себя в этом мавзолее, но она, определенно, нет.

Поймав что — то белое боковым зрением, она развернулась и увидела служанку в чепце, на цыпочках пробирающуюся мимо двери.

Саманта позвала ее:

— Девушка! Идите сюда!

Та остановилась и, с ощутимым нежеланием, медленно повернулась.

— Да, мисс?

— Идите сюда, пожалуйста. Мне нужна ваша помощь, чтобы открыть эти портьеры. — Крякнув от натуги, Саманта пододвинула к окну большую, обитую парчой, оттоманку.

Но вместо того, чтобы броситься ей на помощь, девушка попятилась назад, ломая бледные веснушчатые пальцы и тревожно качая головой.

— Я не смею, мисс. Что скажет хозяин?

— Он скажете, что вы делали свою работу, — с риском для жизни Саманта забралась на оттоманку.

Раздраженная нерасторопностью служанки, она потянулась, схватила портьеру обеими руками и дернула со всей силы. Вместо того, чтобы раздвинуться, портьеры вырвались из своих пазов и рухнули, оставив после себя облако пыли, от чего Саманта отчаянно зачихала.

Солнечный свет заструился через огромное, от пола до потолка, французское окно, и превратил бултыхающиеся пылинки в сверкающее волшебное очарование.

— О, мисс, вы не должны были этого делать! — закричала служанка, моргая, как лесное создание, которое жило много лет под землей. — Я сейчас позову миссис Филпот!

Отряхивая руки об юбку, Саманта спрыгнула с оттоманки и с удовлетворением осмотрела дело своих рук.

— Так почему же вы не делаете этого? Я ничего так сильно не желаю, как поболтать с этой милой женщиной.

Издав еще один невнятный крик, служанка с дикими глазами выбежала из комнаты.

Когда миссис Филпот вскоре вплыла в гостиную, она обнаружила новую медсестру графа опасно балансирующей на сидении изящного стула времен Людовика XIV. Домоправительница в ужасе уставилась на Саманту, которая резко рванула на себя портьеры, которые держала в руках. Те свалились ей на голову, похоронив в облаке изумрудно — зеленого бархата.

— Мисс Викаршем! — воскликнула миссис Филпот, загораживая глаза от ослепляющего света, который врвался через французские окна. — Что все это значит?

Спустившись на пол, Саманта спихнула с себя тяжелые складки ткани. Под возмущенным взглядом экономки она примирительно кивнула на груды портьер, сваленных на пол.

— Я собиралась просто открыть их, но увидев всю эту пыль, я поняла, что здесь надо еще хорошенько проветрить.

Положив руку на связку ключей на своей талии, словно на рукоятку меча, миссис Филпот выпрямилась.

— Я — главная управляющая в Ферчайлд — Парк. Вы — медсестра хозяина. Проветривание едва ли входит в пределы ваших обязанностей.

Осторожно поглядывая на нее, Саманта отперла задвижку и открыла окно. Слабый ветерок с ароматом сирени ворвался в комнату.

— Вероятно, не входит. Но вот здоровье моего пациента — да. Свет может быть и потерян для вашего хозяина, но нет причин ему терять и свежий воздух. Очищение его легких только улучшит его состояние ... и расположение духа.

Миссис Филпот явно заинтересовалась.

Поощряемая ее поколебленной решимостью, Саманта начала кружить по комнате, рассказывая о своих планах и сопровождая их энергичными жестами.

— Для начала, я думаю, надо сказать служанкам подмести все стекло, а лакеи должны убрать сломанную мебель. Потом, убрав все хрупкие предметы, мы сможем отодвинуть тяжелую мебель к стенам, очистив путь для графа во всех комнатах, через которые он проходит.

— Большую часть времени граф проводит в своей спальне.

— И вы можете его винить за это? — спросила Саманта, недоверчиво моргнув. — Что бы вы чувствовали, если бы каждый раз, ступая за порог своей спальни, вы рисковали сломать ногу или проломить себе голову?

— Это хозяин приказал держать все портьеры закрытыми. Это он настаивал, чтобы все оставалось на своих местах, как это было прежде чем... прежде чем... — у домоправительницы перехватило горло, она не смогла закончить. — Мне жаль, но я не могу действовать против его желания. И не могу приказывать, чтобы это делали остальные слуги.

— То есть вы не будете мне помогать?

Миссис Филпот покачала головой, ее серые глаза были полны искреннего сожаления.

— Я не могу.

— Очень хорошо. — Саманта кивнула. — Я уважаю вашу лояльность к вашему работодателю и вашу преданность своей работе.

С этими словами она развернулась, прошла к следующему окну и стала стаскивать с него тяжелые портьеры.

— Что вы делаете? — закричала миссис Филпот, когда занавески каскадом свалились вниз.

Саманта бросила охапку бархата на вершину кучи и распахнула окно, наводнив комнату светом и свежим воздухом. Она повернулась к миссис Филпот, отряхивая руки.

— Свою работу.

* * *

— Она еще там? — шепотом спросила одна из посудомоек у розовощёкого лакея, когда он вошел на впечатляющую размерами кухню Ферчайлд — Парка.

— Боюсь, что так, — шепотом же ответил тот, незаметно хватая ломтик нарезанной

колбасы с подноса и запихивая его в рот. — Разве вы не слышите?

Хотя на улице стемнело уже почти час назад, таинственный шум продолжал отдаваться эхом на весь первый этаж. Звуки ударов, звона, ворчания и скрип тяжелой мебели, которую тащат по паркету, были слышны с самого утра.

Слуги проводили день так же, как повелось с возвращения Габриэля с войны — столпившись вокруг старого дубового стола перед кухонным очагом и вспоминая старые добрые времена. Этим холодным весенним вечером Беквит и миссис Филпот сидели друг напротив друга и пили одну чашку чая за другой, не смея встречаться взглядами или произнести хоть одно слово.

Когда очередной, особенно резкий удар заставил всех вздрогнуть, одна из горничных прошептала:

— Вы не думаете, что мы должны...

Миссис Филпот повернулась и убийственным взглядом пригвоздила бедную девушку к месту.

— Я думаю, что мы должны заниматься своими собственными делами.

Один из молодых лакеев выступил вперед и посмел задать вопрос, который каждый хотел, но боялся задать.

— А что, если услышит хозяин?

Сняв очки и полируя их рукавом, Беквит печально покачал головой.

— Прошло столько времени с тех пор, как хозяин обращал внимание на то, что происходит вокруг. Нет причин думать, что сегодня вечером будет по — другому.

Его слова навели на всех уныние. Когда — то они гордились своей преданностью этому большому дому, порученному их заботам. Но то, что ни одна живая душа не видит, как блестят любовно натертые деревянные поверхности, не хвалит поддерживаемый ими порядок на всех этажах, или камин, наполненный свежими дровами, было причиной того, что они не смогли отойти от мрачных мыслей.

Они едва заметили, что в кухню осторожно вошла одна из молоденьких горничных. Подойдя прямо к госпоже Филпот, она сделала один реверанс, потом другой, явно слишком робея попросить разрешение сказать.

— Не подпрыгивайте, как поплавок, Элси, — рявкнула миссис Филпот. — В чем дело?

Теребя передник в руках, девочка снова сделала реверанс.

— Я подумала, что вам лучше пойти и самой посмотреть, мэм.

Обменявшись сердитым взглядом с Беквитом, миссис Филпот встала. Беквит выдернул себя из — за стола и последовал за ней. Выходя из кухни, они были слишком сосредоточены, чтобы заметить, что остальные гурьбой высыпали за ними.

Наверху подвальной лестницы миссис Филпот внезапно остановилась, едва не создав опасную цепную реакцию.

— Ш — ш-ш — ш! Прислушайтесь! — приказала она.

Все задержали дыхание, но слышали только одну вещь.

Тишину.

Когда они беззвучным парадом проходили одну комнату за другой, их ноги больше не наступали на груды осколков и обломков. Лунный свет проникал через незанавешенные окна, открывая чисто подметенные полы и сломанную мебель, разделенную на две аккуратные части — в одной пригодная для починки, а во второй — только, чтобы выбросить. Хотя самая тяжелая мебель все еще оставалась на своих местах, проход через

большинство комнат был освобожден, все хрупкие вещи переставлены на верхние этажи каминных и книжных полок. Все коврики, за плетеные края которых могла зацепиться нога, также были скатаны и отодвинуты к стене.

В библиотеке, в озерце тусклого лунного света, они и нашли новую медсестру своего хозяина, которая крепко спала, свернувшись калачиком на оттоманке. Слуги столпились вокруг, молча таращась на нее.

Преыдущие медсестры графа принадлежали к тому же неопределенному социальному слою, что и гувернантки или учителя. Их, конечно, не считали равными их работодателю, но при этом они и не опускались до статуса остальных слуг. Они забирали еду себе в комнаты и ужаснулись бы от перспективы приложения своих нежных белых ручек к такой черной работе, как вытаскивание во двор тяжелых портьер ради проветривания.

Руки мисс Викаршем больше не были белыми и нежными. Ногти были сломаны и загрязнены. На правой руке, между большим и указательным пальцем, была кровавая мозоль. Очки на носу скособочились, а от тихого похрапывания легко взлетали и снова падали ей на нос мягкие прядки волос.

— Мне разбудить ее? — шепотом спросила Элси.

— Сомневаюсь, что у вас получится, — тихо сказал Беквит. — Бедная девочка совсем измучена. Он поманил пальцем одного из высоких лакеев. — Почему бы вам ни отнести мисс Викаршем в ее комнату, Джордж? И возьмите одну из девушек с собой.

— Меня, — нетерпеливо сказала Элси, забыв про свою застенчивость.

Лакей сгреб мисс Викаршем в свои большие руки, а одна из девушек — посудомоек поправила на ней очки.

Когда они ушли, миссис Филпот так и продолжала смотреть на оттоманку с непостижимым выражением лица.

Осторожно подойдя к ней, Беквит неловко откашлялся.

— Должен ли я отпустить остальных слуг спать?

Домоправительница медленно подняла голову. Ее серые глаза смотрели со стальной решимостью.

— Я вынуждена сказать нет. Здесь еще много несделанной работы, и я больше не могу позволить им бездельничать, оставляя работу до лучших времен. Она вцепилась в двух оставшихся лакеев. — Питер и Филипп, берите тот диван и отодвиньте его к этой стене. — Обменявшись усмешками, близнецы поспешили взяться за концы тяжелой кушетки. — Осторожно! — возмутилась она. — Если вы поцарапаете красное дерево, я высчитаю стоимость ремонта из вашего жалования и ваших спин.

Развернувшись к ошарашенным служанкам, она хлопнула в ладоши, и эхо прозвучало в библиотеке как выстрел.

— Бетси, Джейн, несите пару швабр, тряпки и ведра с горячей водой. Моя мать всегда говорила, что нет смысла подметать, если вы не собираетесь мыть пол. Кроме того, сейчас, когда на окнах нет занавесок, их будет намного легче мыть. — Поскольку девушки продолжали стоять с открытыми ртами, она замахала на них передником. — Не стойте там, открыв рот, как выброшенная на берег форель. Бегом. Бегом!

Миссис Филпот подошла к одному из двустворчатых окон и толчком открыла его.

— Ах! — воскликнула она, полной грудью вдыхая опьяняющий аромат сирени в вечернем воздухе. — Возможно, к утру этот дом больше не будет по запаху напоминать открытую могилу.

Беквит побежал за ней. — Вы совсем потеряли разум, Лавиния? Что мы скажем хозяину?

— О, мы ничего не будем ему говорить. — Миссис Филпот кивнула по направлению к дверному проему, за которым исчезла мисс Викаршем, и ее губы изогнулись в хитрой улыбке. — Она сама скажет.

«Моя дорогая мисс Марч,

Должен признаться, что с тех пор, как я положил на Вас глаз, я ни о ком другом больше не могу думать...»

* * *

На следующее утро Габриэль осторожно спускался вниз, с каждым шагом все больше принохиваясь. Но сколько бы он ни старался, он так и не смог ощутить аромат лимона. Вероятно, мисс Викиршем вняла его предупреждению и уволилась. Так что теперь ему больше не придется терпеть ее дерзость. Мысль об этом несколько разочаровала его. И он понял, что проголодался сильнее, чем думал.

Отбросив всякую осторожность, он направился к гостиной, уже готовый к первой встрече ноги с каким — нибудь предметом мебели. По правде говоря, он только приветствовал боль, которую это приносило. Каждый новый ушиб или царапина напоминали ему, что он еще жив.

Однако готовился он напрасно. Он пересек гостиную так ни на что не натолкнувшись, пока скамеечка для ног не сбила его широкий шаг, а лучи солнечного света не осветили лицо. Габриэль замер на полпути и вскинул руку, защищая лицо от ослепляющего тепла. Он инстинктивно зажмурился, но ничем не смог защититься от радостного пения птиц и ветра с ароматом сирени, ласкающего его кожу.

На минуту он подумал, что все еще спит в своей постели. И убедил себя, что открыв глаза, окажется на мерцающе — зеленом лугу под шелковисто — белыми цветами грушевого дерева. Но открыв глаза, он понял, что перед ними все еще ночь, несмотря на предательское тепло солнца на своем лице.

— Беквит! — взревел он.

Кто — то тронул его за плечо. Безо всяких размышлений Габриэль обернулся и попытался схватить нападающего. И хотя его руки поймали пустоту, резкий и сильный запах лимона зашекотал его ноздри.

— Никто не говорил вам, что невоспитанно подкрадываться к слепому мужчине? — проворчал он.

— И кажется, опасно. — Хотя этот до боли знакомый тон ни на йоту не уступал ее обычной строгости, в нем было нечто, что заставляло его сердце биться сильнее.

Изо всех сил стараясь усмирить свой темперамент, Габриэль сделал несколько шагов назад. Поскольку избежать соблазнительного тепла солнечного света было невозможно, он повернулся к Саманте правой стороной лица, ориентируясь на звук ее голоса.

— Где Беквит, дьявол его подери?

— Я точно не знаю, милорд, — призналась медсестра. — Кажется, сегодня утром всех в доме подкосила любопытная болезнь. Завтрак не приготовлен, и большинство слуг все еще в постели.

Он вытянул и широко развел руки, потом сделал полный разворот, не наткнувшись, однако, ни на один предмет.

— Тогда более конкретный вопрос: где моя мебель?

— О, не волнуйтесь. Она вся здесь. Мы только пододвинули большую часть к стенам, чтобы она больше не оказывалась у вас на пути.

— Мы?

— Ладно, главным образом, я. — На одну секунду она казалась почти такой же смущенной, как и он сам. — Хотя, кажется, слуги все же решили прийти мне на помощь, после того, как я заснула.

Габриэль глубоко вздохнул, демонстрируя бесконечное терпение.

— Если все комнаты будут одинаковы, то как мне узнать, в гостиной я или в библиотеке? Или в компостной куче на заднем дворе, какая разница?

На какой — то блаженный момент ему удалось лишить ее дара речи.

— Я никогда об этом не думала! — наконец сказала она. — Вероятно, лакеям надо будет вытащить кое — что из мебели на середину каждой комнаты, чтобы были ориентиры. — Ее юбки зашелестели, когда она обошла его, полностью поглощенная своими планами. Габриэль повернулся вместе с ней, держась правой стороной на звук ее голоса. — Если мы закроем острые углы одеялами, вы будете в состоянии договориться с домом, не рискуя пораниться. Особенно, если вы научитесь считать.

— Уверю вас, мисс Викаршем, что я научился считать еще в колыбели.

Настала ее очередь вздохнуть.

— Я имела в виду, научиться считать шаги. Если вы запомните количество шагов от комнаты до комнаты, то сможете ориентироваться в доме.

— Это было бы свежей переменной. Я начисто потерял способность ориентироваться с того момента, как вы вошли в мой дом.

— Почему вы продолжаете делать это? — внезапно спросила она, искреннее любопытство смягчало ее тон.

Он нахмурился, пытаясь следовать за звуком ее шагов, когда она стала обходить его по кругу.

— Делать что?

— Отворачиваться от меня, когда я двигаюсь. Если я иду налево, вы поворачиваете направо. И наоборот.

Он напрягся.

— Я слепой. Как вы можете ожидать, что я знаю, куда поворачиваюсь? Нетерпеливо отклонив ее вопрос, он добавил: — Вероятно, вы должны мне объяснить, почему кто — то намеренно нарушил мой приказ и открыл здесь окна.

— Это я нарушила ваш приказ. Как ваша медсестра, я подумала, что немного света и свежего воздуха могли бы улучшить ваше... ваше... — она откашлялась, как будто что — то комом стояло у нее в горле. — Ваше кровообращение.

— Мое кровообращение в полном порядке, большое спасибо. У слепого мужчины очень небольшая потребность в свете. Он лишь жестокое напоминание о красоте, которую он никогда больше не увидит.

— Возможно, это и правда, но едва ли честно с вашей стороны погружать всех слуг в темноту вместе с вами.

Ошеломленный Габриэль на минуту потерял дар речи. С тех пор, как он вернулся с Трафальгара, все вокруг него ходили на цыпочках и говорили шепотом. Никто, даже его родственники, не смел так прямо разговаривать с ним.

Он полностью повернулся на звук ее голоса, позволяя безжалостным лучам осветить его лицо.

— А вы никогда не думали, что я держал окна закрытыми не для своей пользы, а для их?

Им бы пришлось смотреть на меня в дневном свете. У меня, по крайней мере, есть благословенная слепота, которая ограждает меня от моего отвратительного уродства.

Реакция мисс Викаршем на его слова и лицо была последним, чего он мог ожидать. Она рассмеялась. Ее смех также был не таким, как он думал. Вместо сухого кудахтанья это был неприлично громкий смех, который дразнил и раздражал его, доказывая, что его кровообращение куда лучше, чем он думал.

— Это они так вам сказали? — спросила она, продолжая смеяться и пытаясь перевести дух. — Что у вас — отвратительное уродство’?

Он нахмурился.

— Никому и не пришлось говорить. Я, возможно, и слеп, но я не глух и не туп. Я мог слышать врачей, шепчущих около моей кровати. Когда сняли последние повязки, я слышал, как мои мать и сестра в ужасе выдохнули. Я кожей чувствовал злобные взгляды, когда лакеи переносили меня с больничной койки в мою карету. Даже моя собственная семья едва может смотреть на меня. Как вы думаете, почему они заперли меня здесь, как животное в клетке?

— Насколько я могу судить, это вы заперли двери клетки и занавесили окна. И не ваше лицо пугает ваших родных, а ваш характер.

Габриэль нащупал ее руку с третьей попытки. Его поразило, какой маленькой и крепкой она была на ощупь.

Она издала протестующий крик, когда он потащил ее за собой. Вместо того, чтобы быть ведомым ею, он сам вел ее по дому, полпути по лестнице вверх, а потом вниз до длинного холла, где размещалась семейная портретная галерея. Он еще ребенком изучил каждый уголок и каждую трещинку Ферчайлд — Парка, и теперь это сослужило ему хорошую службу. Он вел Саманту по галерее, меряя ее широкими шагами, пока они не прошли до самого конца. Он точно знал, что она там увидит — большой портрет, занавешенный льняным покрывалом.

Он сам приказал закрыть портрет. Ему была непереносима мысль о том, что на портрет будут смотреть и вспоминать, каким он был когда — то. Если бы он не был таким сентиментальным дураком, то уничтожил бы портрет, когда еще мог.

Он нащупал край покрывала и сдернул его.

— Вот! И что вы думаете о моем лице теперь?

Габриэль отступил назад и прислонился к перилам галереи, позволяя ей изучать свой портрет, не дыша в затылок. Ему не нужно было зрение, чтобы точно знать, что она сейчас видела. Он смотрел на это лицо в зеркале каждый день почти тридцать лет.

Он знал, как свет и тень играют на каждой красиво вылепленной черточке его лица. Он знал о дразнящем намеке на ямочку на своей мужественной щеке. Его мать всегда клялась, что его поцеловал ангел, когда он еще находился в ее утробе. Во всяком случае, когда золотая поросль бороды стала затемнять его щеки, сестры уже больше не могли обвинять его в том, что он симпатичнее их самих.

Он знал свое лицо, и какое оно производит впечатление на женщин. От старых дев, которые никогда не могли удержаться от того, чтобы не ущипнуть его за розовую щечку, когда он был малышом, до дебютанток, которые хихикали и краснели, когда он снимал перед ними шляпу в Гайд — парке, а также красавиц, которые нетерпеливо падали в его постель всего за один головокружительный танец на балу и соблазнительную улыбку.

Он сомневался, что даже ершистая мисс Викаршем сможет сопротивляться его чарам.

Она долго и в тишине изучала портрет.

— Он достаточно красив, я полагаю, — сказала она, наконец, размышляя вслух. — Если вам нравится такой тип.

Габриэль нахмурился.

— И какой же это тип?

Он почти слышал, как она обдумывает слова.

— В лице недостаточно характера. Он человек, которому все доставалось слишком легко. Он уже не мальчик, но еще не мужчина. Уверена, что он был бы приятной компанией, чтобы погулять в парке или провести вечер в театре, но не думаю, что я захотела бы узнать его поближе.

Ориентируясь на звук ее голоса, Габриэль вытянул руку и схватил ее через шерстяной рукав. Он притянул ее, поставил лицом к себе и с искренним любопытством спросил:

— А что вы видите сейчас?

На сей раз в ее голосе не было никакого колебания.

— Я вижу мужчину, — мягко сказала она. — Мужчину, в чьих ушах еще гремит рев орудий. Мужчину, битого жизнью, но не сломленного. Мужчину со шрамом, который делает его лицо нахмуренным, хотя мог бы стать продолжением улыбки. — Она легонько провела кончиком пальца вдоль его шрама, отчего каждый волосок на теле Габриэля встал дыбом.

Потрясенный интимностью прикосновения, он поймал ее руку и опустил вниз.

Она быстро забрала у него руку, в ее голос вернулась бойкость.

— Я вижу мужчину, который отчаянно хочет побриться и переодеться в чистую одежду. Знаете, нет никакой необходимости выглядеть так, словно вас одевал...

— Слепой? — сухо предвосхитил ее он, чувствуя облегчение оттого, что она вернулась к своему обычному тону.

— У вас нет камердинера? — спросила она.

Почувствовав, как она потянула за шейный платок, который он подобрал на полу спальни и небрежно повязал, он шлепнул ее по руке.

— Я его уволил. Я не мог вынести, чтобы кто — то суетился вокруг меня, словно я беспомощный инвалид.

Она решила проигнорировать этот предупредительный выстрел, пущенный в ее огород.

— Не могу себе представить, почему. Большинство людей вашего положения с отличным зрением полностью устраивает стоять с вытянутыми руками, пока их одевают, как маленьких детей. Если вы не переносите камердинеров, я могу, по крайней мере, привести лакеев, которые затащат вас в горячую ванну. Если у вас нет каких — то возражений против нее тоже.

Габриэль уже собирался указать ей, что единственная вещь, против которой он возражает, это она сама, как ему пришла в голову новая мысль. Возможно, существовал еще один способ довести ее до увольнения.

— Хорошая горячая ванна — это вещь, — сказал он, намеренно добавляя в свой голос медоточивые нотки. — Но в ней таится много опасностей для слепого. Что, если, залезая в ванну, я запнусь об нее и упаду? Что, если я уйду под воду и утону? Что, если я уроню мыло? Я едва ли смогу сам его поднять. — Он снова нашел ее руку, но на этот раз поднес к губам и провел ими по чувствительной коже в центре ее ладони. — Как моя медсестра, мисс Викаршем, я думаю, будет только правильно, если вы вымоете меня.

Вместо того, чтобы дать ему пощечину, которую он заслужил за дерзость, она просто

забрала у него свою руку и сладко произнесла:

— Уверена, что мои услуги не потребуются. Один из этих крепких и молодых лакеев будет только рад вернуть вам мыло.

В одном она была права. Внезапно Габриэлю захотелось улыбнуться. Слушая ее быстрые и решительные шаги, пока она спускалась вниз по лестнице, он делал все, что мог, чтобы удержаться от громкого смеха.

* * *

Саманта подняла свечу повыше, окуная портрет Габриэля Ферчайлда в мерцающую вуаль света. Дом был темен и тих, он спал так же, как она надеялась, спал его хозяин... После их утренней стычки граф провел весь день, забаррикадировавшись в душном мраке своей спальни и отказываясь выходить даже, чтобы поесть.

Наклонив голову, Саманта изучала портрет, желая быть такой же неуязвимой к его очарованию, какой она притворялась. Хотя портрет был датирован 1803 годом, казалось, что его рисовали целую жизнь назад. Слабый намек высокомерия в мальчишеской улыбке Габриэля смягчался искрой самоиронии в его светло — зеленых глазах. Глазах, которые смотрели на будущее и все, что оно принесет, с энтузиазмом и надеждой. Глаза, которые никогда не видели того, что не должны, и заплатили за это зрением.

Саманта протянула руку и кончиком пальца провела по его еще не раненной щеке. Но на сей раз в ней не было никакого тепла, никакого толчка осознания. Был только прохладный холст, дразнящий ее задумчивое прикосновение.

— Доброй ночи, милый принц, — прошептала она, закрывая портрет покрывалом.

* * *

Нежная и зеленая весна орошала холмистые луга. Пушистые белые облака резвились, как ягнята на пастельно — голубом небе. Бледно — желтый свет омывал теплом его лицо. Габриэль приподнялся на локте и посмотрел на женщину, дремлющую в траве рядом с ним. Принесенный ветром цветок грушевого дерева уютно устроиться в ее зачесанных локонах. Его голодные глаза впитывали жаркое золото ее волос, мягкие округлости щек и влажный коралл разомкнутых губ.

Он никогда еще не видел такого восхитительного... и соблазнительного цвета.

Он опустил свои губы на ее, ее глаза затрепетали и открылись, а губы, изогнулись в сонной улыбке, делая ямочки, которые он обожал, еще глубже. Но когда она коснулась его, на небе появилось облако, которое, закрывая солнце, обесцветило своей тенью все цвета его мира.

Поглощенный темнотой, Габриэль сел на постели, вытянувшись в струну и часто дыша в полной тишине. У него не было никакого способа узнать, была ли еще ночь или уже утро. Он только знал, что его выбросило из его единственного убежища от тьмы — его снов.

Отбросив одеяла, он свесил ноги на пол и сел на краю кровати. Он опустил голову на руки, пытаясь совладать с дыханием и придти в себя. Он не мог не подумать о том, как мисс Викаршем отнеслась бы к его наряду в данный момент. Сейчас на нем не было абсолютно ничего. Возможно, он должен был бы повязать на шею чистый платок, чтобы не оскорбить ее тонкие чувства.

После долгих поисков, он, наконец, на ощупь нашел мятый халат, висящий на столбике его кровати, и облачился в него. Не потрудившись завязать пояс, он поднялся и тяжело прошел через комнату. Все еще дезориентированный своим резким пробуждением, он недооценил расстояние между кроватью и письменным столом. Пальцы его ноги врезались в

когтистую ножку стола, вызывая резкую колющую боль. Проглотив проклятье, он опустился в кресло и нащупал костяные ручки центрального ящика стола.

Он опустил руку в обитый бархатом ящик, точно зная, что он там найдет — толстую пачку писем, перевязанную шелковой лентой. Когда он вытащил ее, дразнящий аромат достиг его носа.

Это была не лимонная вербена, купленная на улице за пенни, это был аромат женщины — богатый и обольстительный.

Глубоко дыша, Габриэль стащил ленту и пробежал руками по дорогой льняной бумаге для писем. Бумага была помята и потерта из — за того, что много месяцев он носил письма под сердцем. Он расправил одно из них и проследил изящные петли чернил кончиком пальца. Если бы он сильно сосредоточился, то смог бы разобрать отдельное слово или даже, возможно, знакомую фразу.

Бессмысленные слова. Пустые фразы.

Его рука слабо сжалась кулак. Он медленно свернул письмо, думая о том, как смехотворно для слепого мужчины хранить письма, которые он больше не мог прочесть, от женщины, которая больше его не любила.

Если вообще когда —нибудь любила.

Но даже несмотря на это, он очень осторожно обвязал письма лентой и опустил их обратно в ящик.

«Моя дорогая мисс Марч,

Смею ли я надеяться, что вы позволите мне добиваться Вас?»

* * *

Когда следующим утром, отчаянно желая получить передышку от собственного уединения, Габриэль появился из своей спальни и подозрительно принюхался, то ощутил только смесь запахов бекона и шоколада. Он осторожно проследовал по ним в столовую, думая о том, где же прячется мисс Викаршем. К его удивлению, ему позволили спокойно позавтракать, не критикуя его манеры поведения или одежду. Он торопливо и еще менее изящно, чем обычно, поел, надеясь вернуться в свое убежище — спальню — раньше, чем его властная медсестра застигнет его врасплох.

Он вытер рот уголком скатерти и заторопился обратно вверх по лестнице. Но когда он достиг двери из красного дерева, украшенной богатой резьбой, которая вела к хозяйской спальне, его руки наткнулись на пустоту.

Габриэль отпрянул, испугавшись, что в спешке где — то сделал неправильный поворот.

Чей — то веселый голос пропел:

— Доброе утро, милорд!

— И вам доброе утро, мисс Викаршем, — процедил он сквозь зубы.

Он сделал пробный шаг вперед раз, потом еще один, застигнутый врасплох предательским теплом солнечного света на своем лице, слабым ветерком, ласкающим его лоб и мелодичным щебетанием какой — то птицы, сидящей где — то совсем рядом с открытым окном его спальни.

— Надеюсь, вы не возражаете против нашего вторжения, — сказала Саманта. — Я подумала, что мы можем проветрить ваши покои, пока вы завтракаете внизу.

— Мы? — зловеще повторил он, думая о том, сколько народу окажется свидетелями ее убийства.

— Но вы же не думаете, что я могу сделать всю работу сама! Питер и Филипп готовят вам утреннюю ванну, а Элси и Ханна меняют простыни на вашей кровати. Миссис Филпот и Мэг во дворе проветривают балдахин. А милая Милли вытирает пыль в вашей гостиной.

Плеск воды и быстрое шуршание простынь подтверждали ее слова. Габриэль сделал глубокий вдох — вдох, отравленный сильным запахом лимонной вербены и накрахмаленного белья. Выдыхая, он услышал шорох со стороны своей гардеробной, который могла бы издавать крыса. Очень пухлая, лысеющая крыса в жилете.

— Беквит? — рявкнул Габриэль.

Шорох прекратился, растворяясь в каменной тишине.

Габриэль вздохнул.

— Можете выходить, Беквит. Я чувствую запах вашей помады для волос.

Звук шаркающих ног сообщил ему, что дворецкий выбрался из гардеробной. И прежде, чем его медсестра смогла предложить подходящее объяснение его присутствию, Беквит сказал:

— Поскольку вы не хотите иметь камердинера, который будет вокруг вас, милорд, суетиться, мисс Викаршем предложила нам сгруппировать вашу одежду по типу и цвету. Тогда вы сможете одеваться без помощи слуг.

— И вы были столь любезны, что вызвались этим заняться. И ты, Брут? — пробормотал Габриэль.

Мало того, что новая медсестра вторглась в его единственное убежище, так она еще и перетянула на свою сторону его собственных слуг. Он подумал о том, как ей удалось так быстро завоевать их лояльность. Возможно, он недооценил ее очарование. Она могла оказаться еще более опасным противником, чем он думал.

— Оставьте нас, — коротко приказал он.

Внезапная суматошная активность со звуками шуршащих простынь и звоном ведер сказала ему, что слуги даже не пытались притвориться, что не поняли его приказа.

— Милорд, я не думаю, что... — начал Беквит. — Я имею в виду, что едва ли правильно оставлять вас в Вашей спальне наедине с...

— Вы боитесь остаться наедине со мной?

Мисс Викаршем также не стала притворяться, что не поняла его. Вероятно, он был единственным, кто заметил ее некоторое колебание.

— Конечно, нет.

— Вы слышали ее, — сказал он Беквиту. — Уходите. Все. — По комнате прошел ветер, когда слуги помчались мимо него к выходу. Когда звуки последних шагов растворились в коридоре, он спросил: — Они ушли?

— Ушли.

Габриэль нащупал за своей спиной ручку двери. Он с грохотом захлопнул ее и прислонился спиной, отрезая Саманте всякую надежду на побег.

— Вам никогда не приходило в голову, мисс Викаршем, — язвительно сказал он, — что у меня могут быть причины держать свою дверь закрытой? Что я могу хотеть, чтобы моя спальня оставалась такой, какая она есть? Что я очень ценю свое личное пространство? — Он повысил голос. — Что я хочу иметь свой собственный угол, на который ваше вторжение не распространялось бы?

— Я думала, что вы будете мне благодарны. — Она резко фыркнула. — Сейчас здесь, по крайней мере, не пахнет так, словно вы держали тут коз.

Он с негодованием посмотрел в ее направлении.

— На данный момент я бы предпочел компанию коз.

Он почти увидел, как ее рот открылся, а потом захлопнулся. Она держала паузу ровно столько, чтобы рассчитать до десяти, и снова заговорила.

— Возможно, у нас было неудачное начало, милорд. У вас, кажется, создалось ошибочное впечатление, что я приехала в Ферчайлд — Парк, чтобы сделать вашу жизнь более трудной.

— Слова «живущий в аду» — постоянно приходят мне на ум с тех пор, как вы приехали.

Она прерывисто вздохнула.

— Вопреки тому, что вы думаете, я согласилась на эту должность, чтобы облегчить вашу жизнь.

— И когда же вы планируете начать?

— Как только вы мне позволите, — парировала она. — Переустройство дома для вашего удобства — это только начало. Я ведь даже могу развеять вашу скуку, выходя с вами на прогулку в сад, помогая вам с корреспонденцией или читая вслух.

Книги были еще одним жестоким напоминанием об удовольствии, которым он не мог больше наслаждаться.

— Нет, спасибо. Я не хочу, чтобы мне читали, как будто я глупый мальчишка. — Стоящий со скрещенными на груди руками, Габриэль понимал, что ведет себя именно так — как глупый ребенок.

— Очень хорошо. Но даже в этом случае, есть еще сотня других вещей, которые я могу сделать, чтобы помочь вам приспособиться к вашей слепоте.

— В этом нет необходимости.

— Почему нет?

— Потому что у меня нет намерения так жить всю оставшуюся жизнь! — проревел Габриэль, наконец, потеряв над собой контроль.

Когда эхо его крика стихло, в комнате наступила тишина.

Он прислонился к двери и запустил руку в волосы.

— В этот самый момент, пока мы разговариваем, команда врачей, нанятых моим отцом, прочесывает Европу, собирая всю информацию, которую можно только найти, о моем состоянии. Они должны вернуться в течение двух недель. И они подтвердят то, что я всегда подозревал — что мое несчастье является не постоянным, а только временным.

В тот момент Габриэль был почти благодарен, что он не может видеть ее глаза. Он боялся, что увидит в их глубинах муку, которую до настоящего времени она приберегала для него — ее жалость. Он, возможно, предпочел бы, чтобы она засмеялась.

— Знаете, что будет самым лучшим, когда зрение вернется ко мне? — мягко спросил он.

— Нет, — ответила она, и вся бравада ушла из ее голоса.

Выпрямившись, он сделал шаг к ней, потом другой. Она не двигалась, пока он не оказался так близко, что почти навис над ней. Почувствовав по движению воздуха, что она отступила назад, он не изящно стал обходить ее, пока они полностью не поменялись местами, и она не оказалась отступающей к двери.

— Кто — то мог бы предположить, что это будет радость от возможности наблюдать закат солнца цвета лаванды после прекрасного летнего дня.

Он услышал, как ее спина ударилась об дверь и, вытянув руку, прижал ладонь к деревянной поверхности рядом с ней.

— Другие могли бы решить, что это будут бархатные лепестки рубиново — красной розы ... — он наклонялся вперед, пока не почувствовал, что тепло ее дыхания касается его лица, и придавал своему голосу еще больше мягкости, — или нежный взгляд красивой женщины. Но я точно могу сказать вам, мисс Викаршем, что все эти удовольствия отходят на второй план по сравнению с абсолютной радостью избавления от вас лично.

Он провел рукой по двери до ручки и толчком открыл ее, заставляя пятящуюся девушку отступить в коридор.

— Вы ведь не стоите в дверях, мисс Викаршем?

— Простите? — переспросила он, явно смущенная.

— Вы не стоите в дверях?

— Нет.

— Хорошо.

И без дальнейших церемоний Габриэль захлопнул дверь перед ее носом.

* * *

В этот же день, когда Саманта проходила через холл, неся от прачки балдахин с кровати Габриэля, откуда — то сверху выплыл его баритон.

— Скажите мне, Беквит, как выглядит наша мисс Викаршем? Мое воображение отказывается нарисовать это досадное существо. Все, что я могу себе мысленно представить, это высушенная старая карга, которая склоняется и с ликованием кудахчет над своим котлом.

Саманта рывком остановилась, ее сердце захлестнула паника. Она прикоснулась дрожащей рукой к своим тяжелым очкам, и потом к унылым, красновато — каштановым волосам, которые она собирала в очень тугой узел на затылке.

С внезапным вдохновением, она бесшумно вошла в поле зрения Беквита и прижала палец к губам, молчаливо умоляя его не выдавать ее присутствие. Габриэль стоял, прислонившись к стене, его внушительные руки были скрещены на груди.

Дворецкий вытащил носовой платок и вытер вспотевший лоб, явно разрываясь между лояльностью к своему хозяину и умоляющим взглядом Саманты.

— Как и любую другую медсестру, я думаю, вы можете представить ее себе как ... нечто неопределенное.

— Ну же, Беквит. Конечно же, вы должны сказать больше. У нее белоснежные волосы? Или неопределенно седые? Или черные как сажа? У нее короткая прическа? Или вокруг ее головы корона из лент? Действительно ли она такая сморщенная и костлявая, какой кажется?

Беквит посмотрел через перила на Саманту безумным взглядом. В ответ она надула щеки и показала руками вокруг себя огромный круг.

— О, нет, милорд. Она скорее ... полная.

Габриэль нахмурился.

— Насколько полная?

— О, о ... она весит... — Саманта подняла десять пальцев, потом восемь. — Около восьмидесяти стоунов (около 508 кг — прим переводчика), — уверенно закончил Беквит.

— Восемьдесят стоунов! Вот это да! Я ездил на пони, который весил меньше ее.

Саманта закатила глаза и стала показывать заново.

— Не восемьдесят стоунов, милорд, — медленно проговорил Беквит, не отрывая взгляда от ее пальцев. — Восемнадцать (около 114 кг — прим. переводчика).

Габриэль погладил подбородок.

— Это странно. Она очень легко ходит для такой полной женщины, вы так не думаете? Когда я брал ее за руку, я мог бы поклясться, что... — он покачал головой, словно освобождаясь от своего необъяснимого впечатления. — Что с ее лицом?

— Ну — у-у... — протянул Беквит и остановился, поскольку Саманта закрыла кончиками пальцев свой нахальный нос и сделала вытягивающее движение. — У нее довольно длинный и острый нос.

— Я так и знал! — торжествующе воскликнул Габриэль.

— И зубы как у ... — Беквит сузил глаза в замешательстве, так как Саманта приставила два согнутых пальца к своей голове. — Осла? — рискнул он.

Покачав головой, она согнула руки как висящие лапки и делала несколько мелких подпрыгивающих движений.

— Кролика! — полностью поддавшись игре, Беквит с трудом остановился, чтобы не захлопать в ладоши. — У нее зубы как у кролика!

Габриэль с удовлетворением фыркнул.

— Без сомнения, они отлично подходят к ее удлиненной лошадиной физиономии.

Саманта постучала себе по подбородку.

— У нее на подбородке, — продолжал дворецкий, с энтузиазмом озвучивая ее жесты, — огромная бородавка... — Саманта приставила руку под подбородок и пошевелила тремя пальцами. — Из которой растут три загнутых волоска!

Габриэль передернулся.

— Это еще хуже, чем я подозревал. Я не могу представить себе, что мной владело, когда я подумал ... —

Беквит с невинным видом моргнул.

— Подумали что, милорд?

Габриэль отмахнулся от вопроса.

— Ничего. Совершенно ничего. Боюсь, это просто последствия того, что я слишком много времени провел в компании только себя самого. — Он поднял руку. — Пожалуйста, увольте меня от остальных деталей внешности мисс Викаршем. Вероятно, некоторые вещи действительно лучше оставлять воображению.

Он тяжелым шагом направился к лестнице. Саманта зажала рот рукой, приглушая смех, но несмотря все ее усилия, сдавленный писк все же прозвучал.

Габриэль медленно повернулся вокруг своей оси. Ей только показалось, что он раздувает ноздри? А его губы подозрительно изогнулись? Она задержала дыхание, боясь, что любое, даже малейшее движение или звук выдадут ее.

Он наклонил голову.

— Вы слышали это, Беквит?

— Нет, милорд. Я ничего не слышал. Даже скрипа половицы.

Слепой взгляд Габриэля прошелся по полу и вернулся к Саманте со странной точностью.

— Вы уверены, что у мисс Викаршем нет признаков принадлежности к мыши? Подергивающихся усиков? Страстного пристрастия к сыру? Тенденции ползать и шпионить за людьми, возможно?

Лоб Беквита снова заблестел от пота.

— О нет, милорд. Она несколько не напоминает грызуна.

— Это удачно. Поскольку, если бы она напоминала, я бы мог поставить на нее мышеловку. — Выгнув золотистую бровь, он развернулся и стал подниматься по лестнице, оставив Саманту нервно задаваться вопросом, какую приманку он мог бы использовать.

* * *

Звонили колокола, выпевая свою песнь по поместью. Саманта перевернулась и еще глубже зарылась в мягкую подушку, видя сон о солнечном субботнем утре и церкви, заполненной улыбающимися людьми. Мужчина стоял у алтаря, его широкие плечи обтягивал светло — коричневый фрак. Саманта шла к нему с букетом сирени в дрожащих руках. Она чувствовала, что он ей улыбается, ощущала непреодолимо притягательное тепло его тела, но каким бы ярким ни был свет, проникающий через стеклянные витражи, или как бы близко она ни подходила к нему, его лицо все равно оставалось в тени.

Звон колоколов стал громче, менее мелодичным, а также более резким и фальшивящим. К их грубому и настойчивому звону присоединился еще более настойчивый стук в дверь ее спальни. Глаза Саманты распахнулись.

— Мисс Викаршем! — с оттенком паники прокричал приглушенный голос.

Саманта выбралась из кровати и побежала к двери, по дороге набрасывая халат на свою

ночную рубашку из простого хлопка. Она рывком открыла дверь и обнаружила на пороге обеспокоенного дворецкого, который стоял, сжимая в дрожащей руке канделябр.

— О боже, Беквит, что случилось? В доме пожар?

— Нет, мисс, это хозяин. Он будет звонить, пока вы не придете.

Она протерла заспанные глаза.

— Я думала, что буду последней, кого он вызовет. Особенно после того, как он утром выгнал меня из своей спальни.

Беквит покачал головой и своими трясущимися подбородками, его обведенные красными кругами глаза придавали ему вид человека, который только что горько плакал.

— Я пытался урезонить его, но он настаивает, что хочет только вас.

И хотя его слова давали Саманте возможность задержки, она просто сказала:

— Очень хорошо. Я сейчас приду.

Она быстро оделась, про себя благодаря простоту своего темно — синего длиннополого платья и новую французскую моду. По крайней мере, ей не приходится тратить драгоценное время в ожидании горничной, чтобы зашнуровать корсет или сражаться с сотней крошечных шелковых пуговичек.

Когда она вышла из своей спальни, убирая выбившиеся прядки из распустившейся прически, Беквит уже ждал ее в коридоре, чтобы отвести к постели Габриэля. Пока они быстро шли по длинному коридору, а потом по широкому лестничному маршу на третий этаж, Саманта беспрестанно зевала и прикрывала рукой рот. Судя по тусклому свету, просачивающемуся через свежевывмытое окно, ночь еще только начинала сдаваться рассвету.

Дверь спальни Габриэля была приоткрыта. И если бы не энергичный звон, Саманта могла бы испугаться, что найдет его лежащим на полу при смерти.

Но он сидел на своей высокой кровати, откинувшись на ее узорную тиковую спинку, и выглядел вполне здоровым. Он был без рубашки, и судя по тому, что открывала сползшая ему на бедра шелковая простыня, и без панталон тоже. Свет свечей был бледно — желтым и создавал впечатление, что его кожу посыпали золотой пылью. Когда ее взгляд упал на его внушительные мышцы и сухожилия, у Саманты пересохло во рту. Искрящаяся дорожка волос узким конусом проходила по его животу и исчезала под простыней.

На мгновение Саманта испугалась, что Беквит бросит свечу и закроет ей глаза руками. Под шокированный вздох дворецкого Габриэль сделал последний несильный звонок колокольчиком, который был у него в руке.

— В самом деле, милорд! — воскликнул Беквит, ставя канделябр на соседний столик и возвращаясь на свой пост у двери. — Вы не думаете, что должны были хотя бы прикрыться, прежде чем придет эта молодая особа?

Габриэль же просто положил свою мускулистую руку на кучу подушек, лежащих рядом с ним, и потянулся, как большой и ленивый кот.

— Простите меня, мисс Викершем. Я не думал, что вы никогда раньше не видели мужчин без рубашек.

Благодаря богу, что он не может видеть, как ее щеки залились горячей краской, Саманта сказала:

— Не будьте смешным. Я видел большое количество мужчин без рубашек. — Ее щеки стали еще горячее. — Я имею в виду, во время своей работы. В качестве медсестры.

— Вам повезло. Но я все равно не хотел оскорбить ваши тонкие чувства. — Габриэль порылся в постельном белье, пока он не нашел мятый шейный платок. Он надел его себе на

шею и с дьявольской улыбкой в ее сторону затянул неаккуратный узел. — Вот. Так лучше?

Теперь он выглядел еще более неприлично — без рубашки, но в шейном платке. Если это была мышеловка для нее, он поставил в нее хорошую приманку. Не желая сдаваться без борьбы, Саманта подошла к его кровати. Габриэль напрягся, когда она подсунула палец в его плохо сделанный узел и, потянув, развязала.

Несмотря на его осторожную неподвижность и ее сосредоточенные усилия, тыльная сторона ее ладони несколько раз коснулась горячего бархата его кожи, пока она придавала кружевному полотну форму белоснежного водопада, которым гордился бы любой камердинер.

— Вот, — объявила она, одобрительно похлопав по результату своей работы. — Так будет лучше.

Габриэль опустил золотистые ресницы.

— Я удивлен, что вы не задушили меня этим платком.

— Соблазнительная перспектива, но у меня нет никакого желания искать сейчас другую работу.

— Большая редкость найти женщину, которая может так умело завязать шейный платок. Ваш отец или дед имели с этим трудности?

— Братья, — было ее единственным ответом. Выпрямившись, она вышла из пределов его досягаемости. Она боялась, что несмотря на свою слепоту, он видел больше, чем она хотела ему показать. — А теперь, может быть, вы просветите меня, зачем вытащили полдома из теплых и удобных постелей перед самым рассветом?

— Если бы вы знали, как меня снедают угрызения совести.

— Тогда я могу понять, почему такой редкий случай не дает вам спать.

Габриэль побарабанил длинными изящными пальцами по подушке в шелковой наволочке, это было единственное подтверждение того, что ее ответный удар попал в цель.

— Я лежал здесь в полном одиночестве в своей постели, когда вдруг понял, как был несправедлив к вам, препятствуя выполнению ваших обязанностей. — Его мрачный рот ласково выговаривал каждое слово, вызывая у Саманты странную дрожь, прокатившуюся по ее позвоночнику. — Вы явно женщина высоких моральных устоев. Едва ли было правильно ожидать, что вы будете бездельничать и брать свое щедрое жалование за то, что ничего не делаете. Поэтому я решил исправить ситуацию и вызвал вас.

— Как вы внимательны. И к которой из обязанностей вы хотите, чтобы я приступила в первую очередь?

Он на мгновение задумался, потом его лицо прояснилось.

— Завтрак. В постель. На подносе. Только, пожалуйста, не будите так рано Этьена. Я уверен, что вы справитесь сами. Мне нравятся запеченные яйца с беконом, слегка обжаренным по краям. Я предпочитаю, чтобы шоколад был жидким, но не слишком горячим. Я не хочу обжечь язык.

Ошеломленная его произволом, Саманта обменялась взглядом с Беквитом.

— Что — nibудь еще? — Она прикусила губу, чтобы не добавить — Ваше Величество.

— Немного копченого лосося и две свежее испеченные булочки, хорошо сдобренные медом и маслом. А после того, как вы уберете посуду после завтрака, можете приготовить мне ванну и закончить убирать мою гостиную. — Он подмигнул в ее направлении, настолько выглядя ангелом, насколько позволял зловещий разрез его шрама. — Если это не будет слишком хлопотно, конечно.

— Никаких проблем, — заверила она его. — Это — моя работа.

— Именно так, — согласился он.

Когда правый уголок его рта дернулся в дьявольской улыбке, Саманта ясно услышала звук захлопнувшейся мышеловки, прищемившей ее нежный хвостик.

«Моя дорогая мисс Марч,

Поскольку Вы высмеиваете мои медоточивые речи, то, вероятно, я должен попытаться добиться Вас поцелуями вместо слов...»

** * **

— Мисс Викаршем? О, мисс Викаршем? — этот заунывный рефрен сопровождался веселым звоном колокольчика Габриэля.

Саманта медленно повернулась в дверях его спальни, с трудом переводя дыхание после беготни через четыре пролета лестницы от кухни до спальни в третий раз за утро.

Ее пациент сидел на кровати среди подушек, освещенный ярким утренним светом. Растянувшийся на смятых простынях, с просвеченными солнцем взерошенными волосами, он все меньше походил на инвалида и все больше на мужчину, который только что наслаждался страстным свиданием.

Он протянул Саманте чашку Веджвудского фарфора, которую она только что принесла ему, с разочарованной гримасой, опустившей уголок его рта с неповрежденной стороны лица.

— Боюсь, что мой шоколад почти холодный. Не могли бы вы попросить Этьена сделать новую порцию?

— Конечно, — сказала Саманта, возвращаясь к кровати и забирая чашку из его руки с большим приложением силы чем, это было необходимо.

Она не успела дойти даже до лестничной площадки, когда колокольчик снова зазвонил. Она остановилась, про себя сосчитала до десяти, и вернулась той же дорогой. Она просунула голову в дверь его спальни.

— Вы звонили?

Габриэль опустил колокольчик.

— Я подумал, что вы бы могли разобрать гардероб, когда вернетесь. Я думаю, что мне было бы легче одеваться, если бы вы рассортировали по отдельности все мои шейные платки, жилеты и чулки.

— Я не знала, что на прошлой неделе вы вставали с кровати так надолго, что вам пришлось одеваться. К тому же, вчера я провела шесть часов, сортируя вашу одежду в полные комплекты, потому что вы решили, что вы не хотели сортировать ее по типам.

Габриэль вздохнул и потерев пальцами атласное покрывало.

— Хорошо, если это слишком хлопотно... — Склонив голову, он оставил вызов висеть в воздухе.

Саманта сквозь зубы улыбнулась улыбкой, больше похожей на предсмертную гримасу.

— Я бы не сказала, что слишком. Напротив, это будет и моей привилегией и удовольствием.

И прежде, чем он смог найти звонок среди разворошенного постельного белья, Саманта развернулась и пошла вниз по лестнице, задаваясь вопросом, сможет ли она уговорить повара — француза добавить болиголова в следующую порцию шоколада для его хозяина.

Она провела остальную часть дня так же, как и всю прошлую неделю, пока бодрствовала — в полном распоряжении Габриэля. С самого первого дня, когда утром он вызвал ее, он не позволял ей ни секунды отдохнуть. Каждый раз, когда она думала присесть

на пару минут или прокрасться подремать в свою спальню, его колокольчик снова начинал звонить. Это постоянное звяканье продолжалось утром, днем и ночью, поэтому остальные слуги стали закрывать уши подушками, чтобы поспать.

Несмотря на то, что она точно знала, зачем он это делает, Саманта не собиралась позволить ему вынудить ее уволиться. Она была настроена доказать, что сделана из гораздо более негнувшегося материала чем старая Кора Грингот или вдова Хоукинс. Никогда еще не было медсестры, настолько посвятившей себя своему подопечному. Она не позволяла себе ни одного саркастического замечания и неустанно играла роли камердинера, повара, дворецкого и няни.

Перед сном Габриэль бывал особенно раздраженным. Она могла подвернуть его одеяла и закрыть полог балдахина, и тут же услышать его страдальческое замечание, что в комнате стало душновато. Она могла открыть полог, отодвинуть одеяла и распахнуть окно, но прежде, чем она на цыпочках выходила к двери, он вздыхал и говорил, что боится, что вечерний воздух может заморозить его до смерти. Покрыв его снова, она ждала в дверях, пока его золотистые ресницы не покажут своей неподвижностью, что он спит. Тогда она спешила вниз по лестнице к собственной спальне, уже мечтая о пуховом матрасе и ночи непрерывного сна. Но не успевала ее голова коснуться мягкой подушки из гусиного пуха, как она снова слышала звонок колокольчика.

Снова набросив на себя одежду, Саманта мчалась назад, только чтобы увидеть Габриэля, подпирающим спинку кровати и излучающим невинность херувима. Он очень не хотел ее тревожить, застенчиво признавался он, но не могла бы она взбить его подушки перед тем, как уйти спать?

В ту ночь Саманта в конце концов просто упала в мягкое кресло в гостиной Габриэля, думая только о том, чтобы хоть на несколько драгоценных минут дать отдых ноющим ногам.

Габриэль лег на кровать, притворяясь спящим, и стал ждать контрольного скрипа двери. Он привык к удобному шелесту юбок мисс Викаршем, когда она суетилась по его спальне, туша свечи и поднимая разные вещи, которые ему удавалось смахнуть на пол, не поднимаясь с постели. Как только она решала, что он спит, она пыталась сбежать. Он всегда узнавал момент, когда она уходила. Ее отсутствие оставляло почти физически ощутимую пустоту.

Но этой ночью он не слышал ничего.

— Мисс Викаршем, — твердо сказал он, вытаскивая из — под одеяла свои длинные ноги, — У меня замерзли пальцы ног.

Он шевелил указанными пальцами, но ответа не получил.

— Мисс Викаршем?

Нежное похрапывание было единственным полученным ответом.

Габриэль сбросил с себя постельное белье. Играть день и ночь в немого инвалида становилось очень утомительно. Он не мог поверить, насколько неподдающейся оказалась его медсестра. Это упрямое существо должно было уволиться еще несколько дней назад. Несмотря на все ее изящные ответы на его требования, ее сдержанность подавала признаки надлома.

Только этим вечером, после того, как он в третий раз за час попросил ее взбить подушки, и почувствовал, что она нависла над ним с подушкой в руке, он понял, что одно недовольное требование отделяет его от того, чтобы оказаться задушенным до смерти.

Он прошел в гостиную, которая примыкала к его спальне, ощупывая путь по обоям. Мелодичный звук похрапывания привел его к креслу, которое стояло перед очагом. Судя по

холодному воздуху, мисс Викаршем не побеспокоилась зажечь огонь для собственного комфорта.

Подкошенный раскаянием, Габриэль опустился на колени около кресла. Безусловно, только полная истощенность могла довести его неутомимую медсестру до такого! Он знал, что должен разбудить ее, что должен настоять, чтобы она немедленно встала и закрыла окно, или взяла теплый кирпич, обернутый шерстяной тканью, который грел его пальцы ног. Но вместо этого он потянулся к ней, касаясь пальцами прядей ее волос, которые выбивались из прически и закрывали лоб. Они были мягче, чем он ожидал, почти не ощущаемо скользили под его пальцами.

Похрапывание прекратилось. Она заерзала в кресле. Габриэль задержал дыхание, но ее дыхание быстро стало глубоким и даже ритмичным.

Его рука задела холодный металл ее очков. Несмотря на утверждения Беквита, они, как ему показалось, криво висели на носу, слишком маленьком, чтобы выдерживать такой вес. Габриэль осторожно снял их и отложил в сторону, уверяя себя, что делает это только ради ее комфорта. Но ее лицо, незащищенное от его прикосновений, теперь представляло слишком большое искушение, чтобы ему сопротивляться.

Она должна винить только себя, подумал он решительно. Если бы она не уговорила Беквита сыграть в ту плутовскую игру, его любопытство об ее внешности могло бы быть удовлетворено.

Габриэль провел кончиками пальцев по ее щеке, пораженный мягкостью кожи. Она должна быть намного моложе, чем заставил его поверить ее суровый голос.

Вместо того, чтобы удовлетворить его любопытство, это открытие только углубило его. Почему эта благовоспитанная молодая девушка выбрала такое неблагодарное призвание? Она жертва игрока — отца или неверного любовника, который ее обманул, а потом оставил одну, без средств к существованию? Такие женщины слишком часто заканчивали тем, что начинали продавать себя на улицах, если не могли найти место гувернантки или швеи.

Его осторожное исследование доказало, что ее лицо не было ни длинным, ни лошадиным. Тонкие кости придавали ему красивую форму сердца, широкого в районе скул, но сужающегося к подбородку, на котором не было никаких признаков родинки, волосатой или нет. Большой палец Габриэля отклонился в сторону и столкнулся с еще более соблазнительной мягкостью.

Когда он провел большим пальцем по ее мягким губам, мисс Викаршем прижалась щекой к его ладони, и издала хрипловатый стон удовлетворенности.

Габриэль замер, парализованный горячей волной жара, прилившей к его паху. Он гордился тем, что его кровообращение в полном порядке, но только сейчас он понял, насколько в полном. Прошло много времени с тех пор, как он ощущал теплую кожу женщины под своими пальцами и нежность ее губ, раскрывшихся ему навстречу. До Трафальгара он провел почти год в море со связкой измятых писем и мечтаниями о будущем, которые так грели его. Он забыл, насколько сильным может быть первый сладкий толчок желания. И насколько опасным.

Он отдернул руку, ощущая к себе полнейшее отвращение. Одно дело мучить свою медсестру, пока она бодрствует, и совсем другое, ласкать ее, пока она спит. Он снова потянулся к ней, на этот раз настроенный разбудить и отослать в свою спальню, прежде чем разум не покинул его совсем.

Она пошевелилась, и нежное похрапывание снова возобновилось. Габриэль вздохнул.

Пробормотав витиеватые проклятия, он вернулся тем же путем назад в соседнюю комнату и вытащил одеяло. Он вернулся в гостиную и неловко завернул ее в одеяло, после чего вернулся в свою собственную холодную и пустую постель.

* * *

Саманта закуталась в одеяло поглубже, пытаясь не обращать внимания, что чувствует себя так, словно дюжина докучливых эльфов занимается шитьем на ее правой ноге. Она не хотела просыпаться, не хотела выходить из восхитительного сна, еще цеплявшегося за край ее сознания. Она не могла вспомнить о нем всего. Она только знала, что во сне чувствовала себя в тепле и безопасности, чувствовала себя любимой, и, уходя, он оставлял ее с ощущением беспомощности и тоски.

Ее глаза медленно открылись. Через открытые створки окна она увидела розовато — золотой туман рассвета, поднимающийся с востока. Она зевнула и потянулась, разминая затекшие мускулы, и попыталась вспомнить, когда в последний раз ей позволили проспаться всю ночь. Когда она вытащила из — под себя затекшую ногу, одеяло с ее колен соскользнуло на пол.

Саманта моргнула и признала в одеяле одно из дорогих с кровати графа. Озадаченная, она автоматически потянулась поправить очки. Но их не было.

Чувствуя себя почти голой, она стала отчаянно ощупывать кресло около себя, думая, что они, должно быть, соскользнули, пока она спала. Но наклонившись вперед, она обнаружила их аккуратно сложенными на коврике около кресла.

Внезапно полностью проснувшись, Саманта надела их и осторожно оглядела гостиную. Она едва помнила, как оказалась в кресле вчера вечером, в отличие от дразнящих фрагментов ее сна — теплые пальцы мужчины, касающиеся ее волос, поглаживающие кожу и ласкающие мягкость губ. Закрыв глаза, она коснулась двумя пальцами губ, вновь переживая утонченные ощущения и томление, которое вызвало это прикосновение.

А что, если это был не сон?

Глаза Саманты распахнулись, и она стряхнула это безумное допущение. Она сомневалась, что мужчина, спящий в соседней комнате, способен на такую нежность. Но оставалось необъяснимым, кто покрыл ее одеялом и так заботливо снял с нее очки.

Подняв одеяло, она встала и тихо проскользнула в спальню, еще точно не зная, что она надеется там найти. Габриэль спал, растянувшись на животе среди разворошенного постельного белья, с руками под головой. Шелковая простыня соскользнула с одного бедра — мускулистого бедра, покрытого такими же золотистыми волосками, что и его грудь. Саманта точно знала, как он заработал эти мускулы — езда верхом, охота, расхаживание по палубе с приказами своим подчиненным.

Она осторожно подошла поближе к его кровати. Несмотря на месяцы, которые он провел взаперти в этом доме, тугая и гладкая кожа его спины еще полностью не потеряла загар. Привлеченная оттенком расправленного золота, Саманта протянула к нему руку. И хотя кончики ее пальцев едва коснулись его плоти, толчок осознания пронзил ее, обдавая жаром кожу.

Потрясенная своей наглостью, она отдернула руку. Небрежно бросив одеяло на него сверху, она быстро пошла к двери. Она представляла, что подумали бы миссис Филпот и другие слуги, если бы поймали ее выходящей из спальни графа на рассвете, с покрасневшимся лицом и припухшими со сна глазами.

Вцепившись в перила, она на цыпочках заторопилась вниз по лестнице. Она почти

дошла до своей комнаты, как вдруг услышала веселое звяканье этажом выше. Саманта замерла на месте от внезапной ужасающей мысли, что Габриэль, возможно, только притворялся спящим.

Колокольчик зазвонил снова, его звук стал более настойчивым.

Сгорбившись, она медленно повернула назад и потащилась обратно вверх по лестнице.

К началу полудня адское эхо колокольчика, казалось, навсегда поселилось в голове Саманты. Она стояла на коленях на полу гардеробной Габриэля и тянулась за шелковым шейным платком, который выскользнул из ее руки, когда колокольчик зазвонил снова. Резко подняв голову, она ударилась о полку шкафа над собой. Полка наклонилась, сверху на нее свалилась дюжина бобровых шляп.

Скинув их с себя, она пробормотала:

— Не представляю, зачем мужчине с одной головой нужно столько шляп.

Она появилась из душевой гардеробной с мокрыми от пота волосами, прилипшими ко лбу, и с двумя шейными платками, которые она держала, словно пару ядовитых змей.

— Вы звонили, милорд? — прорычала она.

Несмотря на то, что солнечный свет, проникающий в окно, создавал над его взъерошенными волосами рафаэлевский нимб, испорченное шрамом лицо Габриэля больше соответствовало мрачному лицу принца — деспота, привыкшему к удовлетворению всех своих прихотей.

— Я просто хотел знать, куда вы ушли, — сказал он, его обвиняющий тон был еще более мрачен, чем обычно.

— Я загорала на пляже в Брайтоне, — ответила она. — Не думала, что вы будете по мне скучать.

— Есть какие — нибудь новости от моего отца или его врачей?

— Нет, я проверяла десять минут назад.

Его рот напрягся в молчаливом упреке. Они оба были в плохом настроении весь день. Несмотря на то, что она проспала целую ночь, Саманту все еще преследовали тот неуловимый эпизод сна и вероятность, что он мог узнать о ее глупой беспечности. Что, если он подумал, что она патетичная высушенная старая дева, жаждущая мужского прикосновения?

Отчаянно желая восстановить хоть какое — то подобие приличий между ними, она натянуто произнесла:

— Я провела в вашей гардеробной полдня, сортируя ваши шейные платки по тканям и длине, как вы приказали, милорд. Конечно, не может быть ничего более неотложного, чем это дело.

— Здесь очень жарко. — Габриэль прижал ко лбу тыльную сторону ладони. — Думаю, у меня может быть лихорадка. — Он сбросил одеяла, открывая бесстыдную длину своих мускулистых бедер. Саманта была благодарна, что этим утром он надел бриджи — даже если они были только до колена.

Не осознавая, что делает, она приложила к своему горлу один из его шейных платков.

— День не по сезону очень теплый. Возможно, если я открою окна ...

Она уже была на полпути к окну, когда он остановил ее:

— Не беспокойтесь об этом. Вы же знаете, что аромат сирени щекочет мне нос и заставляет меня чихать. Упав на подушки, он повертел рукой, изобразив веер. — Возможно, вы могли бы обмахивать меня.

Саманта в шоке открыла рот.

— А я не должна буду в придачу кормить вас из руки виноградом?

— Если захотите. — Он дотянулся до колокольчика. — Мне попросить принести немного?

Саманта стиснула зубы.

— Почему бы вам не попробовать вместо этого немного прохладной воды? У вас есть немного, оставшейся с завтрака.

Бросив шейные платки на большое овальное зеркало в углу, Саманта налила в бокал воды из кувшина, что стоял на маленьком столике. Его толстая керамика была предназначена для того, чтобы ключевая вода долго оставалась прохладной. Приближаясь к кровати, она не могла отделаться от ощущения, что, если бы Габриэль не был слеп, он смотрел бы на нее так же подозрительно, как она смотрит на него.

— Вот, возьмите, — сказала она, вжимая бокал в его руку.

Он не стал обхватывать бокал пальцами.

— Почему бы вам не оказать мне честь? Я чувствую себя слишком утомленным. — Он вздохнул. — Я не слишком хорошо спал прошлой ночью. Мне снилось, что в соседней комнате рычит медвежонок. Это мешало мне больше всего.

Он откинулся на подушки, и открыл рот как птенец, ждущий червячка от своей матери. Саманта долго, пристально и молча смотрела на него, а затем перевернула бокал с водой. Поток холодной воды ударил в лицо Габриэля. Он подскочил, бормоча проклятья, и принял сидячее положение.

— Черт подери, женщина! Что вы пытаетесь сделать — утопить меня?

Саманта отступила от кровати и брякнула бокал на край стола.

— Утопление слишком мало для подобных вам. Вы отлично знаете, что вчера вечером в соседней комнате спал не медвежонок. Это была я! Как вы посмели меня так оскорбить!

Габриэль сморгнул воду с ресниц, выглядя одновременно оскорбленным и озадаченным.

— Я даже предположить не могу, о чем вы говорите.

— Вы сняли с меня очки!

Он недоверчиво фыркнул.

— Вы так говорите, как будто я снял с вас одежду!

Саманта схватилась за высокий воротник своего домашнего темно — зеленого платья.

— Откуда мне знать, что вы этого не делали?

Молчание, осязаемое больше, чем нагретый воздух, наступило в комнате. И его хрипловатый голос вошел на низкую и опасную территорию.

— Если бы я снял с вас одежду, мисс Викиршем, я могу заверить, ради этого стоило бы проснуться. — И прежде, чем Саманта смогла решить, является ли это хвастовство обещанием или угрозой, он продолжил. — Все, что я сделал, это снял с вас очки и покрыл одеялом. Я просто хотел, чтобы вам было комфортнее.

К ее изумлению, на его щеках вспыхнул виноватый румянец. Она и не думала, что мужчина его типа способен краснеть. Ложь и полуправда должны были легко сходиться с такого хорошо подвешенного языка, как у него.

Он откинулся назад и устроился поудобнее среди одеял, выражение его лица было еще более властным, чем когда — либо.

— А сейчас, когда вы закончили с моей импровизированной ванной, не вы могли бы

подать мне полотенце?..

Саманта скрестила руки на груди.

— Сами возьмите.

Габриэль выгнул золотистую бровь, натягивая щрам на щеке.

— Простите?

— Если вам нужно полотенце, сходите и сами возьмите. Я устала быть вашими руками и ногами. Может, ваши глаза и не видят, но руки и ноги у вас совершенно здоровы.

Доказывая ее утверждение, он отбросил одеяла и вскочил на ноги, возвышаясь над ней. Колокольчик упал на пол с диссонирующим звоном и покатился через всю комнату.

Саманта уже забыла, как впечатляюще он выглядел, когда не сидел, развалившись под простынями. Особенно без рубашки и в одних мятых бриджах до колен. И хотя его близость убыстряла ее дыхание и предупреждающе покалывала кожу, она отказывалась отступить даже на шаг.

— Должен вам напомнить, мисс Викаршем, что, если вас не устраивают условия работы в этом доме, единственное, что вы можете сделать, это уволиться.

— Очень хорошо, милорд, — сказала она, с накатившим на нее ледяным спокойствием. — Думаю, я так и сделаю. Я увольняюсь.

На его лице появилось выражение почти комического удивления.

— Что вы имеете в виду под увольнением?

— Я имею в виду, что я собираюсь забрать свои вещи и заработанное жалование и до сумерек освободить ваш дом от своего присутствия. Если хотите, я попрошу Беквита дать еще одно объявление в газету до моего ухода. Я думаю, ему нужно будет предложить еще более высокое жалование, хотя никакая сумма не стоит того, чтобы терпеть ваши абсурдные требования больше часа. Повернувшись на каблуках, она пошла к двери.

— Мисс Викаршем, немедленно вернитесь! Я приказываю!

— Я уволилась, — бросила она через плечо, чувствуя, как ее захлестывает дикое ликование. — Я больше не обязана выполнять ваши приказы! — Игнорируя его шипение, Саманта вышла из комнаты и с мрачным удовлетворением хлопнула дверью.

* * *

Габриэль стоял около кровати, в его ушах все еще звенело эхо захлопнувшейся двери. Все случилось так быстро, что он все еще пытался осмыслить это. Даже мужчины, которые служили под его командованием, никогда бы не посмели ослушаться его приказов, а упрямая медсестра нагло бросила ему вызов.

Я выиграл, мрачно напомнил он себе. Снова. Она сделала именно так, как он хотел — уволилась. Он должен был бы орать во все горло от радости.

— Мисс Викаршем! — взревел он и пошел за ней.

Многие часы, которые он провел, валяясь в кровати, нанесли серьезный ущерб его с таким трудом завоеванному чувству направления. Он сделал всего три шага, и его нога зацепилась за маленький столик. Столик закачался, закачался и Габриэль. Что — то заскользило по полированной поверхности и ударилось об пол взрывом разбитого стекла.

Слишком поздно было восстанавливать равновесие. Габриэль тяжело упал, чувствуя, как острое жало впивается в его горло. Мгновение он лежал, пытаясь перевести дух. Но когда он, наконец, попытался подняться, волна головокружения заставила его, скорчившись, вернуться на пол.

Его рука ощутила теплую и влажную лужу. На минуту он подумал, что это вода из

разбитых кувшина и бокала. Но когда он растер жидкость между пальцами, они стали липкими.

— Будь я проклят, — пробормотал он, поняв, что это его собственная кровь.

И проклятым, он, казалось, скоро станет, поскольку лужа крови около него становилась все больше и больше.

На одно мгновение он вдруг вернулся на вздымающуюся палубу «Виктории», его ноздри ощутили тяжелый запах медно — красной крови, не только его собственной. Ужасный гул вытеснил все звуки, словно проголодавшееся море с нетерпением желало проглотить его целиком.

Габриэль вытянул руку, ища что — нибудь, за что можно было бы схватиться, и не соскользнуть в эту зияющую пропасть. Его пальцы сомкнулись на предмете знакомой формы — деревянной ручке его колокольчика. Он подтянул колокольчик к себе, но на это ушли все его силы, и он уже не смог поднять его, чтобы позвонить.

Он опустил голову, ошеломленный иронией ситуации и своей беспомощностью. Он пережил Трафальгар, чтобы умереть от потери крови на полу собственной спальни, убитый какой — то мебелью и своей властной и ехидной медсестрой. Он подумал о том, будет ли мисс Викаршем со своим ледяным сердцем плакать на его похоронах. Даже несмотря на то, что он чувствовал, как вместе с кровью из него уходит жизнь, эта мысль едва не заставила его улыбнуться.

— Мисс Викаршем? — тихо позвал он. Он использовал остаток сил, чтобы сделать один слабый звонок колокольчиком. Его голос понизился до хриплого шепота. — Саманта?

Звяканье звонка и рев в ушах растворились в тишине, такой же черной и всепоглощающей, что и ежедневная тьма вокруг него.

«Моя дорогая мисс Марч,

Вы называете меня испорченным и дерзким, но все же, держу пари, это как раз те качества, которые Вы находите в мужчине самыми неотразимыми...»

* * *

— Он просто невыносим, — пробормотала Саманта, запихивая свою сатиновую юбку в дорожный сундучок и даже не потрудившись ее как следует сложить. Она скомкала поношенное нижнее белье и сунула его сверху. — Не представляю, как я могла быть такой дурой и поверить, что я способна ему помочь.

Летая по своей маленькой спальне и собирая шпильки, сапожки, чулки и книги, она услышала очень знакомый звук падения над своей головой. Потолок задрожал и осыпал ее голову шпугатуркой.

Саманта даже не подняла головы.

— Может, я и дура, но больше на это не куплюсь, — сказала она, покачав головой. — Если он хочет быть слоном в посудной лавке, то пусть учится подметать за собой, не так ли?

Она упаковывала книги в свой чемоданчик, когда она услышала приглушенный звон колокольчика, такой тихий и краткий, что казалось, что он ей только причудился. Пихая роман Вальтера Скотта поверх тонкого томика сонетов Шекспира, она фыркнула. Габриэль — дурак, если думает, что ее может поколебать это патетическое звяканье.

Она была настолько поглощена выгребанием содержимого своего туалетного столика, что прошло несколько минут, прежде чем она поняла то, что услышала.

Мертвую тишину.

С зеркалом и расческой в руке, Саманта кинула на потолок неуверенный взгляд. Неприятное предчувствие медленно поползло по ее позвоночнику, но она тут же отмахнулась от него. Вероятно, Габриэль заполз обратно в постель и дуется.

Она потянулась было к флакончику лимонной вербены, но заколебалась. Опустившись на табурет перед туалетным столиком, она посмотрела на свое отражение в зеркале. Это было старое зеркало, его стекло было потрескавшимся и неровным, и женщина, отражавшаяся в нем, казалась ей почти незнакомкой. Саманта сняла очки, но так и не смогла понять задумчивое выражение в этих глазах.

Она ведет себя храбро или трусливо? Она противостояла Габриэлю, потому что он вел себя как своевольный тиран, которому невозможно угодить, или убегала, потому что он посмел дотронуться до нее? Она коснулась рукой волос, щеки и губ, следуя своему сну. Так или иначе, но высокомерие Габриэля переносилось ею намного легче, чем его нежность. И оно было гораздо менее опасно для ее разбитого сердца.

Снова надев очки, она встала, чтобы засунуть флакончик лимонной вербены в чемоданчик.

У нее ушло меньше получаса на то, чтобы лишить комнату всех признаков своего пребывания. Она уже застегивала крошечные медные пуговицы своего дорожного жакета, когда кто — то забарабанил в дверь ее спальни.

— Мисс Викаршем! Мисс Викаршем! Вы там?

Схватив шляпу, Саманта подбежала к двери.

— Вы как раз во время. Я как раз собиралась позвать лакея, чтобы он отнес вниз мои

вещи.

Дворецкий посмотрел на нее диким взглядом, не обращая внимания на сундучок и чемоданчик.

— Вы должны пойти со мной, мисс Викаршем, и как можно скорее! Вы нужны хозяину!

— И что на этот раз? У него что — то чешется, и он не может сам почесаться? Или его шейные платки недостаточно накрахмалили? — Она завязала ленты шляпы под подбородком. — Какую бы глупую уловку он не придумал, уверяю вас, что ваш хозяин во мне не нуждается. — И никогда не нуждался. Саманта сама удивилась тому, как больно ей было услышать эти слова.

К ее шоку, Беквит, всегда заботившийся о том, чтобы все делалось правильно, схватил ее за руку и попытался силой вытащить из комнаты.

— Прощу вас, мисс, — взмолился он. — Я не знаю, что делать! Я боюсь, что он умрет без вас!

Она уперлась в пол каблуками, заставляя Беквита остановиться.

— О, пожалуйста! Не надо такой драматичности. Я совершенно уверена, что граф отлично проживет без меня. Он даже не заметит, что я ... — Саманта посмотрела на дворецкого, впервые увидев его таким с момента своего появления в этом доме.

Жилет Беквита был в беспорядке, редкие пряди волос, о которых он так заботился, теперь торчали дыбом во все стороны, открывая розоватую кожу головы. Ее взгляд упал на пухлые пальцы, сжимающие ее рукав. Пальцы, покрытые ржавыми пятнами, которые уже оставили яркий след на ее жакете.

Внезапно ей стало трудно дышать.

Вывернувшись из его руки, Саманта ринулась мимо него к выходу. Подхватив юбки, она рысью промчалась по коридору и потом вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки.

* * *

Дверь в спальню Габриэля была приоткрыта.

Первым, кого увидела Саманта, был Габриэль, лежащий на полу вниз лицом, как поверженный гигант. Она прижала руку ко рту, пытаясь заглушить беспомощный крик.

Миссис Филпот стояла на коленях около него и прижимала к его горлу платок, весь пропитанный ярко — алой кровью. Нетрудно было догадаться, что произошло. Острые осколки керамики и стекла валялись по всему полу.

Саманта рванулась через комнату и упала на колени, не обращая внимания на острое жало осколка стакана, прорезавшего ее колено через юбку. Отодвинув носовой платок, она осмотрела глубокую уродливую рану на горле Габриэля, и миссис Филпот сразу осела на пятки, с явным нетерпением передав ей свою жутковатую работу.

Домоправительница убрала с глаз волосы, запачкав щеку кровью Габриэля.

— Мы нашли его, когда принесли послеобеденный чай. Понятия не имею, как долго он здесь лежал. — Цепкий взгляд женщины быстро прошелся по дорожному жакету и шляпе Саманты, не упуская ни одной детали. Она подняла колокольчик Габриэля. На его деревянной ручке были кровавые отпечатки его пальцев. — Я нашла его около его правой руки. Он, должно быть, пытался позвонить, но никто его не услышал.

Саманта прикрыла глаза, вспоминая слабое звяканье, от которого она так просто отмахнулась. Она открыла глаза и посмотрела на Беквита, который стоял в дверях и крутил свои пухлые ручки.

— В деревне есть врач? — спросила она.

Беквит кивнул.

— Тащите его сюда немедленно. Скажите, что это вопрос жизни и смерти. — Поскольку дворецкий так и остался стоять, не в силах оторвать взгляда от лежащего на полу хозяина, Саманта крикнула: — Идите!

Беквит оторвал взгляд от Габриэля и рывком пришел в движение, а миссис Филпот встала и взяла один из чистых шейных платков, висящих на овальном зеркале. Саманта выхватила платок из ее руки и прижала к горлу Габриэля. Хотя его рана все еще кровоточила, кровотечение вроде бы замедлялось. Саманта могла только молиться, чтобы это происходило не из — за того, что он умирал.

Жестом попросив миссис Филпот посмотреть за шейным платком, Саманта схватила Габриэля за плечи, желая удостовериться, нет ли у него других кровоточащих ран. Ей понадобились все ее силы, но с помощью домоправительницы, им удалось перевернуть его на спину и положить в руки Саманты. За исключением случайных царапин и сердито — красного разреза его шрама, его лицо было мраморно — белым.

— Глупый, упрямый дурак, — отрывисто пробормотала она. — Посмотрите, что вы сделали с собой.

Его ресницы затрепетали, медленно открывая колдовскую зелень его глаз. Когда он повернул голову и посмотрел на нее прозрачно — ясным взглядом, у Саманты перехватило дыхание. Его глаза медленно закрылись снова, словно он понял, что это было бессмысленно.

— Это вы, мисс Викершем? — хрипло прошептал он. — Я вызывал вас.

— Я знаю. Она убрала волосы с его лба. — Я здесь. Я больше никуда не уйду.

Он нахмурился.

— Я собирался сказать вам идти прямо к дьяволу.

Саманта улыбнулась сквозь туман слез.

— Это приказ, милорд?

— Даже если бы это был приказ, вы бы все равно ему не подчинились, — пробормотал он. — Дерзкая девчонка.

Когда Габриэль снова потерял сознание и его голова безвольно откинулась ей на грудь, Саманта решила, что, должно быть, это упадок сил сделал его оскорбление так похожим на ласку.

* * *

Когда спустя два часа доктор Тадеуш Гринджой появился из спальни Габриэля, все слуги поместья графа несли молчаливую вахту в коридоре. Миссис Филпот сидела на стуле, прижимая к дрожащим губам носовой платок. Несчастный Беквит стоял по стойке смирно около нее, а остальные слуги столпились на площадке лестницы и шептались между собой.

Только Саманта стояла в полном одиночестве. Несмотря на то, что доктор разрешил служанкам смести осколки стекла, а лакеям перенести Габриэля на кровать и срезать его пропитанные кровью бриджи, он не позволил никому присутствовать при осмотре пациента, в том числе его медсестре.

Он мягко затворил за собой дверь, и Саманта вышла вперед, на ней по — прежнему был испачканный кровью дорожный жакет. Она задержала дыхание, боясь, что врач подтвердит ее самые худшие опасения.

Взгляд доктора прошелся по скорбным лицам.

— Я думаю, мне удалось остановить кровотечение. Стекло повредило его яремную вену. На дюйм глубже, и он стал бы еще одним именем в семейном склепе Ферчайлдов. — Доктор

покачал головой, длинные седые бакенбарды делали его похожим на пожилого козла. — Он очень удачливый парень. Должно быть, кто — то сверху за ним сегодня присматривал.

Вздых облегчения пронесся среди слуг, но никто из них не встретился глазами с Самантой. Она точно знала, о чем они думали. Она была медсестрой их хозяина. Это она должна была за ним присматривать. А она оставила его одного, бросила как раз тогда, когда он больше всего в ней нуждался.

И словно услышав ее мысли, доктор рявкнул:

— Вы его медсестра?

Стараясь не вздрогнуть, Саманта кивнула.

— Да, я.

Он кашлянул, показывая, что он думает об этом.

— Девчужке вроде вас следовало бы искать себе мужа, а не запирать себя вместе с больным в четырех стенах. — Он резким движением открыл свой чемоданчик и вручил ей коричневую бутылочку. — Дайте ему немного, чтобы он хорошо спал ночью. Держите рану в чистоте. А его не выпускайте из постели, по крайней мере, три дня. Его седые брови сошлись над массивной переносицей. — Это ведь не будет для вас слишком сложной задачей, правда, крошка?

Когда в ее воображении вспыхнула непрошенная и шокирующая картина с ней и Габриэлем, голыми катающимися по темно — красному атласу, Саманта к своему ужасу осознала, что краснеет.

— Конечно, нет, сэр. Я прослежу, чтобы он выполнял все ваши указания.

— Проследите, мисс, и тогда этот молодой и сильный товарищ быстро встанет на ноги.

Доктор защелкнул чемоданчик и стал спускаться вниз по лестнице. Слуги перестали перешептываться, на их лицах отразилось облегчение.

Будучи очень осторожным, Беквит подождал, пока остальные слуги не покинут пределы слышимости, и незаметно подошел к Саманте.

— Вы все еще хотите, чтобы лакей отнес ваши вещи?

Она поискала, но не смогла найти даже намека на насмешку в добрых карих глазах дворецкого.

— Не думаю, Беквит. А сейчас, извините меня, — сказала она, благодарно пожимая ему руку, — Думаю, я нужна вашему хозяину.

* * *

Саманта провела ночь, всю играя в медсестру Габриэля — проверяя, не появилась ли кровь на повязке, давая ему лауданум, когда он начинал стонать и метаться, и нежно проверяя его лоб на наличие лихорадки. К рассвету на его щеках появился намек на цвет. И только тогда она посмела откинуть голову на спинку кресла, которое перетащила к его кровати, и дать отдых измученным глазам.

Когда раздался робкий стук в дверь, она вздрогнула и проснулась. Солнечный свет вливался в комнату через маленькое окошко в дальнем ее конце. Ее испуганный взгляд метнулся к Габриэлю, но нашел его спокойно спящим, его грудь поднималась и опускалась с каждым вздохом. И если бы не темные тени у него под глазами, никто бы не предположил, что он только что пережил такое испытание.

Саманта распахнула дверь и в коридоре увидела Питера, сжимающего в руках таз, заполненный чистыми кусками ткани, и кувшин горячей воды, от которой шел пар. Молодой лакей нервно глянул на кровать хозяина.

— Простите, что потревожил вас, мисс. Миссис Филпот послала меня обмыть хозяина.

Саманта тоже обернулась. Во сне Габриэль выглядел не менее внушительным, чем во время бодрствования. Но она не должна более уклоняться от своих обязанностей. Ее небрежность чуть не убила его.

Проглотив свою тревожную неуверенность, она сказала:

— В этом нет необходимости, Питер.

— Я Филипп, — поправил ее тот.

— Филипп. — Забрав из его рук таз и кувшин, она твердо сказала: — Я — его медсестра. Я сама обмою его.

— Вы уверены, мисс? — залившись краской под веснушчатой кожей, он понизил голос до шепота. — Это точно правильно?

— Точно, — заверила она его, закрывая дверь ногой.

Саманта поставила таз на столик около кровати и вылила в него горячую воду, ее руки дрожали так, что она забрызгала себе всю юбку. Нечего так нервничать, отругала она себя. Обмывание Габриэля было просто еще одной ее обязанностью, ничем не отличавшейся от смены повязки или дачи лекарств.

Она успокоилась и сосредоточила все свое внимание на том, чтобы стереть с его лица и горла ржавые пятна. Но когда настало время откинуть с него простыню, она заколебалась. Предполагалось, что она обычная женщина, женщина, которая не будет жеманничать или падать в обморок при виде мужской наготы. В его нынешнем состоянии, твердо сказала она себе, обмывание Габриэля ничем не отличается от обмывания маленького ребенка.

Но когда она стала отодвигать простыню, открывая мускулистую грудь и упругий живот, стало совершенно очевидно, что он не ребенок, а мужчина. И совершенно взрослый мужчина.

Намочив ткань в теплой воде, Саманта провела ею по буграм и впадинам его груди, стирая все следы засохшей крови. Капли воды заблестели в золотистых волосках на его груди. Когда вода стала стекать под простыню, которой были покрыты его узкие бедра, ее беспомощный взгляд проследил за ней, загипнотизированный запретной приманкой.

Она заверила Филиппа, что обмывать его совершенно нормально для нее. Но не было ничего нормального в ее внезапно пересохшем рту, ускорившемся дыхании и сильном желании откинуть простыню, чтобы увидеть, что под ней.

Она оглянулась на дверь, жалея, что не подумала ее запереть.

Прикусив губу, Саманта зажала край простыни большим и указательным пальцами и медленно потянула, открывая по дразнящему дюйму за рывок.

— Это только я, или там есть хороший эскиз?

Услышав хриловатый баритон, почти неразборчивый, но ничуть не менее язвительный, Саманта бросила простыню, как горячую картофелину.

— Простите, милорд. Я только проверяла ваше, ваше...

— Кровообращение? — мягко подсказал он и помахал рукой в ее направлении. — Так продолжайте. Я далек от того, чтобы препятствовать удовлетворению вашего ... любопытства. О моем состоянии, конечно.

— И как давно вы проснулись? — с растущими подозрениями спросила Саманта.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он потянулся, его движение вызвало рябь, пробежавшую по упругим мускулам его груди. — О, наверное, как раз перед тем, как Филипп постучал в дверь.

Вспомнив свои колебания над его, так любовно слепленной, верхней частью тела, Саманте захотелось провалиться сквозь землю.

— Вы все это время бодрствовали? Не могу поверить, что вы собирались позволить мне...

— Позволить вам что? — он моргнул невидящими глазами, просто образец невинности. — Выполнять свои обязанности?

Саманта захлопнула рот, осознав, что, не выдав себя, не может дальше спорить.

Она рывком вернула простыню на место, ставя преграду между своим взглядом и его обнаженной грудью.

— Если вы плохо спали, я могу дать вам еще лауданума.

Он вздрогнул.

— Нет, спасибо. Я лучше буду испытывать боль, чем ничего вообще. Так, я, по крайней мере, могу убедиться, что еще жив. — Она проверила его повязку, и он улыбнулся ей своей печальной полуулыбкой, от которой у нее сжалось сердце. — Надеюсь, что шрама не останется. Я не хочу испортить свою прекрасную внешность.

Отодвинув взъерошенные волосы, она прижала руку ему ко лбу. Что давало странные ощущения, поскольку именно ее, а не его лихорадило.

— Тщеславие должно быть сейчас наименьшей вашей проблемой. Большая удача, что вы живы, знаете ли.

— Так все мне говорят. — И прежде, чем она смогла убрать руку, он поймал ее за запястье и мягко опустил ее руку между ними. — А что является вашей удачей, мисс Викиершем? Разве вы не должны были уже вернуться в Лондон, чтобы излить свое милосердие у постели какого —нибудь благодарного моряка, который посмотрит на вас телячьим взглядом и сделает предложение, как только встанет на ноги?

— И какой в этом был бы вызов? — тихо спросила Саманта, неспособная оторвать взгляда от большой мужской руки, обхватившей ее бледное тонкое запястье. Его большой палец лежал прямо на ее грохочущем пульсе. — Я предпочитаю тратить свое милосердие на неблагодарных хулиганов со шотландскими характерами. Знаете, если вы хотели, чтобы я осталась, совершенно не нужно было резать себе горло стеклом. Вы могли просто хорошенько попросить.

— И разрушить мою репутацию скотины? Нет уж. Кроме того, я вызывал колокольчиком именно вас, чтобы получить удовольствие, увольняя вас лично. — Его большой палец скользил по ее горячей ладони, вызывая нечто опасно близкое к нежности.

— Сейчас я едва ли смогу уйти, — живо сказала она. — Моя совесть не позволит мне уехать до тех пор, пока вы полностью не выздоровеете после вашего падения.

Он вздохнул.

— Тогда полагаю, вы просто обязаны остаться. Мне очень не хочется пятнать совесть, такую чистую, как ваша.

Потрясенная его словами, Саманта вытащила свою руку из его. Его пальцы оставили обжигающую метку на ее коже.

— Конечно, вы не совсем идеальны, — добавил он, кивнув в направлении кресла. — Вы храпите во сне.

— А вы, пока спите, пускаете слюни, — парировала она, посмеившись пальцем к уголку его рта.

— Туше, мисс Викиершем! Язык леди столь же остер, как ее остроумие. Вероятно, вам

лучше вызвать доктора, прежде чем у меня снова начнется кровотечение. — Он сбросил простыню до талии и спустил ноги с кровати. — Или лучше, я сам вызову его. Несмотря на этот небольшой несчастный случай, я чувствую себя сегодня очень бодрым.

— О, нет, вы этого не сделаете! Саманта поймала его за плечи и заставила лечь обратно на подушки. — Доктор Гринджой сказал, что вы должны оставаться в постели, по крайней мере, три дня. — Она нахмурилась. — Хотя он не оставил указания, как я должна удержать вас там.

Откинувшись на подушки, Габриэль закинул руки за голову, его незрячие глаза искрились чем — то дьявольским. — Не расстраивайтесь, мисс Викаршем. Я уверен, вы что-то —нибудь придумаете.

* * *

В створчатые окна спальни Габриэля барабанил дождь. Но вместо того, чтобы убаюкивать, этот уютный ритмичный стук только играл на его и без того издерганных нервах. Всякая надежда, что он может сбежать из своей кровати — тюрьмы, за прошедшие два дня была почти уничтожена постоянным присутствием его медсестры.

Его растущее нежелание сидеть на одном месте, казалось, делало громче все звуки в комнате — скрип кресла у окна, когда мисс Викаршем усаживалась поглубже в подушки, сочный хруст, когда ее зубы вонзались в свежее яблоко, шелест бумаги, когда она поворачивала страницы своей книги.

С помощью памяти и воображения Габриэль почти видел ее на том самом месте, которое он сам часто занимал, когда был мальчиком, а эта комната была спальней его родителей. Белый дымок от газовой лампы на столе должен был создавать нежный ореол света вокруг нее, не отбрасывая теней. Наверное, она подвернула под себя ноги, защищаясь от сырости, которая просачивалась снаружи в этот дождливый день. Когда она в очередной раз откусывала от яблока, он почти видел, как ее белые зубы вонзаются в сочную красную кожицу, как ее маленький розовый язычок облизывает с уголка рта капельку яблочного сока.

Наверняка, на ее голове была та неразбериха из маленьких кусочков ткани и лент, которую женщины называют шляпками. Но независимо от того, как сильно Габриэль сосредотачивался, ее лицо никак не хотело оказываться в фокусе.

Он побарабанил своими длинными пальцы по простыням, его расстройство становилось все сильнее. Он кашлянул, но за этим не последовало ничего, кроме очередного шелеста переворачиваемой страницы. Он кашлянул снова, на сей раз с громкостью пистолетного выстрела.

Его усилия были вознаграждены многострадальным вздохом. — Вы действительно уверены, что не желаете, чтобы я почитала вам вслух, милорд?

— Я уже сказал, что нет, — фыркнул он. — Это заставило бы меня ощутить возвращение в детскую.

Саманта пожалала плечами, что явственно отразилось в ее словах.

— Как хотите. Я не собираюсь мешать вам дуться.

Он дал ей ровно столько времени, сколько нужно, чтобы снова погрузиться в чтение, и снова заговорил:

— Что вы читаете?

— Это пьеса. «Пусть идет быстрее плуг» Томаса Мортон. Довольно живая комедия нравов.

— Однажды я видел ее в Королевском театре, что на Друри — Лейн. Уверен, что вы

найдете много общего с миссис Гранди, — сказал он, ссылаясь на этот бастион ханжеской правильности, который никогда не появляется на сцене. — Я думал, что трагедия Гете больше вам подходит. Немного мрачный нравоучительный рассказ, где бедный негодяй обречен на вечное проклятие за один только мимолетный взгляд на женский чулок или еще какой — nibудь столь же непростительный проступок.

— Я предпочитаю думать, что не существует непростительных проступков.

— Тогда я завидую вашей невинности, — сказал он, с удивлением осознав свои слова.

Очередной звук перевернутой страницы сказал ему, что она больше читает, чем спорит с ним. Едва он начал погружаться в послеобеденную дремоту, как она громко засмеялась.

Габриэль нахмурился, ощущая непристойную пульсацию там, где не ожидал. Он подложил подушку под одну ногу так, чтобы простыня создала над его коленями нечто вроде полога.

— Это был смех, или ваш желудок так реагирует на яблоки?

— О, ничего особенного, — легко ответила она. — Просто очень остроумный пассаж.

После еще одного веселого хихиканья он рявкнул:

— Ну? Вы не думаете, что это невоспитанно — хранить такое литературное великолепие только для собственного развлечения?

— Я думала, что вы не хотите, чтобы вам читали.

— Считайте это болезненным любопытством. Я умираю от желания, узнать, что же так увлекло такое создание без чувства юмора, как вы.

— Очень хорошо.

Когда она начала читать забавную перепалку между двумя братьями, которые влюбились в одну и ту же леди, Габриэль с удивлением понял, что его медсестра упустила свое призвание. Она должна была бы стать актрисой. Ее забавные интонации делали каждый персонаж совершенно живым. Не осознавая, что делает, Габриэль сел в кровати и наклонился вперед, прислушиваясь к звуку ее голоса.

На середине сочного добродушного подшучивания, она вдруг остановилась на середине предложения.

— Простите. Я не хотела молоть всякую чепуху и мешать вашему отдыху.

В нетерпении узнать, чем закончилась сцена, он отмахнулся от ее извинений.

— А теперь вы могли бы дочитать до конца. Полагаю, что даже ваша чепуха для меня предпочтительней, чем мои собственные мысли.

— Могу представить, что они очень быстро надоедают.

Габриэлю не потребовалось ни воображения, ни воспоминаний, чтобы представить ее ухмылку, когда она вернулась обратно к книге. Но по крайней мере, она сделала, как он просил — продолжила с того же места, где закончила, и дочитала до конца пьесы. После завершения последнего акта, они оба одновременно издали вздох удовлетворения.

Когда Саманта, наконец, заговорила, ее голос растерял всю свою суровость.

— Скука должна быть вашим худшим врагом, милорд. Я уверена, что до войны вы интересовались многими... приятными вещами.

У него разыгралось воображение, или в ее голосе прозвучала нежность?

— Скука была моим худшим врагом. Пока вы не приехали в Ферчайлд — Парк.

— Если бы вы только позволили мне, я бы смогла скрасить вашу скуку. Я бы могла брать вас на долгие прогулки по саду. Я бы могла вам читать вслух каждый день. Я ведь даже могла бы вам помочь с вашей корреспонденцией, если бы вы захотели! Возможно, есть кто

— то, кто хотел бы получить от вас весточку. Ваши коллеги — офицеры? Ваши родные? Ваши друзья в Лондоне?

— Зачем портить им воспоминания обо мне? — сухо спросил он. — Уверен, они предпочли бы думать, что я умер.

— Не будьте смешным, — упрекнула она его. — Я уверена, что они были бы рады получить от вас даже короткую записку о том, как вы живете.

Габриэль с удивлением услышал ее быстрые шаги, пересекающие комнату. А потом звук открывающегося ящика письменного стола.

Действуя по чистой интуиции, он отбросил одеяла и шагнул на звук. На этот раз отчаяние дало ему более правильное чувство направления, чем в предыдущий раз. Его руки сомкнулись на легко узнаваемых контурах ящика и закрыли его. Он уже собирался с облегчением вздохнуть, когда понял, что мягкий и теплый объект, пойманный в его вытянутые руки, был его медсестрой.

«Моя дорогая Сесиль,

Теперь, когда я достаточно осмелел, чтобы обратиться к Вам по имени, смею ли я вообразить, что мое собственное имя так же выйдет из Ваших сочных губ?»

* * *

На какой — то ошеломляющий момент Саманта даже не смела дышать. Гипнотизирующий стук дождевых капель, мягкий полумрак, теплое дыхание Габриэля в ее волосах — все это переплелось, накрыв ее туманным коконом, где время потеряло свою власть и значение. Габриэль, казалось, был точно так же загипнотизирован. Она настояла, чтобы этим утром он надел рубашку, но не настояла, чтобы он застегнул ее. Широкая грудная клетка, прижимающаяся к ее спине, едва заметно приходила в движение от дыхания. Его ладони были прижаты к ящику письменного стола, а мускулистые предплечья затвердели от напряжения.

Несмотря на то, что их неловкое положение не было настоящим объятием, Саманта не могла не думать о том, как легко он мог бы обхватить ее руками и обволакивать первобытным жаром своего тела, пока она не растает в нем.

Она напряглась. Она не слабенькая мечтательная дебютантка, готовая упасть в руки первого джентльмена, который поманит ее пальцем.

— Простите, милорд, — сказала она, разрушая опасные чары, вдруг связавшие их. — Я не хотела совать нос в ваши дела. Я только искала канцелярские принадлежности и чернила.

Габриэль опустил руки, но именно Саманта быстро отодвинулась, стремясь создать между ними дистанцию. Без его тепла, окружавшего ее, влажный воздух, который она до этого момента едва замечала, глубоко проник в ее тело, пробирая до самых костей. Опускаясь обратно в кресло у окна, она задрожала от холода.

Габриэль по — прежнему стоял молча и неподвижно, словно погруженный в свои мысли. Потом, вместо того, чтобы упрекнуть ее за бесцеремонное вмешательство, как она предполагала, он снова открыл ящик стола. Его руки безошибочно определили точное местонахождение содержимого. Когда он повернулся и бросил толстую связку ей в руки, Саманта была столь потрясена, что едва успела подхватить ее.

— Если вы хотите почитать что — то для развлечения, то могли попробовать их. — И хотя лицо Габриэля потемнело от презрения, Саманта ощутила, что презирает он не ее. — Думаю, вы сразу обнаружите, что там есть все, что обычно так нравятся любителям фарса — остроумные подшучивания, тайное ухаживание и патетический дурак, настолько опьяненный любовью, что рискует всем, чтобы покорить сердце его леди, даже своей собственной жизнью.

Она посмотрела на завязанную лентой пачку писем. Бумага, на которой их написали, была потрепана, но отлично сохранилась, словно письма часто читали, но всегда очень аккуратно. Когда Саманта перевернула их, запах женских духов, ностальгический и сладкий, как первые весенние гардении, достиг ее носа.

Габриэль вытащил из — под стола перевернутый стул и, поставив его на ножки, оседлал.

— Начинайте, — скомандовал он, кивая в ее направлении. — Если вы будете читать их вслух, мы оба сможем хорошо повеселиться.

Саманта поиграла с концами шелковой ленты, ленты, которая раньше стягивала блестящие волосы какой — то женщины. — Едва ли мне следует читать вашу частную переписку.

Он пожал плечами.

— Как хотите. Хотя некоторые пьесы лучше играть по ролям, чем читать. Почему бы мне не начать с первого акта? — Он обнял спинку стула, его лицо напряглось.

— Занавес поднялся более трех лет назад, когда мы встретились на приеме в поместье лорда Лэнгли во время сезона. Она так сильно отличалась от других девушек, которых я знал. У большинства из них не было ни единой мысли в симпатичной головке, кроме одной — подцепить богатого мужа, прежде чем закончится сезон. Но она была такой доброй, умной, веселой и начитанной. Она могла одинаково непринужденно обсуждать поэзию и политику. Мы протанцевали всего один танец, и, даже не подарив мне хотя бы одного поцелуя, она похитила мое сердце.

— А вы украли ее?

Его губы изогнулись в печальной полуулыбке.

— Я предпринимал для этого все усилия. Но, к сожалению, моя репутация распутника шла впереди меня. А так как я был графом, а она дочерью простого баронета, она не могла поверить, что я хочу большего, чем поиграть с ее сердцем.

Саманта не знала, могла ли она винить эту девушку. Мужчина с портрета из галереи, вероятно, завоевывал — и разбивал — огромное количество женских сердец.

— Я — то думал, что она и ее семья будут в восторге заполучить такого уважаемого — и богатого — дворянина.

— Я так думал, — признал Габриэль. — Но оказалось, что ее старшая сестра была вовлечена в какой — то неудачный скандал, включающий виконта, свидание при лунном свете и жену виконта в бешенстве. И самым большим желанием ее отца было, чтобы его младшая дочь нашла себе в пару флегматичного фермера или даже священника.

Представив себе на мгновение Габриэля в воротничке викария, Саманта едва удержалась от смеха. — Как я понимаю, вы были этим в какой — то степени разочарованы.

— Точно. И поскольку я не смог покорить ее ни своим титулом, ни богатством, ни очарованием, я решил попытаться завоевать ее, используя слово. Несколько месяцев мы обменивались длинными подтрунивающими письмами.

— Тайно, конечно.

Он кивнул.

— Если бы стало известно, что она переписывается с джентльменом, особенно с моей репутацией, ее доброе имя было бы уничтожено.

— Но это был риск, который она взяла на себя, — сказала Саманта.

— По правде говоря, я думаю, что мы оба наслаждались острыми ощущениями от своей игры. Мы могли сталкиваться лицом к лицу на балу или вечеринке, пробормотать несколько вежливых слов и изобразить полное безразличие друг к другу. Никто не знал, как я жаждал затащить ее в ближайший залитый лунным светом сад или пустой альков и целовать до бесчувствия.

От хрипловатой нотки в его голосе по телу Саманты пошли мурашки. Пытаясь бороться с искушением, она все равно увидела Габриэля, взлохмачивающим свои золотистые волосы и вышагивающим по темному алькову. Увидела предвкушение, озаряющее его глаза, когда он начинает ощущать запах духов из гардении. Ощутила силу в его руках, которыми он

вытаскивает ее из — за занавеса. Услышала стон, доносящийся из глубины его горла, когда их губы и тела коснулись друг друга, сгорающие от непереносимого, но запретного голода.

— Кто — то мог бы подумать, что мне наскучит это невинный флирт. Но ее письма очаровывали меня. — Он покачал головой, словно сам себе удивляясь. — Я никогда не представлял, что разум женщины мог быть настолько многослойным или столь очаровывающим. Моя мать и сестры редко интересовались чем —нибудь большим, чем последняя сплетня от Алмака или новомодный фарфор, контрабандой привезенный из Парижа.

Саманта едва сдержала улыбку.

— Должно быть, для вас было настоящим шоком узнать, что женщина может обладать таким же острым и пронизательным умом, что и ваш собственный.

— Да, так и было, — признался он, его потеплевший голос сказал ей, что он не обратил внимания на ее сарказм. — После нескольких месяцев этой восхитительной пытки, я снова написал ей и попытался убедить сбежать со мной в Гретна — Грин. Она отказалась, но не была настолько жестока, чтобы оставить меня совсем без надежды. Она поклялась, что, если я смогу доказать, что у меня есть интересы в этом мире, которые простираются дальше моего очередного приобретения на аукционе Брукс, и другие пристрастия, помимо лошадей, собак и симпатичных балерин, она согласится стать моей невестой, даже если ей придется пойти против желания ее отца.

— Как великодушно, — пробормотала Саманта.

Габриэль нахмурился.

— Она все еще не доверяла моей привязанности. Как бы страстно я ни клялся в своей любви к ней, часть ее слишком хотела верить, что я по — прежнему безответственный повеса, который унаследовал все, что имел — титул, богатство и социальное положение. — Он выгнул бровь, натягивая кожу на шраме, в попытке самоиронии. — И даже свою симпатичную внешность.

Саманте вдруг стало холодно.

— И вы решили доказать, что она неправа.

Он кивнул.

— Я присоединился к Королевскому флоту.

— Но почему к флоту? Ваш отец мог бы купить вам престижную должность в армии.

— И что бы это доказало? Что она права в отношении меня? Что я неспособен достичь чего — то своими собственными заслугами, своими собственными силами? Если бы это входило в мои намерения, я бы, наверное, присоединился к народному ополчению и просто сыграл роль героя. Ничто так не заставляет леди оборачиваться тебе вслед, как накрахмаленное сукно и сверкающие погоны на плечах мужчины.

Саманта так и видела, как он шагает по переполненному залу для танцев с треуголкой под локтем, его золотистые волосы мерцают под светом люстр. Его броская фигура заставляет незамужних дам краснеть и жеманничать за спинами своих поклонников.

— Но вы знали, что не так легко заставить повернуться голову вашей леди, — рискнула она.

— И не так легко завоевать ее сердце. И я пошел под командование Нельсона, в полной уверенности, что, когда вернусь, она будет готова стать моей женой. Зная, что мы будем разлучены на несколько месяцев, я послал ей последнее письмо, умоляя ждать меня. И обещая, что я настроен стать мужчиной — и героем — которого она заслуживает. — Он

снова криво улыбнулся. — На этом заканчивается Акт Первый. Но в продолжении ведь нет никакого смысла? Вы уже знаете окончание.

— Вы еще когда —нибудь видели ее?

— Нет, — ответил он безо всякой иронии. — Но она видела меня. После того, как меня привезли в Лондон, она приезжала в больницу. Я не знаю, сколько я там пробыл. Дни и ночи были одинаково бесконечны и одинаково неразличимы. — Он коснулся пальцем своего шрама. — Я, должно быть, выглядел совершенным чудовищем с незрячими глазами и изуродованным лицом. Я сомневаюсь, что она вообще знала, что я в сознании. У меня тогда еще не было сил даже говорить. Все, что я мог, это почувствовать запах ее духов, которые были дыханием небес среди адского зловония камфары и гниющих конечностей.

— И что она сделала? — прошептала Саманта.

Габриэль похлопал рукой по сердцу.

— Если бы драматург, писавший это пьесу, был бы более сентиментален, она, без сомнения, бросилась бы мне на грудь, обещая свою вечную любовь. Но на самом деле, она просто сбежала. Знаете, в этом не было необходимости. При таких обстоятельствах я и без этого не считал, что она должна выполнять свои обязательства по отношению ко мне.

— Обязательства? — эхом отозвалась Саманта, изо всех сил пытаюсь скрыть свое возмущение. — Я думала, что помолвка предполагает общность двух людей, которые любят друг друга.

Он невесело засмеялся.

— Тогда вы еще наивнее, чем я был. Учитывая, что наша помолвка была тайной, она, по крайней мере, была избавлена от унижения и публичного скандала от ее расторжения.

— Как удачно для нее.

Взгляд Габриэля затуманился, как будто прошлое стало для него более видимым, чем настоящее.

— Иногда я задаюсь вопросом, знал ли я ее вообще. Возможно, она существовала только в моем воображении. Такой, как я ее слепил из умных речей и фантазии украденного поцелуя — моей мечтой о прекрасной женщине.

— Думаю, она была очень красива? — спросила Саманта, уже зная его ответ.

Рот Габриэля затвердел, но голос смягчился.

— Утонченной. Ее волосы были цвета расплавленного меда, а глаза цвета океана под летним небом, ее кожа была самой мягкой...

Глядя на свои руки с потрескавшейся кожей, Саманта кашлянула. Она едва ли была в настроении сидеть и слушать его дифирамбы о том, чем она не обладала.

— Так что случилось с этим образцом совершенства?

— Предполагаю, что она вернулась в лоно своей семьи в Мидлсекс, где она позже, вероятно, выйдет замуж за местного сквайра и переедет в деревню, чтобы растить там кучу практичных толстощеких отпрысков.

Но ни у одного из них не будет лица рафаэлевского ангела или глаз цвета морской волны, обрамленных золотистыми ресницами. Саманта почти пожалела ее. Почти.

— Она просто дура.

— Простите? — Габриэль выгнул бровь, очевидно, озадаченный ее окончательным приговором.

— Эта девушка дура, — повторила Саманта с еще большим осуждением. — А вы еще больший дурак, если тратите впустую ваше время на мечты о фривольном существе, которое

больше волнуют ее платья для бала и поездки на фаэтоне по парку, чем то, что она делала для вас. — Поднявшись на ноги, Саманта подошла и шлепнула письма на тыльную сторону его руки. — Если не хотите, чтобы кто — то еще наткнулся на ваши сентиментальные сокровища, предлагаю вам положить их под подушку.

Габриэль не сделал ни единого движения, чтобы взять письма. Он просто уставился перед собой, рот его затвердел. Его ноздри раздувались, но она не знала, от гнева или от богатого цветочного аромата, который шел от надушенной бумаги писем. Она уже начала думать, что зашла слишком далеко, как вдруг он отпихнул письма от себя.

— Вероятно, вы правы, мисс Викиршем. В конце концов, письма мало как может использовать слепой. Почему бы вам не взять их?

Саманта отшатнулась.

— Мне? И что же, спрашивается, мне с ними делать?

Габриэль встал, возвышаясь над ней.

— Какое мне дело? Можете выбросить их в мусорный ящик или сжечь, если хотите. Просто уберите их, — печальная улыбка скривила его рот, и он мягко закончил, — с моих глаз долой.

* * *

Саманта сидела на краешке своей постели в поношенной ночной рубашке из хлопка и смотрела на пачку писем в своих руках. За окном уже сгустились черные, как смола, сумерки. Дождь хлестал в оконные стекла, словно ветер заставлял его наказывать всех, кто бросил ему вызов. Несмотря на уютно потрескивающий огонь в ее очаге, Саманта все еще чувствовала себя продрогшей до костей.

Ее пальцы играли с потертыми концами ленты, связывающей письма. Габриэль доверил ей избавиться от них. Было бы неправильно предать это доверие.

Она потянула за ленту. Шелк развязался, и письма рассыпались ей на колени. Сняв очки, она развернула самое верхнее, ее руки задрожали. Уверенный женский почерк плавно струился по бумаге. Письмо было датировано 20 сентября 1804, почти за год до Трафальгара. И споря со своей цветистой элегантностью, текст в нем был сугубо деловой.

* * *

«Мой дорогой Лорд Шеффилд,

В Вашем последнем и довольно дерзком послании Вы утверждаете, что любите меня за «сочные губы» и «голубые глаза с поволокой». Это заставляет меня задать Вам вопрос — а будете ли Вы любить меня, когда эти губы сморщатся не от страсти, а от возраста? Будете ли любить, когда мои глаза поблекнут, а привязанность к Вам останется такой же?»

Я почти слышу, как Вы хихикаете, расхаживая по своему городскому дому и отдавая приказы слугам в той своевольной манере, которую я нахожу одновременно досаждающей и неотразимой. Без сомнения, Вы потратите целый вечер, сооружая остроумный ответ, который бы очаровал и обезоружил меня.

Держите это письмо поближе к своему сердцу, милорд, так Вы будете ближе ко мне.

Ваша,

Мисс Сесиль Марч».

* * *

Сесиль не смогла удержаться и подписалась с витиеватым росчерком, который выдавал ее юность. Саманта смяла письмо в кулаке. Она не чувствовала жалости к этой девочке,

только презрение. За ее дразнящие обещания заплатили слишком дорогой ценой. Она была не лучше средневековой дамы, которая повязывает свой шелковый бант на руку рыцаря перед тем, как послать его на сражение, где он окажется перед лицом смерти.

Собрав письма, Саманта поднялась и шагнула к очагу. Она ничего так не хотела, как сжечь их до пепла, как они того заслуживали, чтобы можно было притвориться, что эта неопытная и высокомерная девчонка никогда не существовала. Но когда она уже приготовилась скормить их пляшущему огню, что — то остановило ее руку.

Она подумала о долгих месяцах, которые Габриэль хранил их, о страсти, с которой он охранял их от ее любопытных глаз, о беспомощном желании на его лице, когда он вдыхал их аромат. Ей показалось, что уничтожение писем принизит жертву, которую он принес, чтобы покорить сердце их автора.

Она повернулась и внимательно осмотрела свою крошечную спальню. Она так полностью и не распаковала свои вещи после несчастного случая с Габриэлем, решив, что легче просто засунуть их все в высокий большой шкаф в углу. Опустившись на колени около своего сундучка, обитого кожей, она снова завязала письма лентой и закрепила небрежным узлом. Она запихнула их в сундучок, похоронив так глубоко, чтобы не было никакой возможности снова наткнуться на них.

«Моя дорогая Сесиль,

Мне трудно поверить, что Ваша мать не обращалась к Вашему отцу по имени, пока не родила ему пятерых детей...»

* * *

Когда следующим утром Саманта вошла в спальню Габриэля, она обнаружила его сидящим перед туалетным столиком с бритвой у горла.

У нее замерло сердце.

— Не делайте этого, милорд. Я разрешу вам сегодня встать. Я обещаю, что разрешу.

Габриэль повернулся на звук ее голоса с бритвой в руке.

— Знаете, в чем одно из немногих преимуществ отсутствия зрения? — жизнерадостно спросил он. — Вам не нужно зеркало, чтобы бриться.

Зеркало ему, может, и не было нужно, но это не мешало зеркалу на туалетном столике любовно запечатлеть его отражение. Как обычно, он не потрудился застегнуть пуговицы на рубашке. Ткань цвета слоновой кости распахнулась, открывая приличную часть словно посыпанной золотой пылью груди и мускулистого живота.

Саманта прошла через всю комнату и накрыла своей маленькой рукой его большую, не давая ему снова поднести бритву к щеке.

— Давайте лучше я, не то вы порежете себе горло. Снова.

Он не отдал ей бритву.

— А почему я должен думать, что вы не склонны оказать мне эту честь?

— Если я перережу вам горло, ваш отец урежет мое жалование.

— Или он удвоит его.

Она тянула бритву с жемчужной ручкой из руки Габриэля, пока тот неохотно не отдал ее.

Осторожно обходя его повязку, Саманта помазком размылила пахнущий можжевельником крем для бритья по его трехдневной щетине. Под ее опытными движениями лезвие легко заскользило, снимая золотистые волоски и открывая сильную челюсть. Его кожа была гладкой и плотной, так сильно отличаясь от ее собственной. Чтобы добраться до места под его ухом, ей пришлось наклониться. Ее грудь коснулась его плеча.

— Откуда этот внезапный интерес к своему внешнему виду? — быстро спросила она, чтобы скрыть свое внезапное замешательство. — Или у вас есть тайные амбиции стать следующим Красавчиком Браммелом^[3]?

— Беквит только принес новости от моего отца. Команда врачей, которых он нанимал, вернулась из Европы. Они хотят встретиться со мной сегодня после обеда.

Его выразительное лицо стало совершенно бесстрастным. Чтобы помочь ему скрыть свою надежду, Саманта подхватила полотенце и стала стирать с его лица лишние мазки крема для бритья.

— Если вы не сможете завоевать их своей симпатичной внешностью, то, возможно, вы сможете очаровать их — как очаровали меня — своим гостеприимством и прекрасными манерами.

— Отдайте мне полотенце! — прошипел Габриэль, когда она стала активно вытирать ему рот и нос. — Что вы пытаетесь сделать? Задушить меня?

Она наклонилась вперед, а он потянулся через плечо. И вместо того, чтобы схватить полотенце, его рука сомкнулась точно на ее мягкой груди.

Услышав, как Саманта испуганно пискнула, Габриэль замер, словно примороженный к месту. Но резкая волна жара, пробежавшая от сердца до паха, быстро заставила его оттаять. И несмотря на то, что он считал это невозможным, он ощутил, что краснеет как школьник.

В своё время он ласкал и более шикарные груди, но ни одна так точно не ложилась в его руку. Его пальцы обхватывали роскошную мягкость так, словно были для этого предназначены. Хотя он не смел пошевелить ни одним из них, он чувствовал через рюши ее лифа, как напрягся ее сосок у него под ладонью.

— О боже, — тихо сказал он. — Это ведь не полотенце, не так ли?

Она громко сглотнула, ее охрипший голос внезапно заговорил ему прямо в ухо. — Нет, милорд. Боюсь, что нет.

Он не представлял, сколько бы они оставались в таком положении, если бы в дверь не ввалился Беквит.

— Я точно не знаю, какую рубашку вы захотите надеть, милорд, — сказал он, его голос был приглушен тем, что, как предположил Габриэль, было высокой кипой рубашек. — Поэтому я сказал Мэг постирать их все.

Поскольку быстрые шаги дворецкого пересекли комнату и направились к гардеробной, Габриэль и Саманта отскочили друг от друга так резко, словно их застали на месте преступления.

— Очень хорошо, Беквит, — сказал Габриэль и прыжком вскочил на ноги, по пути сбивая на пол какие — то брякнувшие вещи.

Он отдал бы десять лет жизни, чтобы в тот момент увидеть выражение лица своей медсестры. Ему, наконец, удалось лишить ее самообладания? Сильно ли покраснели ее нежные щечки? И если сильно, было ли это результатом смущения... или желания?

Он услышал, как она отходит от него, задом пятясь к двери.

— Надеюсь, вы извините меня, милорд, у меня есть кое — какие дела, которые я должна сделать... внизу, вы знаете ... так что я оставляю вас раздеваться... я имела в виду одеваться! — Раздался слабый удар, словно кто — то натолкнулся на дверь, приглушенное «Ой!», а затем звук открывающейся и закрывающейся двери.

Тем временем из гардеробной вышел Беквит.

— Как странно, — пробормотал дворецкий.

— Что странно?

— Это было очень необычно, милорд. Я никогда не видел, чтобы мисс Викаршем так краснела или нервничала. Как вы думаете, может, она заболела и у нее лихорадка?

— Очень надеюсь, что нет, — мрачно ответил Габриэль. — Учитывая, сколько времени я провел в ее компании, боюсь, я мог стать жертвой той же самой болезни.

* * *

Невинная ошибка.

Вот все, что произошло. По крайней мере, так Саманта продолжала говорить самой себе, вышагивая по холлу в ожидании Габриэля. Врачи прибыли из Лондона почти полчаса тому назад и ждали встречи с ним в библиотеке. Саманта не смогла вычислить по их вежливым поклонам и непроницаемым лицам ни единой подсказки о том, какими будут новости.

Невинная ошибка, она повторяла себе, во время кратких остановок в прогулке по

натертому до зеркального блеска полу. Но не было ничего невинного в том, как ее дыхание и тело отреагировали на прикосновение Габриэля. Не было ничего невинного в напряжении между ними, которое наэлектризовало воздух как во время летней грозы.

Услышав у себя за спиной шаги, она повернулась. Габриэль спускался по лестнице, одной рукой скользя по блестящим перилам красного дерева. Если бы она не знала, что он слеп, то, вероятно, никогда бы этого не предположила. Он высоко держал голову, а его шаг был уверенным. Беквит спускался за ним, весь светясь от гордости.

Сердце Саманты совершило головокружительный поворот. Неотесанный дикарь, каким был Габриэль, когда она приехала в Ферчайлд — Парк, исчез, и вместо него появился повзрослевший и возмужавший близнец мужчины на портрете. С чернотой его брюк и сюртука отлично контрастировали белизна рубашки, шейного платка и манжет. Он даже стянул лентой свои непослушные волосы. И если бы не выделяющийся шрам на его левой щеке, его можно было бы легко принять за обычного деревенского лорда, спускающегося, чтобы поприветствовать свою леди.

Странным образом шрам только подчеркивал его мужскую красоту, придавая ей глубину там, где прежде мужественность только едва виднелась.

Когда Саманта услышала резкий вздох за своей спиной, она осознала, что не была единственной, кто отметил это преображение. Слуги выглядывали из альковов и дверных проемов, надеясь, хотя бы украдкой, увидеть своего хозяина. Юный Филипп даже перегнулся через перила из галереи третьего этажа. Питер дернул своего близнеца за фалды ливреи, чтобы тот не вывалился на голову Габриэлю.

Сама не зная зачем, Саманта подождала, пока Габриэль не достиг подножия лестницы.

Со сверхъестественным чутьем узнав о ее присутствии, он остановился, когда до того, чтобы натолкнуться на нее, ему оставался всего шаг, и официально поклонился.

— Добрый день, мисс Викаршем. Я надеюсь, мой внешний вид заслуживает вашего одобрения.

— Вы выглядите абсолютным джентльменом. Сам Браммел упал бы в обморок от зависти. — Она протянула руку, чтобы осторожно расправить складку на его шейном платке, и осознала, насколько этот жест подошел бы его жене. Она торопливо опустила руку. Это не ее место. И не ее право. Отступив от него подальше, она неестественно официально произнесла: — Ваши гости уже прибыли, милорд. Они ждут вас в библиотеке.

Габриэль повернулся на пол оборота, показывая первый намек на неуверенность. Беквит поймал его за локоть и повернул к двери библиотеки.

Габриэль показался Саманте ужасно одиноким, идущим в неизвестность с одной только надеждой. Она пошла было к нему, но рука Беквита мягко, но твердо легла ей на плечо.

— В темноте, мисс Викаршем, — пробормотал он, когда Габриэль исчез в библиотеке, — бывают дороги, по которым мужчина должен путешествовать в одиночестве.

* * *

Время еле ползло, измеряемое медными стрелками высоких напольных часов, стоящих в комнате. Их изящное движение по кругу, казалось, замедлились до прерывистых толчков, подходящих только для того, чтобы отмечать десятилетия вместо минут.

Каждый раз, когда Саманта придумывала новое оправдание, чтобы пройти через холл, она находила полдюжины слуг, готовых сделать это за нее. Когда она проходила на кухню налить себе стакан молока, то видела Элси и Ханну, надраивающих перила лестницы так, словно их жизнь зависела от этого, а Милли — на высокой стремянке протирающей

специальной щеточкой каждую хрустальную подвеску на люстре. Возвращая на кухню пустой стакан, она видела Питера и Филиппа, которые на корточках полировали мраморный пол. Казалось, что слуги скрывали свою надежду от Габриэля так же старательно, как он скрывал свою надежду от них. И хотя все они вытягивали шеи и уши к библиотеке, этого было недостаточно, чтобы услышать что — то, кроме неразборчивых приглушенных голосов, раздававшихся из — за толстой двери красного дерева.

К концу дня в холле не осталось ни единого пятнышка пыли. Мраморный пол от тщательной полировки сверкал как стекло и был таким гладким, что Мэг, полная краснощекая прачка, чуть не поскользнулась с риском сломать себе шею. Эта женщина столько раз проходила через холл с корзиной белья, что Саманта заподозрила ее в том, что она таскает из шкафов в стирку уже чистое белье.

В следующий раз, когда Саманта пошла, чтобы якобы вернуть книгу в студию, вышла сама миссис Филпот. Бетси почти целый час полировала деревянные панели около библиотеки и терла так сильно, что сквозь позолоту стало проглядывать дерево.

— Во имя всего святого, чем это вы тут занимаетесь? — рявкнула домохозяйка.

Саманта вздрогнула. Но вместо того, чтобы отругать молодую служанку за безделье, миссис Филпот просто выхватила тряпку из ее руки и начала тереть в противоположном направлении.

— Надо всегда полировать по направлению волокон, а не против них!

Саманта не могла не заметить, что метод миссис Филпот приближал ее ухо очень близко к замочной скважине двери библиотеки.

Когда солнце начало садиться, Саманта и другие слуги перестали притворяться, что работают. Саманта сидела на нижней ступеньке лестницы, подпирая рукой подбородок, ее очки сползли на нос, а остальные слуги в разных позах расселись по лестнице и стульям. Кое — кто наполовину дремал, а остальные напряженно ждали, хрустя суставами и изредка шепотом переговариваясь.

Когда дверь библиотеки резко, без предупреждения, распахнулась, все сидевшие в холле вздрогнули и повернулись к ней. Из библиотеки, закрыв за собой дверь, вышла группа мужчин в темной одежде.

Саманта поднялась на ноги, напряженно глядя в их мрачные лица.

Большинство предпочло не встречаться глазами с ее нетерпеливым взглядом, но невысокий мужчина с добрыми голубыми глазами и аккуратно подстриженными бакенбардами посмотрел прямо на нее и печально покачал головой.

— Мне очень жаль, — пробормотал он.

Саманта опустилась обратно на ступеньку, чувствуя себя так, словно чья — то жестокая рука выжала всю кровь из ее сердца. До этого момента она не понимала, как сильно сама надеялась.

Когда из ниоткуда вынырнул Беквит со своими печальными подбородками и стал провожать врачей на улицу, она уставилась на непроницаемую дверь библиотеки.

Миссис Филпот держала в руке большое пресс — папье в виде шара, которым прижимали только что принесенную почту, ее длинные пальцы побелели. Ее живая уверенность в себе, казалось, совсем исчезла, оставив вместо себя почти трогательную неуверенность.

— Он, должно быть, уже проголодался. Не должны ли мы...

— Нет, — твердо сказала Саманта, помня предостережение Беквита, что некоторыми

дорогами мужчина должен путешествовать один. — Мы не можем. Только когда он будет готов.

* * *

Когда закат растаял, превратившись в сумрак, а сумрак превратился в бархатную темноту теплой весенней ночи, Саманта начала жалеть о собственном решении быть выдержанной. Минуты, которые едва ползли, пока Габриэль консультировался с врачами, сейчас, казалось, летели на черных кожистых крыльях. Один за другим слуги оставляли свою бессменную вахту, уходя подальше в кухню или подвальные помещения, больше не имея сил выносить оглушительную тишину, идущую из библиотеки. И хотя никто из них не признал бы этого, все они предпочли бы услышать громкий звук разбившегося стакана, сопровождающийся проклятиями их хозяина, чем эту тишину.

Саманта оставалась в холле последней, но после того, как Беквит с ввалившимися глазами пожелал ей спокойной ночи, даже она признала свое поражение. Вернувшись к себе, вскоре она обнаружила, что ходит взад — вперед по коврику на полу своей спальни. Она надела ночную рубашку и заплела волосы, но ей была непереносима мысль о том, что она залезет на свою мягкую и удобную кровать на острове из выкрашенного белой краской железа, когда Габриэль сидит там, забаррикадировавшись в своем собственном маленьком аду.

Она шагала взад и вперед, пытаясь восстановить самообладание. Конечно, отец Габриэля должен был знать, каков результат его поисков. Почему же он не приехал вместе с командой своих драгоценных врачей? Его присутствие, возможно, смягчило бы смертельный удар, который они собирались нанести.

А мать Габриэля? Безусловно, ее невнимание еще более непростительно. Какая женщина может поручить заботу о своем единственном сыне слугам и чужим людям?

Взгляд Саманты упал на сундучок в углу спальни, куда она убрала письма его бывшей невесты. В каком — то тайном уголке своего сердца Габриэль верил, что его потерянная любовь может вернуться вместе с его зрением? И он оплакивает смерть и этой мечты тоже?

Напольные часы стали отбивать время. Саманта прислонилась к двери, считая скорбные удары, пока не насчитала двенадцать.

А что если Беквит не прав? Что, если некоторые дороги столь темны и опасны, что их нельзя проходить, не держась за поддерживающую руку? Даже если это просто рука кого — то незнакомого.

Дрожащей рукой Саманта взяла оловянный подсвечник и выскользнула из комнаты. Она прошла почти половину лестницы, прежде чем поняла, что забыла надеть очки. Ее свечи отбрасывали мерцающие тени на стенах, когда она кралась через холл. Тишина угнетала еще сильнее, чем темнота. Это не было уютной домашней тишиной спящего дома. Это была удушающая тишина, которая заставляла задерживать дыхание от напряженного ожидания. Не так ужасно было отсутствие звука, как ощущаемое присутствие страха.

Дверь в библиотеку все еще была закрыта. Саманта взялась за ручку, почти уверенная, что дверь заперта. Но дверь легко распахнулась от ее прикосновения.

Ее захватило множество полуоформленных впечатлений: отрывочный треск угасающего огня в камине; пустой стакан рядом с почти опустошенной бутылкой шотландского виски, стоящей на уголке стола; бумаги, рассеянные по полу, как будто кто — то ударил по ним в приступе досады.

Но все эти впечатления меркли перед Габриэлем, который сидел, небрежно

развалившись в кресле за столом, с пистолетом в руке.

«Моя дорогая Сесиль,

Я сомневаюсь, что мне потребуется десятилетие, чтобы уговорить Вас произнести мое имя. Десяти минут с Вами при лунном свете должно быть достаточно...»

** * **

— Я всегда хвастался друзьям, что могу зарядить пистолет с закрытыми глазами. Сейчас я думаю, что не зря, — Габриэль растягивал слова, наклоняя кожаный мешочек с порохом к дулу пистолета. Несмотря на то, что в бутылке скотча рядом с его локтем оставалось меньше трех пальцев алкоголя, его руки совершенно не дрожали и не просыпали ни грамма.

Когда он взял тонкий железный прут, чтобы утрамбовать заряд, Саманта замерла, замороженная его руками — их изяществом, их ловкостью и экономными движениями. Озноб осознания накрыл ее с ног до головы, когда она представила себе, как эти руки двигаются по нежной женской коже. Ее коже.

Стряхнув с себя соблазняющие чары, она прошла вперед и встала перед столом.

— Не уверена, что должна говорить это, милорд, но разве вы не думаете, что заряженный пистолет в руках слепого мужчины может быть несколько опасен?

— В этом все и дело, не так ли? — Он откинулся на спинку кресла, его большой палец играл с двойным курком заряженного и взведенного пистолета.

Несмотря на небрежную позу и лаконичный тон, Саманта ощущала, что у него напряжен каждый мускул. Он больше не выглядел образцовым лордом. Его сюртук был в беспорядке, а шейный платок свободно болтался на мощной шее. Пряди золотистых волос выбились из ленты, которой были связаны. Незрячие глаза светились лихорадочным блеском.

— Я делаю вывод, что полученные новости не были вам по вкусу? — рискнула она, осторожно опускаясь на ближайший стул.

Он повернул голову за ее движением, предусмотрительно отворачивая от нее дуло пистолета.

— Скажем только, что они были не такими, как я надеялся.

Она изо всех сил старалась отвечать в том же тоне.

— Когда вы получаете дурные вести, разве не принято стрелять в гонца, их принесшего, а не в себя?

— У меня была под рукой только одна пуля. Я не смог решить, которого из врачей застрелить.

— Они не дали вам никакой надежды?

Он покачал головой.

— Ни малейшей. О, один из них — доктор Гилби, кажется — болтал какой — то вздор о крови, скопившейся в моей голове после полученного мной удара. Кажется, был случай в Германии, когда зрение вернулось после того, как сгусток крови рассосался. Но его коллеги сразу закричали, что даже такой дурак, как он, должен признать, что никто еще не фиксировал спонтанного восстановления зрения по прошествии шести месяцев.

Саманта сильно подозревала, что Гилби был тем самым врачом с добрыми глазами, который выразил ей свои соболезнования.

— Мне очень жаль, — мягко сказала она.

— Мне не нужна ваша жалость, мисс Викаршем.

От его резкого тона она напряглась.

— Вы, конечно, правы. Думаю, у вас достаточно собственной.

На какой — то краткий, почти неуловимый момент, уголок рта Габриэля дернулся, словно он собирался улыбнуться. Он осторожно положил пистолет на кожаное покрытие стола. Саманта с тоской посмотрела на него, но не посмела схватить. Даже будучи наполовину пьяным и ничего не видящим, он среагировал бы в два раза быстрее ее.

Он нащупал бутылку скотча, выплеснул остатки в стакан и поднял его в насмешливом тосте.

— За Судьбу, эту переменчивую властительницу, чье чувство правосудия превосходит только ее чувство юмора.

— Чувство правосудия? — эхом отозвалась Саманта, изумившись. — Не можете же вы думать, что заслужили потерю зрения. За что? За то, что доказали свой героизм?

Габриэль грохнул стакан на стол с такой силой, что скотч выплеснулся через край.

— Я не герой, черт подери!

— Конечно, герой! — Саманте не потребовалось много времени, чтобы вспомнить и процитировать то, что она узнала из сводок «Таймс!» и «Газетт» об обстоятельствах его ранения. — Вы первым заметили снайпера на бизань — мачте «Редутабль». Когда вы увидели, что он прицелился в Нельсона, то предупреждающе крикнули и бросились через палубу к адмиралу, подвергая огромной опасности вашу собственную жизнь.

— Но я не смог ничего сделать, не так ли? — Габриэль поднес стакан ко рту и единым духом проглотил оставшийся там скотч. — И он тоже.

— Только потому, что вас поразила летящая шрапнель, прежде чем вы могли добраться до него.

Габриэль надолго замолчал. И потом тихо спросил:

— Вы знаете, что последнее я видел, когда лежал там, на палубе, задыхаясь от зловония своей собственной крови? Я видел, как пуля прошивает плечо адмирала. Я видел недоумение на его лице, когда он в агонии рухнул на палубу. Потом все стало красным, а затем черным.

— Это не вы спустили курок пистолета, который убил его. — Саманта наклонилась вперед, ее голос стал тихим и страстным. — И вы выиграли сражение. Храбростью Нельсона и жертвами таких мужчин как вы, французы были побеждены. Они могли бы и дальше пытаться предъявлять права на нашу землю, но вы преподали им урок о том, кто навсегда останется хозяином моря.

— Тогда, предполагаю, я должен быть благодарен Богу за то, что он позволил мне принести такую жертву. Только представьте, каким счастливым был Нельсон. Он уже отдал руку и глаз на благо короля и страны, и всё же смог получить привилегию отдать и свою жизнь. — Габриэль, по — мальчишески откинув голову, засмеялся и стал так сильно похож на мужчину с портрета, что сердце у Саманты замерло. — Вы снова удивили меня, мисс Викаршем! Кто бы мог подумать, что в вашей каменной груди бьется такое романтическое сердце?

Саманта прикусила губу, борясь с желанием напомнить ему, что он, по всей видимости, не счел ее грудь каменной, когда его пальцы собственническим жестом сомкнулись на ее мягкости.

— И вы смеете обвинять меня в сентиментальности? Это ведь не я прячу старые любовные письма в ящике туалетного столика, не так ли?

— Туше, — пробормотал он, его веселье сразу испарилось. Рука снова накрыла пистолет, и прошла по его гладким контурам с нежностью любовника. Когда он заговорил снова, его голос был тих и лишен всякой насмешки. — А что, вы считаете, я должен делать? Вы, как и я, знаете, что слепому мужчине нет места в нашем обществе, если он не просит подаяние на улице и не заперт в сумасшедшем доме. Я никогда не стану чем — то, кроме объекта жалости и тяжкого бремени для семьи или кого — то еще, имевшего несчастье полюбить меня.

Саманта откинулась на спинку стула, странное спокойствие овладело ей.

— Тогда почему вы просто не покончите с этим и не застрелитесь? Когда вы сделаете это, я вызову миссис Филпот, чтобы она все убрала.

Губы Габриэля напряглись, и он еще крепче сжал пистолет.

— Вперед. Покончите с этим, — потребовала она, в ее голосе возрастали сила и страсть. — Но я точно могу вам сказать, что жалеете себя только вы сами. Некоторые мужчины все еще не вернулись с войны домой. А некоторые никогда и не вернуться. Другие потеряли и руки и ноги. Они просят милостыню в сточных канавах, их форма и гордость стали лохмотьями. Над ними смеются, на них наступают, и единственная надежда, которая у них есть — что какой — нибудь незнакомец с унцией христианского милосердия в душе бросит полпенса в их оловянную плошку. А вы сидите в роскоши и дуетесь, каждая ваша прихоть исполняется вашими слугами, которые все еще смотрят на вас так, словно это вы повесили на небо луну. — Саманта встала, благодарная, что он не может видеть блестящие в ее глазах слезы. — Вы были правы, милорд. Те мужчины — герои, а вы нет. Вы всего лишь малодушный и жалкий трус, который боится умереть, но еще больше боится жить!

Она была почти уверена, что он поднимет пистолет и выстрелит в нее. Она не думала, что он поднимется и начнет обходить вокруг стола. И хотя его поступь была такой же уверенной, что и руки совсем недавно, ликер добавил его походке самодовольную развязность. Она думала, что дикий зверь, с которым она столкнулась в свой первый день в Ферчайлд — Парке, побежден, но сейчас поняла, что он только дремал за тяжелыми веками Габриэля, ожидая, когда снова учует запах своей добычи.

Его ноздри стали раздуваться, когда он добрался до нее. И хотя она могла легко ускользнуть от него, что — то в его лице ее остановило. Он схватил ее за плечи и грубым движением привлек к себе.

— Вы ведь не были полностью честны со мной, а, моя дорогая мисс Викиершем? — Его сердце едва не остановилось, а он продолжил. — Ведь вы выбрали эту работу из — за своего всеподавляющего сострадания к любимому мужчине. Вы потеряли кого — то на войне, не так ли? Кто это был? Ваш отец? Брат? — Он опустил голову, и его теплое дыхание, приправленное скотчем, коснулось ее лица, заставляя ее почувствовать себя такой же опьяненной и безрассудной, как и он. — Или это был ваш любовник? — Вышедшее из его красиво вылепленных губ слово было одновременно язвительным и ласкающим.

— Скажу только, что не вы один пытаетесь искупить свои грехи.

Его смех стал насмешкой для них обоих.

— Что такой образец добродетели может знать о грехе?

— Больше, чем вы думаете, — прошептала она, отворачиваясь.

Его нос коснулся ее нежной щеки, хотя она не могла сказать, случайно или намеренно. Без преграды, создаваемой ее очками, она чувствовала себя очень уязвимой.

— Вы стараетесь убедить меня продолжать жить, но так и не предложили ни одной

причины, ради чего мне это делать. — Он встряхнул ее, его руки не собирались ее отпускать, а голос был тверд. — Вы можете сделать это, мисс Викаршем? Вы можете привести мне хотя бы одну причину, зачем я должен жить?

Саманта не знала, может или нет. Но когда она повернула голову, чтобы ответить, их губы соприкоснулись. И он поцеловал ее, накрывая ртом и проводя сладким жаром своего языка по ее губам, пока они не разъединились с тихим звуком полуста — полувывдоха. В нетерпеливом ожидании ее капитуляции, он с силой притянул ее к себе, чувствуя вкус скотча, желания и опасности.

Ее глаза медленно закрылись, опуская их на один уровень. В обольстительном объятии темноты ее поддерживали только его руки, только жар его рта согревал ее, только хрипловатая музыка его стоны заставляла все ее чувства вальсировать. Когда его язык грубо ворвался в мягкость ее рта, в ушах Саманты бешено застучал пульс, отмечая каждый удар ее сердца, каждое мгновение, каждое разочарование. Его руки соскользнули с ее плеч на спину, притягивая до тех пор, пока ее груди не коснулись его твердой груди. Она обняла его одной рукой за шею, изо всех сил стараясь ответить на каждое отчаянное требование его рта своим.

Как она могла спасти его, если она не может спасти даже себя?

Она чувствовала, что спустилась в темноту вместе с ним, и отчаянно желала капитулировать и телом и душой. Возможно, он и утверждал, что приговорен к смерти, но между ними переливалась жизнь. Жизнь в виде древнего танца соединенных языков. Жизнь в виде непреодолимого тянущего ощущения в ее лоно и сладострастной боли между бедер. Жизнь, пульсирующая на мягкости ее живота через поношенный хлопок ночной рубашки.

— Святой Христос! — выругался он, вырываясь из ее рук.

Потеряв его поддержку, Саманте пришлось опереться руками на стол за своей спиной, чтобы не упасть. Ее глаза открылись, и она с трудом удержалась от того, чтобы прикрыть их рукой. Выйдя из восхитительной тени поцелуя Габриэля, она внезапно поняла, что даже слабеющий свет от камина кажется ей слишком резким.

Стараясь отдышаться, она повернулась и увидела, что Габриэль на ощупь обходит вокруг стола. Его руки теперь не были такими уж уверенными. Они уронили на пол пузырек чернил и нож для писем с медной ручкой, а потом накрыли пистолет. Когда он сгреб рукой оружие, его выражение лица было самым решительным, из тех, что она когда — либо видела, и придушенный крик застрял в горле Саманты.

Но он просто потянулся через стол к ней. Нашупал ее руку и вложил в нее оружие. Уходите, — скомандовал он сквозь стиснутые зубы, смыкая ее пальцы на пистолете. Когда она заколебалась, он толкнул ее к двери и повысил голос до крика.

— Уходите немедленно! Оставьте меня одного!

Бросив потрясенный взгляд через плечо, Саманта завернула пистолет в подол своей ночной рубашки и выбежала из библиотеки.

«Моя дорогая Сесиль,

Вы уже решили, какое из моих достоинств интригует Вас больше — моя робость или мое смирение?..»

** * **

Услышав приглушенный удар, Саманта резко села на кровати в испуге, что это отдаленный звук пистолетного выстрела.

— Мисс Викаршем? Вы не спите?

Беквит снова постучал в дверь, и она прижала руку к груди, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Оглянувшись на свой сундучок в углу, она вспомнила, что пистолет Габриэля теперь глубоко похоронен в нем, рядом со связкой писем.

Она отбросила одеяла и встала с постели, на ходу надевая очки. После того, как Габриэль отослал ее, она провела остаток ночи, свернувшись в несчастный клубочек и убеждая себя, что только идиотка может оставить его одного в таком состоянии. Она провалилась в тяжелый сон без сновидений только перед самым рассветом, от полного нервного истощения.

Набросив халат, она приоткрыла дверь.

Хотя Беквит тоже выглядел так, словно провел беспокойную ночь, как и она сама, его налитые кровью глаза смотрели на нее с хорошим настроением.

— Простите, что потревожил вас, мисс, но хозяин желает видеть вас в библиотеке. Когда вам будет удобно, конечно.

Саманта скептически выгнула бровь. Габриэль никогда раньше не беспокоился об ее удобстве.

— Очень хорошо, Беквит. Скажите ему, что я сейчас спущусь.

Она умылась и оделась еще более тщательно, чем обычно, перебирая свой ограниченный гардероб в поисках чего — то не серого, не черного и не коричневого. В конце концов, она заставила себя остановиться на длинном платье из мрачного синего бархата. Она аккуратно вплела соответствующего цвета ленту в тугой валик волос гладкой прически. И только поймав себя на том, что поглядывает на себя в зеркало, накручивая на палец выбившийся из прически локон, она поняла, насколько смешно это выглядит. В конце концов, будто Габриэль может оценить ее усилия.

Покачав головой своему отражению, она поспешила к двери. Но спустя пять секунд бегом вернулась обратно к туалетному столику, чтобы капнуть лимонной вербены на шею и за ушами.

Заколебавшись, Саманта остановилась перед дверью библиотеки, у нее в животе все трепетало от какого — то непонятного чувства. Ее потребовалась минута, чтобы определить это таинственное чувство как застенчивость. Это смешно, она сказала себе. У нее с Габриэлем был один пьяный поцелуй и ничего больше. Но каждый раз, когда она будет видеть его рот, она вспомнит, как это было — как его требовательные губы управляли ее губами, каким томительным был жар его двигающегося языка ...

Напольные часы начали отбивать десять ударов, выдергивая ее из мечты в реальность. Разгладив руками юбку, Саманта громко постучала.

— Войдите.

Повинуясь этой короткой команде, она открыла дверь и увидела Габриэля, сидящего за столом в той же позе, что он сидел прошлой ночью. Но на сей раз не было никакого пустого стакана, никакой бутылки скотча и, к счастью, никакого оружия смертоноснее ножа для открывания писем.

— Доброе утро, милорд, — сказала она, проскальзывая в комнату. — Я рада видеть, что вы все еще среди живых.

Габриэль потер лоб тыльной стороной ладони.

— Лучше бы я не был, во имя Господа. Тогда, по крайней мере, у меня бы так адски не болела голова.

При ближайшем рассмотрении Саманта заметила, что на нем также отразились последствия прошлой ночи. И хотя он переоделся в чистое, его щеки покрывала золотистая щетина. Кожа вокруг шрама выглядела словно сдавленной и побелела, а тени под глазами были сильнее, чем обычно.

Его грация экономных движений прошлой ночи исчезла, оставив вместо себя неподвижную позу, в которой, казалось, было больше явного дискомфорта, который проявлялся каждый раз, когда он двигал головой, чем официальности.

— Пожалуйста, садитесь. Когда она села, он произнес:

— Я сожалею, что вызвал вас так срочно. Я понимаю, что, должно быть, оторвал вас от паковки своих вещей.

Озадаченная, она было открыла рот, но прежде, чем она смогла что — то сказать, он продолжил, его длинные пальцы играли с медной ручкой ножа для писем. — Я, конечно же, не могу винить вас за ваше решение уехать. Мое поведение вчера вечером было непростительно. Я мог бы обвинить в этом ликер, но боюсь, мой плохой характер и слабая способность рассуждать здраво несут не меньшую ответственность. И хотя так может показаться, могу вас уверить, что не имею привычки ухлестывать за служанками в своем доме.

Саманта почувствовала странную боль под сердцем. Она почти позволила себе забыть, что она для него всего лишь служанка.

— Вы точно уверены в этом, милорд? Думаю, я слышала, как миссис Филпот упоминала один инцидент с некой молодой горничной на задней лестнице ...

Габриэль вздрогнул и резко поднял голову по направлению к ней.

— Мне было всего четырнадцать, когда это случилось! И насколько я помню, это Мюзета загнала меня туда... — Он замолчал, его глаза сузились, когда он понял, что она намеренно спровоцировала его.

— Можете успокоить свою совесть, милорд, — заверила она его, поправляя на носу очки. — Я не озабоченная старая дева, которая думает, что каждый встречный мужчина собирается на нее наброситься. И не нервная дебютантка, падающая в обморок от одного украденного поцелуя.

Черты лица Габриэля обострились, но он придержал язык.

— Насколько я вижу, — сказала она с легкостью, которая была далека от ее реальных чувств, — мы оба можем притвориться, что вашей маленькой неосмотрительности никогда не было. А теперь, прошу извинить меня, — сказала она, поднимаясь со стула. — Если вы не нашли еще каких — то причин послать меня собирать вещи, у меня есть некоторые...

— Я хочу, чтобы вы остались, — выпалил он.

— Простите?

— Я хочу, чтобы вы остались, — повторил он. — Вы утверждали, что работали гувернанткой. Отлично, я хочу, чтобы вы преподавали мне.

— Преподавала вам что, милорд? Хотя вашим манерам и требуется некоторая полировка, насколько я могу видеть, вы очень хорошо разбираетесь в буквах и числах.

— Я хочу, чтобы вы научили меня жить, меня такого, какой я есть. — Он поднял обе руки ладонями вверх, и стало заметно, что они немного дрожат. — Я хочу, чтобы вы научили меня жить слепым.

Саманта опустила обратно на стул. Габриэль Ферчайлд не был мужчиной, которому легко о чем — то просить. И все — таки он только что обнажил перед ней свою гордость и душу. Какое — то время она не могла вымолвить ни слова.

Ошибочно принимая ее неуверенность за скептицизм, он сказал:

— Я не могу обещать быть лучшим учеником, но я буду стараться быть им. Его руки сжались в кулаки. — Учитывая мое недавнее поведение, я понимаю, что не имею никакого права просить вас об этом, но...

— Я согласна, — мягко сказала она.

— Согласны?

— Согласна. Но должна вас предупредить, что я могу быть очень строгой. И если вы не будете слушаться, то можете получить словесный нагоняй.

Призрак улыбки заиграл на его губах.

— Что, никакой порки?

— Только если вы будете дерзить. — Она снова встала. — А сейчас, извините, мне надо составить план наших занятий.

Она была уже почти у двери, когда Габриэль заговорил снова, его голос стал резким. — Кое — что о прошлой ночи.

Она повернулась, почти радуясь, что он не может видеть искру надежды в ее глазах.

— Да?

Его опустошенное выражение лица было начисто лишено насмешки.

— Я обещаю, что такого прискорбного пробоя в моей способности здраво мыслить больше не повторится.

Саманта почувствовала, что желудок у нее предательски падает куда — то вниз, но изо всех сил попыталась показать в своем голосе беззаботную улыбку.

— Очень хорошо, милорд. Я уверена, что миссис Филпот и остальные служанки сегодня будут спать в своих кроватях гораздо спокойнее.

* * *

После полудня настала очередь Саманты звать Габриэля. Она намеренно выбрала для их первого урока солнечную гостиную, полагая, что просторное и открытое пространство лучше всего для этого подходят. Сияющий Беквит провел Габриэля в комнату и удалился, пятась и отвешивая поклоны. Когда он закрывал за собой двери, Саманта практически могла поклясться, что дворецкий подмигнул ей, хотя знала, что если его прижать к стенке, то он заверит ее, что ему просто что — то попало в глаз.

— Добрый день, милорд. Думаю, мы начнем наши уроки с этого. — Выйдя вперед, Саманта вложила в руку Габриэля предмет, который держала в руках.

— Что это? — Он осторожно взял предмет двумя пальцами, как будто она могла бы вручить ему садовую змею.

— Одна из ваших старых тростей. И очень элегантная, должна сказать.

Изящные пальцы Габриэля ощупали красивую львиную голову, вырезанную на ручке из слоновой кости, и его подозрительный взгляд стал еще более мрачным.

— Что хорошего в прогулочной трости, если я не могу видеть, куда иду?

— Я как раз об этом. Мне пришло в голову, что если вы надеетесь хоть когда — нибудь прекратить натекаться на все в доме, как слон в посудной лавке, вы должны узнавать, что перед вами до того, как вы врежетесь в предмет.

Выражение его лица стало еще более задумчивым, потом Габриэль поднял трость и описал ею широкий круг вокруг себя. Саманта пригнулась, поскольку трость просвистела мимо ее уха.

— Не так! Это же не сражение на мечах!

— Если бы это было оно, то у меня был бы хороший шанс.

— Только если бы ваш противник также был слепым. — Серdito вздохнув, Саманта обошла его и встала сзади. Потянувшись из — за его спины, она накрыла его пальцы своими так, чтобы они оба крепко держались за набалдашник трости. Она заставила его опустить наконечник трости до уровня пола, а затем провела его рукой осторожную дугу. — Вот так. Просто ведите ее медленно. Вперед и назад. Туда и сюда.

Убаюканные ее гипнотическим, монотонным голосом, их тела какое — то время двигались из стороны в сторону, словно в ритме некоего примитивного танца. Саманту захватило странное ощущение от прикосновения ее щеки к его рубашке, облегающей спину. От него шел теплый и упоительно мужской запах, чем — то напоминающий о поляне нагретых солнцем сосен в ленивый летний день.

— Хм ... мисс Викаршем?

— Хм? — переспросила она, все еще пребывая в своих мечтательных грезах.

Голос Габриэля подрагивал от едва сдерживаемого веселья.

— Если это прогулочная трость, разве мы не должны с ней пройтись?

— О! Конечно, должны! — Резко отдернувшись от него, она убрала с горячей щеки выбившуюся прядь волос. — Я имею в виду, что вы должны. Если вы отойдете сюда, в угол, я разработаю для вас пути и предметы, чтобы вы смогли попрактиковать свои навыки.

Недолго думая, она схватила его за предплечье. Габриэль напрягся, сопротивляясь каждым мускулом. Она попыталась силой потянуть его, но его ноги не сдвинулись с места. Саманта осознала, что она впервые попыталась куда — то его отвести. Даже Беквит, сопровождая его по дому, не смел прикасаться к нему, за исключением кратких указаний о желаемом направлении.

Она ждала, что он стряхнет ее руку и взорвется, что не собирается терпеть, чтобы его водили как беспомощного ребенка. Но почти сразу же она почувствовала, что из — под ее руки, крепко, но нежно держащей его руку, начинает уходить напряжение. И хотя его нежелание идти все еще было ощутимо, когда она двинулась с места, он пошел за ней.

С помощью Питера и Филиппа она сгруппировала пару греческих диванов, три стула и две оттоманки так, чтобы комната стала похожа на загроможденную гостиную. Среди мебели также оказались два или три случайных стола и два пьедестала, одинаковых, но с разными статуэтками — Афины, богини мудрости и Дианы, богини охоты. Саманта также расставила на столах фарфоровые статуэтки и другие хрупкие предметы, полагая, что Габриэль должен учиться находить путь, как среди больших, так и среди маленьких препятствий.

Наконец, она поставила его перед готовой работой.

— Это на самом деле очень просто. Все, что вы должны сделать, это использовать трость, чтобы пройти до противоположной стены гостиной.

Он нахмурился в пространство перед собой.

— Если у меня ничего не выйдет, вы побьете меня этой тростью?

— Только если вы не будете держать свой язык в рамках приличий.

Несмотря на то, что Саманта заставила себя отойти от Габриэля, она не могла заставить свои руки не сделать издали мелкие беспомощные взмахи вокруг его плеч.

Вместо того чтобы вести трость подметающими движениями, Габриэль толкал трость вперед тыкающими толчками. Когда трость задела первый пьедестал, самодовольный бюст на нем зашатался. Саманта рванулась вперед, поймав Диану до того, как она упала на пол.

Пошатываясь под тяжестью бюста, она сказала:

— Отлично для первой попытки! Но вам надо проявить побольше тонкости. Представьте, что вы в одном из лабиринтов фигурных деревьев в Воксхолле, — добавила она, ссылаясь на легендарные сады в Лондоне. — Почему бы вам попробовать пройти через такой?

— Обычно, когда джентльмен успешно находит путь в лабиринте, в центре его ждет некая награда.

Саманта смеялась. — Тесей обнаружил, что его ждет только Минотавр.

— Ах, но смелость и храбрость молодого воина, которые он проявил, сражаясь с чудовищем, покорили сердце Принцессы Ариадны.

— Он никогда бы не посмел быть настолько смелым, если бы умная девочка не дала ему заколдованный меч и клубок нитей, чтобы он смог найти выход, — напомнила она. — Если бы вы были Тесеем, какую награду вы бы предвкушали?

Поцелуй.

Такой ответ едва не сорвался непрошенным с губ Габриэля, подводя его нервы к самому краю. Он уже начинал жалеть о благородном обещании, которое дал. Если бы только хрипловатый смех его медсестры, напоминающий ему смех куртизанки, так не контрастировал с ее чопорным поведением ...

Вероятно, так происходило просто потому, что он не мог видеть. Если бы он видел ее губы, то постоянно думал бы о том, какими сладкими они были бы на вкус под его собственными губами.

Он провел почти все утро, думая о том, какого же они цвета. Нежно — розовые, как внутренность тонкой морской ракушки, наполовину погруженной в ослепительно — белый песок? Или цвета дикой темно — красной розы, цветущей на открытом всем ветрам торфянике? Или ярко — кораллового оттенка какого —нибудь фрукта с экзотического острова, который заставляет ваш язык и ваши чувства петь от удовольствия? И вообще, какая разница, какого они оттенка, если он уже знает, что они очень сочные — и отлично вылеплены для удовольствия поцелуев?

— Я знаю, в чем будет ваша награда! — воскликнула она, когда он ничего не ответил. — Если вы будете практиковаться с достаточным усердием, то скоро станете настолько опытным, что больше не будете нуждаться во мне.

Несмотря на то, что Габриэль сдержанно улыбнулся ее шутке, он уже начинал думать, наступит ли вообще этот день.

* * *

Саманта пришла к нему ночью. Ему теперь не нужен был свет или краски, достаточно

было просто ощущений: лимонная сладость ее духов, мягкое облако ее распущенных волос, скользящих по его голой груди как натуральный шелк, ее горловое бормотание, когда она устроилась рядом с ним, и он ощутил мягкость ее тела.

Он застонал, когда она ткнулась ему носом в ухо, смело коснулась языком его губ, изгиба челюсти ... кончика его носа. Ее теплое дыхание защекотало его лицо, оно пахло старой землей, лежалым мясом и затхлыми носками, сохнувшими над огнем...

— Что... — внезапно проснувшись, Габриэль отпихнул от лица пушистую морду.

Он сел, яростно вытирая губы тыльной стороной руки. Его затуманенному желанием и сном мозгу понадобилось несколько секунд, чтобы осознать тот факт, что уже не ночь, а утро, а активное существо, резвящееся в его кровати, определенно не его медсестра.

— Вы только посмотрите! — воскликнула Саманта где — то в ногах его кровати, ее голос переполняла гордость. — Вас обоих едва представили друг другу, а вы ему уже понравились!

— Дьявол, что это? — потребовал ответа Габриэль, пытаясь схватить предмет. — Кенгуру? Он издал приглушенный стон, когда вторгшееся существо прыгнуло на его ноющий пах.

Саманта засмеялась.

— Не глупите! Это маленький очаровательный колли. Он выбежал меня поприветствовать, когда вчера вечером я проходила мимо дома вашего егеря. Я решила, что он подойдет вам просто идеально.

— Для чего? — мрачно спросил Габриэль, изо всех сил пытаясь держать извивающееся создание на расстоянии вытянутой руки. — Для воскресного перекуса?

— Должна признаться, что нет! — Саманта отогнала от него собаку. Услышав тихое воркование, которое за этим последовало, он сделал вывод, что она подхватила этого маленького монстра на руки. — Он шовшем не перекус, правда? Не наш масенький симпатичненький приятель.

Бессильно упав на подушки, Габриэль недоверчиво покачал головой. Кто бы мог подумать, что его медсестра со столь ядовитым язычком может бормотать такую бессмыслицу? По крайней мере, ему не придется смотреть, как она чешет пузо этому извивающемуся созданию или, что еще хуже, трется с ним носами. Чувство, кипятком взбурлившее в нем, было ему так незнакомо, что ему потребовалась целая минута, чтобы определить его. Он ревновал! Ревновал к какой — то паршивой дворняжке с грубым мехом и дыханием трупа трехдневной давности.

— Осторожнее там, — предупредил Габриэль, поскольку сюсюканье и звуки поцелуев все продолжались. — Он может заразить вас блохами. Или французским сифилисом, — последнее он пробормотал про себя.

— Вам не нужно волноваться о блохах. Я попросила Питера и Филиппа выкупать его во дворе в одном из старых корыт Мэг.

— Где он и должен оставаться, пока это от меня зависит.

— Но тогда вы были бы лишены его компании. Когда я была маленькой девочкой, мы одно время жили по соседству со старым джентльменом, который терял зрение. И он держал маленького терьера, который был ему постоянным спутником. Когда лакеи сопровождали его на прогулке, терьер всегда бежал вперед на своем поводке, украшенном драгоценными камнями, и обводил своего хозяина вокруг неровных булыжников и грязных луж. Если горячий уголь выпадет из очага на ковер, то собака залает, вызывая по тревоге слуг. — И

словно в ответ, щенок на ее руках пронзительно залаял.

Габриэль вздрогнул.

— Какой дьявольский ум. Хотя я думаю, что сгореть в собственной постели может оказаться и предпочтительней. Ваш бедный сосед, в конце концов, еще и оглох, а не только ослеп?

— Да будет вам известно, что та собака была для старика хорошим другом и компаньоном до самого дня его смерти. Его лакей сказал нашей служанке, что после того, как они предали его земле, бедный пес проводил целые дни, сидя у семейного склепа и ожидая возвращения своего любимого хозяина. — Ее голос на минуту приглушился, словно она уткнулась своим сочным ртом в собачий мех. — Разве это не самая трогательная история, которую вы когда — либо слышали?

Габриэля очень заинтересовал тот факт, что семья Саманты была достаточно богата, чтобы пользоваться услугами служанки. Но когда он услышал ее шмыганье носом и звук нащупывания в кармане юбки носового платка, то понял, что проиграл. Он терял всякую способность к обороне всякий раз, когда его чувствительная медсестра становилась сентиментальной.

Он вздохнул.

— Если вы настаиваете, что у меня должна быть собака, это могла бы быть, по крайней мере, настоящая собака. Ирландский волкодав или мастифф, например?

— Они слишком неповоротливы. А этот маленький товарищ сможет следовать за вами куда угодно. И где угодно, — добавила она и в подтверждение своих слов посадила лохматое существо обратно на колени Габриэлю.

Тот унюхал в собачьей шерсти лимонную сладость, что подтвердило его подозрение, что лакеи купали собаку в любимых духах Саманты. Животное вырвалось у него из рук и запрыгало к изножью кровати. Издавая утробный рык, оно начало грызть пальцы ног Габриэля через ватное одеяло. Габриэль, показывая зубы, зарычал на собаку в ответ.

— Как бы вы хотели его назвать? — спросила Саманта.

— Ни одно из подходящих слов нельзя повторить при леди, — сказал он, вытаскивая большой палец ноги из собачьей пасти.

— А он очень упорный малыш, — заметила она, наблюдая, как собака шлепается на пол. Ощущая, что пес потащил за собой его одеяло, Габриэль сделал яростный рывок, чтобы схватить его. Еще несколько дюймов, и мисс Викиршем обнаружит шокирующее последствие его сна и своего воркования.

— Он ужасно упрям и несговорчив, — согласился Габриэль. — Непрошибаемо упрямый. Абсолютно глухой к уговорам и урезониванию. Пойдет только так, как он хочет, даже если это означает попирать потребности и желания тех, кто попадает на пути. Думаю, я хотел бы назвать его ... — губы Габриэля изогнулись в улыбку, смакуя многозначительную паузу, — Сэм.

* * *

Но в ближайшие дни у Габриэля оказалось полно возможностей называть пса как угодно, кроме имени. Вместо того чтобы нестись вперед и помогать обходить препятствия и потенциальные опасности, это проклятое создание, по всей видимости, наслаждалось тем, что бегало вокруг него кругами, вертелось ужом у него между ног и выбивало из его руки трость. Если бы у его медсестры были еще какие — то мотивы, кроме одержимости бесконечно его раздражать, он бы заподозрил ее в попытке подстроить ему

смертоубийственное падение.

Но, во всяком случае, никто не мог обвинить ее в преувеличении. Собака действительно была ему постоянным компаньоном. В какое бы место дома Габриэль ни пошел, везде за ним следовало нетерпеливое пыхтение и громкое щелканье когтей по паркету и мраморным полам. Лакею больше не приходилось волноваться об уборке столовой после того, как Габриэль заканчивал есть. Сэм садился под стул своего хозяина и ловил своей разинутой пастью каждый выпавший кусочек до того, как тот падал на пол. Когда Габриэль ложился на подушки, собираясь спать, он находил их уже занятыми теплым, пушистым шаром.

Если собака не пыхтела ему в шею, то храпела ему в ухо. Когда Габриэль уставал слушать его пыхтение и возню, то стягивал одеяло с кровати и брел спать в гостиную.

Однажды утром он проснулся и обнаружил, что собака исчезла. Но с ней исчез и один из его гессенских сапог, самой лучшей пары.

Габриэль спустился вниз по лестнице, ощупывая тростью каждую ступеньку. По правде говоря, он очень гордился своим достижениями в работе с тростью и умирал от желания похвастаться своим мастерством перед Самантой. Но элегантная трость не смогла помешать ему наступить в теплую лужу у подножия лестницы.

Он поджал ногу в одном чулке, изо всех сил пытаясь найти еще хоть одно объяснение произошедшему, кроме очевидного. Откинув голову назад, он проревел:

— Сэм! — во всю силу своих легких.

Собака и медсестра вдвоем явились на его зов. Пес трижды обежал вокруг него и звучно шлепнулся на его сухую ногу, а Саманта воскликнула:

— О, Боже! Мне так жаль! Филипп должен был вывести его на прогулку в сад сегодня утром. Или это должен был сделать Питер?

Страхнув собаку с ноги, Габриэль двинулся на звук ее голоса, оставляя промокшей ногой влажные следы.

— Меня не волнует, даже если сам архиепископ должен был приехать из Лондона и вывести на улицу эту маленькую бестию. Я больше ни минуты не потерплю, чтобы он крутился под ногами. Особенно под моими ногами! — Он ткнул пальцем в направлении, как он надеялся, двери, хотя и подозревал, что это была только передняя. — Чтобы духу его не было в моем доме!

— О, пожалуйста. Это же не вина малыша. Вам не следовало ходить по дому без обуви.

— Я бы надел сапоги, которые Беквит приготовил для меня, — объяснил он преувеличенно терпеливо, — если бы нашел оба. Но когда я проснулся, то оказалось, что мой правый сапог загадочно исчез.

От двери слышался мужской голос, прерывающийся от волнения.

— Вы не поверите, но только посмотрите, что только что выкопал садовник!

«Моя дорогая Сесиль,

Вероятно, моя застенчивость раньше мешала мне говорить более смело — я хочу получить Вас...»

* * *

— Что именно? — потребовал он ответа, уже предчувствуя, каким тот будет.

— О, ничего особенного, — торопливо ответила Саманта. — Питер просто болтает всякую ерунду.

— Это не Питер, а Филипп, — поправил ее Габриэль.

— Откуда вы можете знать? — она казалась искренне потрясенной, что он может отличить одного близнеца от другого.

— Питер предпочитает лишь легкий запах розовой туалетной воды, а Филипп просто обливает себя ею в надежде, что юная Элси обратит на него внимание. И мне сейчас не нужно зрение, чтобы сказать, что в данный момент он стал красным как пион. Так что ты там нашел, парень? — спросил он, обращаясь прямо к подростку.

— Ничего, что может быть интересно вам, милорд, — заверила его Саманта. — Это просто отличная ... морковь. Почему бы вам не отнести ее на кухню, Филипп, и не сказать Этьену, что уже можно начинать готовить тушеное мясо на ужин?

Смущение лакея выдал его голос.

— По мне, так это больше похоже на старый сапог. Странно, что он был весь изжеван и закопан в саду.

Вспомнив, как красиво коринфская кожа обтягивала его икры, Габриэль едва не застонал.

Когда он заговорил снова, его голос был мягким и тщательно контролируемым.

— Я максимально упрощу для вас, мисс Викаршем. Или собака уйдет, — он наклонился достаточно близко, чтобы чувствовать приправленное мятой тепло ее дыхания. — Или вы.

Она фыркнула.

— Хорошо, если вы так ставите вопрос. Филипп, ты не отведешь Сэма в сад?

— Конечно, мисс. Но что мне делать с ним дальше?

— Нам придется вернуть его законному владельцу.

И прежде, чем Габриэль понял, что она собирается делать, грязный и обслюнявленный сапог приземлился ему на грудь.

— Спасибо, — натянуто сказал он, отпихивая сапог от себя.

Проведя тростью по полу перед собой, он повернулся и зашагал обратно к лестнице. Но его достойный уход был испорчен, когда он добрался до первой ступеньки раньше, чем ожидал. Он замер, с упавшим сердцем чувствуя, что его правый чулок теперь такой же мокрый, как и левый.

Ощущая спиной потрясенный взгляд мисс Викаршем, он стал с хлюпающим звуком подниматься по лестнице, оставляя за собой мокрые следы.

* * *

Габриэль закрывал подушкой уши, но даже ее толщина не могла заглушить отдаленный вой, доносящийся через окно его спальни. Вой начался в тот момент, когда его голова коснулась подушки, и явно не собирался прекращаться до самого рассвета. Пес плакал так,

словно его маленькое сердечко разбилось надвое.

Перевернувшись на спину, Габриэль швырнул подушку в направлении окна. Укоризненная тишина нависала над домом. Мисс Викаршем, вероятно, уже спала блаженным сном вопиющей добродетели, уютно свернувшись в постели. Он почти видел ее там, шелковистые пряди распущенных волос на подушке, мягкие лепестки губ, разделяющиеся с каждым вздохом. Но даже в его воображении, ее деликатные черты были скрыты вуалью теней.

Она, вероятно, смыла перед сном лимонную вербену со своей кожи, оставляя только сладость ее собственного аромата. Аромата, который был более богат и опьяняющ, чем любые, когда — либо существовавшие духи, и обещал целый сад земных наслаждений, перед которыми не мог бы устоять ни один мужчина.

Габриэль застонал, его тело ныло от расстройства и желания. Если собака скоро не успокоится, он завоюет вместе с ней.

Отбросив одеяло, он поднялся и подошел к окну. Нащупав задвижку, он открыл ее и дернул оконную раму вверх, засадив себе в большой палец занозу.

— Тише! — прошипел он в пустоту под окном. — Умоляю, не мог бы ты вести себя потише!

Собачий вой резко оборвался. Раздалось обнадеженное поскуливание, потом наступила тишина. Издав вздох облегчения, Габриэль вернулся к кровати.

Вой возобновился, такой же душераздирающий, как и раньше.

Габриэль захлопнул окно, затем шагнул назад к кровати и нащупал халат, висевший на ее столбике. После чего он решительно вышел из комнаты, даже не потрудившись взять трость.

— Вы сами этого хотели, если я сейчас свалюсь с этой лестницы и сломаю шею, — пробормотал он, ощупывая ногами ступеньки и мало — помалу передвигаясь вперед. — Вместо того чтобы плакать на моей могиле, этот пес, наверняка, обмочит ее. Надо было приказать егерю пристрелить это проклятое животное.

Споткнувшись об оттоманку и ободрав голени об когтистую ножку комода, ему, наконец, удалось добраться до одного из незапертых французских окон в библиотеке.

Он распахнул створки, и прохладный вечерний воздух нежно коснулся его кожи. Он поколебался, не желая подставлять свое изуродованное лицо безжалостному лунному свету.

Но жалобный вой продолжался, взывая к чему — то в глубине его души. Кроме того, насколько он знал, сегодня не было никакой луны.

Он прошел через террасу с каменным полом, где выступающие камни больно кололи его босые ноги, затем ступил на мокрую от росы траву, следуя за воем. Он был уже почти у цели, когда ночь внезапно стала очень тихой. Такой тихой, что он мог слышать отдаленное кваканье лягушек и свое прерывистое дыхание.

Упав на колени, он похлопал обеими руками по земле рядом с собой.

— О, ради Бога, где ты там, маленький ублюдок? Если я и не хотел искать тебя, то сейчас ты все — таки заставил меня распустить нюни.

В кустах рядом с ним что — то зашуршало, и плотный комок меха выстрелил ему в руки, словно ядро, выпущенное из пушки. Радостно поскуливая, маленький колли встал на задние лапы и стал покрывать лицо Габриэля теплыми и влажными поцелуями.

— Ладно, ладно, — пробормотал тот, обнимая дрожащую от волнения собаку. — Незачем быть таким сентиментальным. Все, чего я хочу, это получить хороший ночной

отдых.

Не выпуская из рук щенка, Габриэль поднялся на ноги и пустился в длинный путь обратно к своим покоям. Ему пришлось признать, что с этим маленьким теплым тельцем, уютно устроившимся у него на груди, ночь не показалась ему слишком темной, а путь слишком долгим.

* * *

Даже Саманта не посмела отпустить замечание следующим утром, когда Габриэль спустился вниз вместе с Сэмом, который весело наступал ему на пятки. Несмотря на то, что он все равно ворчал, что собака постоянно крутится у него под ногами, она ловила моменты, когда он думал, что на него никто не смотрит, и гладил шелковистые уши щенка или кидал под стол отборный мясной кусочек.

К концу недели Габриэль уже смог пройти через лабиринт мебели, не врезаясь в ножку стола и не опрокидывая на пол мраморную богиню или фарфоровую пастушку. На радостях от его достижений Саманта решила, что настало время для следующего урока.

Тем вечером Габриэль вышагивал взад и вперед перед дверями столовой, его урчащий от голода живот с каждым шагом все больше заставлял его чувствовать себя зверем, расхаживающим по клетке. Он пришел в свое обычное время для ужина, но запинаящийся Беквит сообщил ему, что обед задерживается, и он должен подождать, пока его не позовут.

Крепко ухватившись за трость, Габриэль прижался ухом к двери, заинтригованный таинственными шорохами и звяканьем, которые доносились изнутри столовой. Его любопытство и предвкушение чего — то интересного стало еще сильнее, когда он узнал мягкий, но повелительный голос своей медсестры.

Габриэль был так переполнен желанием разобрать ее слова, что не услышал, как к двери приблизился Беквит. Дворецкий рывком открыл ее, и Габриэль чуть не выпал внутрь комнаты.

— Добрый вечер, милорд, — сказала Саманта откуда — то слева, веселье сквозило в ее голосе. — Надеюсь, вы извините нас за задержку. Я очень ценю ваше терпение.

Нахмурившись, Габриэль с силой опустил трость, изо всех сил пытаясь вернуть себе опору и достоинство.

— Я уже начал думать, не будет ли это полуночный ужин. Или ранний завтрак. — Он наострил уши, но не услышал знакомого пыхтения, которое обычно сопровождало каждый его прием. — Вот только, что вы сделали с Сэмом? Не стоит надеяться, что его подадут на серебряном блюде с яблоком во рту?

— Сэм будет сегодня обедать в комнате для слуг. Но не волнуйтесь за него. Питер и Филипп обещали накидать под стол достаточное количество еды. Надеюсь, вы простите меня за то, что я отослала его, но я решила, что пришло время вам снова привыкать к атрибутам цивилизации. В ее голосе послышалась теплая улыбка. — Итак, стол покрыт белоснежной скатертью. Вдоль него расставлены три серебряных канделябра, в каждом по четыре тонких свечи, которые гостеприимно освещают самую лучшую посуду из фарфора, хрусталя и серебра, которую только смогла достать миссис Филпот.

Габриэлю не потребовалось много воображения, чтобы представить себе очаровательную картину, которую нарисовала ему Саманта. Была только одна проблема. Даже с тростью в руке, он боялся сделать даже один шаг из страха смахнуть что — то бьющееся на пол или попасть в огонь камина.

Ощущая его нерешительность, Саманта мягко взяла его за локоть.

— Если вы позволите, я проведу вас к вашему стулу. Я взяла на себя смелость разместить вас во главе стола, где вы должны сидеть по праву.

— Это означает, что вы будете обедать в комнате слуг, где вы должны сидеть по праву? — спросил он, пока она вела его вокруг стола.

Она похлопала его по руке.

— Не будьте смешным. Я и не мечтаю лишить вас своей компании.

Подталкиваемый Самантой, он опустился на свой стул. Услышав, что она садится на соседний справа от него, он неловко положил руки на колени. Он забыл, куда их предполагалось девать в перерывах между хватанием пищи. Они внезапно показались ему слишком большими и неуклюжими по сравнению с запястьями.

К его огромному облегчению, в этот момент появился один из слуг с первым блюдом.

— Жареная индейка с лесными грибами, — предложила ему Саманта, когда лакей положил ей на тарелку порцию.

Сочный аромат достиг носа Габриэля, наполнив слюной его рот. Он подождал шагов уходящего лакея и потянулся к своей тарелке. Саманта громко кашлянула.

Он отдернул руку, должным образом наказанную.

— Вилка слева от вас, милорд. А нож справа.

Вздыхнув, Габриэль ощупал скатерть рядом с тарелкой и нашел вилку. Она казалась незнакомым и неудобным предметом в его руке. И при первой же попытке наколоть на нее что — нибудь, он промахнулся мимо еды. Серебро громко зазвенело от удара об прекрасный английский фарфор, Габриэль вздрогнул. Потребовалось еще три попытки прежде, чем он смог найти вилкой хотя бы один гриб. Целую минуту, гоняя по тарелке это неудобное создание, он, наконец, смог насадить гриб на вилку и поднести его ко рту.

Смакуя его мускатный вкус, он спросил:

— Что на вас надето, мисс Викаршем?

— Простите? — переспросила она, явно озадаченная вопросом.

— Вы описали все, что есть в столовой. Почему — то кроме себя самой. Кто знает, может, вы сидите там в одной сорочке и чулках. — Поразив ударом вилки еще один гриб, Габриэль наклонил голову, чтобы скрыть улыбку при мысли об этой безумно греховной картине.

— Не думаю, что мое одеяние может иметь отношение к наслаждению вкусной едой, — ответила Саманта ледяным тоном. — Вероятно, мы должны были начать вечер с урока о светской беседе.

Габриэль предпочел бы смахнуть тарелки со стола и преподать ей урок нецивилизованного...

Он проглотил гриб, поняв, что его мысли принимают опасный оборот.

— Мне показалось это забавным, а вам нет? Как я должен участвовать в светской беседе с леди, если даже не могу себе представить, как она выглядит?

— Очень хорошо, — натянуто сказала она. — Сегодня вечером мне случилось надеть вечернее платье из черного бомбазина. У платья высокий воротник в елизаветинском стиле, и поверх него накинута шерстяная шаль, которая защищает меня от всяких посягательств.

Он передернулся.

— Напоминает наряд, который старая дева могла бы надеть на похороны. Особенно ее собственные. Вы всегда предпочитаете такие мрачные цвета?

— Не всегда, — мягко ответила Саманта.

— А ваши волосы?

— Если вам так хочется знать, — ответила она раздраженным тоном, — я затянула их в узел и подвязала черной лентой на затылке. Это — стиль, который я нахожу самым подходящим.

Габриэль подумал и покачал головой.

— Мне жаль. Но не выходит.

— Прошу прощения?

— Я не могу вынести картину, на которой вы во вдовьем трауре. Она портит мне аппетит. Во всяком случае, я буду избавлен от описания ваших туфель, которые тоже, я уверен, образец добропорядочности.

Он услышал еле слышный шорох, словно Саманта приподняла скатерть, чтобы посмотреть на свои туфли, но она не произнесла ни слова в свою защиту.

Он откинулся на спинку стула, поглаживая щетину на подбородке.

— Я думаю, на вас надето что — то в этом новом скандальном французском стиле — из кремового муслина, вероятно, с высокой талией и низким, прямоугольным лифом, эта ткань создана, чтобы мягко облегать женские формы во всей их красе. — Он сузил глаза. — Я не вижу на вас шали, но кашемировая накидка — мягкая, как крылья ангела — свисает с вашей так подходящей для поцелуя ямочки на внутренней стороне локтя. Ее край спускается к вашим лодыжкам, но не настолько низко, чтобы скрыть дразнящее мелькание ваших розоватых шелковых чулок при каждом вашем шаге.

Он ждал, что она прервет возмущенным протестом его шокирующее описание, но ее, казалось, загипнотизировал его хрипловатый голос.

— У вас на ногах пара мягких розовых туфель, совершенно фривольных и неподходящих для чего — то кроме скольжения по бальному залу всю ночь напролет. Соответствующая лента вплетена в пучок искусно уложенных завитков ваших волос, несколькими из которых позволено выбиться из прически, как если бы вы только что принимали ванну.

Долгое время в комнате стояло гробовое молчание. Когда Саманта, наконец, заговорила, ее придушенный голос заставил Габриэля усмехнуться.

— Безусловно, никто не сможет обвинить вас в недостатке воображения, милорд. Или, скорее, в шокирующей фамильярности в отношении женской одежды.

Он застенчиво пожал плечом.

— Последствия моей юности, когда я провел слишком много времени, снимая ее.

Он отчетливо услышал, как она сглотнула.

— Вероятно, нам лучше начать есть, прежде чем вы будете вынуждены перейти к описанию моего воображаемого нижнего белья.

— В этом не будет необходимости, — вкрадчиво ответил он. — На вас нет нижнего белья.

Резкий вздох Саманты и громкое звяканье серебра о фарфор сказали ему, что она набила рот едой, чтобы сдержаться и не ответить на его дерзости.

Желая иметь возможность сделать то же самое, Габриэль нанес еще один удар по тарелке. Ему удалось наколоть на вилку большой кусок мяса, но, судя по его весу, он был слишком большим, чтобы можно было поднести его к губам и не заработать выговор. Сжав зубы, он вздохнул. Индейка вряд ли была бы более неуловима, чем, если бы бегала сейчас по столу и пронзительно кудахтая, махала крыльями. Если он не хочет остаться голодным до завтрака, кажется, у него нет другого выбора, кроме как воспользоваться ножом.

Он ощупал скатерть справа от тарелки, но прежде он мог найти ручку ножа, его лезвие впилося ему в подушечку большого пальца.

— Будь все проклято! — выругался он и сунул пораненный палец в рот.

— О, Боже! — с тревогой вскрикнула Саманта. — Вам очень больно?

Он услышал скрип отодвигаемого стула, когда она вскочила с места.

— Нет! — рывкнул он и махнул вилкой в ее направлении, словно это была сабля. — Я не нуждаюсь в вашей жалости. Я нуждаюсь в том, чтобы наполнить живот едой, потому что если я стану еще хоть немного голоднее, я могу съесть вас.

Он услышал, что она садиться обратно на стул.

— Я не подумала, — мягко сказала она. — Тогда, по крайней мере, вы позволите мне порезать вам мясо?

— Нет, спасибо. Поскольку вы не планируете ходить за мной всю оставшуюся часть моей жизни, нарезая мне мясо и вытирая подбородок, мне лучше научиться делать это самому.

Бросив вилку, Габриэль потянулся к своему бокалу, надеясь, что щедрый глоток вина сможет исправить впечатление от его промашки, которая показала его таким неуклюжим мужланом. Но своим неловким и резким движением он добился только того, что опрокинул бокал. Ему не нужно было зрение, чтобы знать, что вино полилось на белоснежную скатерть и колени Саманты, ему было достаточно ее судорожного вздоха.

Он вскочил на ноги, гремучая смесь голода и расстройств заставила его потерять самообладание.

— Это безумие! Я лучше буду просить милостыню на улице, чем притворяться, что у меня есть надежда сойти за джентльмена! — Он грохнул кулаком по столу, на котором зазвенел фарфор. — Вы знаете, что раньше леди имели обыкновение конкурировать за привилегию рядом со мной сидеть за ужином? Что они соперничали за мое внимание так, словно были редкой и притягательной конфетой? Какая женщина захочет сидеть рядом со мной сейчас? Ей нечего было бы ждать от меня сейчас, кроме грубого рычания и полного подола кларета. Это в случае, если я по неосторожности не подожгу ей волосы раньше, чем подадут ужин!

Он вытер руки об скатерть, а потом сильно рванул ее на себя, смахивая на пол весь фарфор, весь хрусталь и все тщетные усилия Саманты.

Габриэль почувствовал спиной, что в столовую вбежали слуги.

— Все в порядке, Беквит, — спокойно сказала Саманта. Дворецкий, должно быть, заколебался, поэтому она добавила непререкаемым тоном, — Я за всем прослежу.

Беквит и слуги ушли, оставив их в одиночестве. Габриэль с покрасневшим лицом и тяжело дыша, стоял во главе стола. Он хотел, чтобы Саманта набросилась на него, сказала, каким монстром он стал. Он хотел, чтобы она сказала, что никто ему не поможет, что у него нет никакой надежды. Возможно, тогда он бы смог прекратить свои попытки, перестал бы бороться...

Вместо этого он почувствовал, как ее плечо коснулось его бедра, когда она опустилась на колени у его ног.

— Как только все здесь уберу, — мягко сказала она сквозь приглушенный звон битого стекла и фарфора, — Я пошлю за новыми тарелками.

Ее полное спокойствие, не позволяющее ему лишиться ее самообладания, только еще сильнее разозлило его. Нащупав ее запястье, Габриэль схватил его и прижал к своей

вздыхающей груди. — Кажется, вы отлично преуспели, защищая наивных дураков, которые служат королю и стране, даже больше, чем защищаете саму себя. У вас нет сердца? — уколол он ее. — И совсем нет чувств?

— О, у меня есть чувства! — парировала она. — Я чувствую каждый жгучий удар, сходящий с вашего языка, каждое язвительное замечание. Если бы у меня не было чувств, я, конечно же, не стала бы тратить целый день на попытки сделать ужин приятным для вас. Я не стала бы вставать на рассвете, чтобы расспросить вашего повара о ваших любимых блюдах. Я не стала бы тратить все утро на прочесывание леса в поисках грибов посочнее. И уж конечно не стала бы тратить остальную часть дня, решая, какой фарфор должен украшать ваш стол — Вустерский или Веджвудский. — Габриэль ощущал, что ее стройное тело дрожит от избытка эмоций. — Да, у меня есть чувства. И еще у меня есть сердце, милорд. У меня просто нет намерения позволить вам разбить его!

Она выдержала руку из его захвата, и Габриэль почувствовал на руке что — то горячее и мокрое. Он услышал хруст осколков под ее быстрыми шагами, потом звук хлопнувшей двери.

Точно зная, что находится в полном одиночестве, Габриэль коснулся языком тыльной стороны ладони и ощутил соленые капли.

Тяжело сев на стул, он опустил голову на руки.

— Она права в одном, ты глупый чурбан, — пробормотал он, обращаясь к самому себе. — Тебе безусловно нужны уроки по ведению светской беседы за ужином.

Прошло довольно много времени, прежде чем Габриэль почувствовал, что теплая рука опустилась на его плечо.

— Милорд? Я могу вам помочь? — Голос Беквита дрогнул, словно он уже готовился к резкой отповеди.

Габриэль медленно поднял голову.

— Вы знаете, Беквит, — сказал он, оборачиваясь и накрывая рукой руку преданного слуги. — Я думаю, что только вы и можете.

«Моя дорогая Сесиль,

Не могу сказать, какое я испытал облегчение, узнав, что Вы восхищаетесь в мужчине смелостью...»

* * *

Саманта дулась.

Она не слишком умела это делать. Ребенком ей редко приходилось прибегать к капризам, чтобы получить желаемое. Обычно милой улыбки и логического аргумента было достаточно, чтобы выпросить у родителей то, что она хотела. Но сейчас у нее не было никакой надежды получить желаемое.

Три дня она почти не выходила из спальни, за исключением обедов вместе со слугами на кухне. И всякий раз она брала с собой книгу. Если кто — то и показывал всем своим видом, что хочет заговорить с ней, она утыкалась носом в книгу, пока ее не оставляли в покое, и ловила на себе краем глаза продолжительные взгляды и обеспокоенные вздохи.

Она знала, что ведет себя как ребенок, что, не выполняя свои обязанности, она дает Габриэлю совершенно законную причину послать своему отцу сообщение через Беквита и добиться ее увольнения. Но она сейчас не могла заставить себя ухаживать за ним.

Ее настроение не улучшило понимание того, что он избегает ее так же искусно, как и она его. Очевидно, что даже простая мысль о случайном столкновении с ней была ему настолько противна, что он приказал запираить двери гостиной всякий раз, когда он находился там. Саманта проходила мимо этих дверей, решительно игнорируя залпы странных ударов и иногда прорывающиеся ругательства, которые достигали ее ушей.

Беквит и миссис Филпот казались совершенно безразличными к ее страданиям. Дважды она заставляла их в каком — то укромном уголке болтающими на самые отвлеченные темы. Они виновато захлопывали рты в ту же минуту, как видели ее, и разбегались, бормоча о таких неотложных делах, как полировка супового половника или проверка количества крахмала, которым Мэг накрахмаливает скатерти и салфетки. Саманта предполагала, что они обсуждали, как лучше всего сообщить ей, что ей стоит начать подыскивать себе другую работу.

Она обнаружила, что ей стало очень трудно заснуть. На третью ночь после ссоры с Габриэлем она лежала в постели и хмуро смотрела в потолок, когда живот у нее начал урчать от голода. Поскольку она уже провела полночи в попытках заснуть, она решила спуститься вниз и стянуть кусок холодного пирога с опустевшей кухни.

Проходя мимо гостиной, она услышала приглушенное пение. Подумав, что очень странно видеть двери гостиной запертыми посреди ночи, она прижала ухо к позолоченной панели.

Нет, она не сошла с ума. Звуки, которые она услышала, были музыкой. В каком — то смысле. Мужчина мурлыкал себе что — то под нос, а женщина аккомпанировала ему своим сопрано.

Не успела она расслышать слова песни, как мужчина начал петь стаккато:

— Раз, два, три, четыре ... раз, два, три, четыре ...

Послышался громкий звук удара. После долгой и таинственной тишины, кто — то заспешил к двери.

Саманта бросилась через холл, едва успевая нырнуть за мраморную статую Аполлона в натуральную величину, как одна из дверей распахнулась.

Их темной комнаты появился Беквит, явно обиженный, его редкие пряди волос, казалось, были взлохмачены женскими пальчиками. У Саманты отвисла челюсть, поскольку за Беквитом вышла миссис Филпот, разглаживая передник и убирая за уши выбившиеся из прически волосы.

Домоправительница задрала свой аристократический нос.

— Доброй ночи, мистер Беквит.

— Спице крепко, миссис Филпот, — ответил он, склоняясь в официальном поклоне.

Когда они разошлись в разных направлениях, Саманта вылезла из — за статуи с открытым от удивления ртом. Она не была бы так ошеломлена, если бы из гостиной тайком вышли, хихикая и краснея, Элси и Филипп, но она никогда бы не заподозрила уравновешенного дворецкого и строгую домоправительницу в том, что они забавляются полуночными рандеву. Кажется, что старшее поколение слуг Ферчайлд — Парка было более счастливо в любви, чем она. Качая головой, она стала осторожно подниматься по лестнице, ее аппетит был испорчен.

К полудню следующего дня мрачное настроение Саманты стало действовать на нервы ей самой. Схватив шаль, она решила как следует прогуляться по просторам парка, надеясь, что бегущие облака и шумный апрельский ветер вымоют из ее головы все мысли о Габриэле.

Вернувшись, она нашла на своей кровати большую прямоугольную деревянную коробку.

Бросив шаль на ближайший стул, она осторожно приблизилась к коробке. Возможно, ее Беквит прислал, чтобы ей было во что собирать вещи, когда ее выкинут за ухо на улицу.

Она осторожно приподняла крышку и задохнулась от удивления. Внутри коробки, пахнувшей сандаловым деревом, лежало кремовое платье для леди из тонкого муслина. Неспособная сопротивляться искушению, Саманта вынула платье и прикинула к своей груди.

Очень давно она не видела ничего настолько изысканного. Короткие рукава с буфами были обшиты белой лентой, а широкая полоса атласа собирала ткань чуть ниже ее нежной груди. Квадратный лиф имел низкий вырез, достаточно низкий, чтобы притягивать глаза мужчин. Сама же ткань была так легка и прозрачна, что под нижнюю часть, классического покроя, можно было надеть только самое тонкое и женственное белье.

С прозрачных плеч до самого шлейфа платье переливалось пышными оборками, оно не могло бы подходить Саманте больше, даже если бы оно было выкроено специально для нее в одном из самых фешенебельных салонов парижских модисток.

— Я думаю, что на вас что — то в этом новом и скандальном французском стиле.

Хрипловатый баритон Габриэля все еще звучал у нее в ушах, когда она нашла этикетку, выглядывающую из складок платья.

С платьем в обнимку, она сняла карточку с коробки и узнала аккуратный почерк Беквита.

— Лорд Шеффилд просит вас оказать ему честь и поужинать с ним сегодня в восемь часов вечера, — прочитала она.

Карточка задрожала в ее пальцах, и она медленно положила платье на кровать, понимая, как смехотворно оно будет выглядеть на ней после ее обычного коричневого платья из шерсти.

У нее не было выбора, она должна была отклонить подарок Габриэля и его

приглашение. Она не одна из его прежних любовниц, которых можно задобрить дорогими подарками и сладкими речами. Ее задумчивый взгляд вернулся к коробке. Платье ее настолько одурманило, что она даже не осмотрела все сокровища в ней.

Она вернулась к ней, и ее пальцев ласково коснулась...

— ... кашемировая накидка — мягкая, как крылья ангела — свисает с вашей так подходящей для поцелуя ямочки на внутренней стороне локтя.

Саманта отдернула руку. Откуда слепой мужчина мог узнать об этой ямочке? Такая ямочка есть у каждой женщины, — серьезно напомнила она себе. Габриэль, вероятно, перецеловал их в изобилии, прежде чем потерять зрение.

Она смела крышку, настроенная обезопасить этот ящик Пандоры до того, как еще одно, еще более соблазнительное искушение предстанет ее взору.

— У вас на ногах пара мягких розовых туфель, совершенно фривольных и неподходящих для чего — то, кроме скольжения по бальному залу всю ночь напролет.

— Нет, только не туфли, — прошептала Саманта, обвивая пальцами крышку коробки. — Конечно же, он не может быть таким дьяволом.

Положив крышку на кровать, она осторожно сдвинула накидку в сторону. С ее губ сорвался беспомощный стон. Туфли, лежащие на самом дне коробки, были мягко — розового цвета и казались настолько прекрасными и неземными, что больше подходили для сказочной принцессы, чем для обычной земной женщины.

Взгляд Саманты опустился на ее крепкие кожаные полусапожки. После ее беспокойной прогулки по парку, они выглядели еще более протертыми и пыльными, чем обычно... Она снова посмотрела на туфли, прикусив губу. Конечно, никому не повредит, если она их наденет. В конце концов, сколько шансов, что они ей подойдут? Схватив рожок для обуви, Саманта шлепнулась на ковер и стала расстегивать свои сапожки.

* * *

Саманта привыкла топтать по особняку в практичных ботинках. В изящных туфлях на низких каблуках, застегнутых на лодыжках, она чувствовала себя так, словно плавно спускалась по длинной спиральной лестнице. Она украдкой взглянула на свое отражение в стенных зеркалах, проходя через холл. Она бы не удивилась, если бы заметила тонкие крылышки, пробивающиеся с полуобнаженных плеч в кремовом муслине своего изящного платья.

В элегантной юбке, волнами спадающей до лодыжек, она чувствовала себя не добропорядочной медсестрой Габриэля, а глупой девчонкой с сердцем, полным надежды. Только она знала, насколько опасной может быть эта надежда. Поворачивая к столовой, Саманта вытащила свои домашние очки из кармана платья и вызывающе надела их.

Несмотря на то, что слуг не было в поле зрения, она не могла отделаться от ощущения, что за ней наблюдают, а двери за ее спиной осторожно открываются и закрываются. Проходя через гостиную, она могла поклясться, что услышала тоскливый вздох, а потом радостное хихиканье Элси, впрочем, торопливо приглушенное. Она резко обернулась и увидела, что двери гостиной приоткрыты. В темной комнате, казалось, никого нет.

Она добралась до столовой, как раз когда напольные часы начали бить восемь часов. Внушительные двери красного дерева были все еще закрыты. Саманта поколебалась, неуверенная, что ждут именно ее. Габриэль, должно быть, чувствовал себя попрошайкой на своем собственном банкете, когда ждал несколько дней назад, пока она его позовет.

Собрав нервы в кулак, она поправила накидку и громко постучала в дверь.

— Войдите.

Саманта приняла сухое приглашение и обнаружила за дверью стоящего во главе стола при мерцающем свете свечей молодого принца с портрета.

«Моя дорогая Сесиль,

Должен предупредить, что Вы поощряете мою смелость на свой страх и риск...»

** * **

Мужчина, стоящий во главе длинного стола, мог бы стать украшением любой гостиной Лондона. От сверкающей алмазной булавки, скрепляющей безупречные складки его белоснежного шейного платка, до жизнерадостных кожаных кисточек на его второй паре отличных гессенских сапог, он выглядел так, что любой камердинер мог бы раздуться от гордости. Его кружевная манишка и манжеты отлично оттенялись коротким темно — синим фраком и парой панталон буйволиного цвета, которые облегли его узкие бедра, как вторая кожа.

Его старомодно длинные волосы были стянуты сзади черной бархатной лентой, обнажая сильную линию его челюсти и резкие черты его лица. Мягкий свет свечи смягчал края его щрама и скрывал пустоту взгляда.

У Саманты перехватило горло от желания, которое она не могла себе позволить чувствовать.

— Надеюсь, я не заставила вас ждать, милорд, — сказала она, делая легкий реверанс, который он не мог видеть. — Я планировала обедать в комнате для слуг. Где я и должна обедать по праву.

Правый уголок его рта дернулся. — В этом нет необходимости. Сегодня вечером вы не моя медсестра. Вы — моя гостья.

Габриэль заботливо подошел к стулу справа от своего и, отодвинув его, выгнул золотистую бровь в приглашении. Саманта заколебалась, зная, что для нее было бы намного безопасней, если бы она села на противоположном конце стола, вне его досягаемости. Но Габриэль выглядел таким по — мальчишески полным надежд, что она быстро обошла вокруг стола и присоединилась к нему. Когда он наклонился, чтобы помочь ей пододвинуть стул, она тут же ощутила силу его мускулистых рук и жар, исходящий от его широкой груди.

Он опустил на свое место за столом.

— Надеюсь, что вы не возражаете против Вустерского фарфора. Я боюсь, что Веджвуд стал жертвой неудачного несчастного случая.

Губы Саманты дернулись.

— Как трагично. — Оглядевшись вокруг, она поняла, что буфет пуст, а на покрытом скатертью столе стоит множество блюд, все в пределах легкой досягаемости. Она посмотрела на блюдо, полное свежей земляники. — Я не вижу, чтобы кто — то собирался нам прислуживать. Вы отпустили слуг?

— Я подумал, что они заслужили передышку. На этой неделе они были очень усердны.

— Я так и подумала. Должно было потребоваться много часов работы на одно это платье.

— К счастью, в этих новых стилях используется очень мало ткани, и Мэг смогла сметать его всего за одну или две бессонных ночи.

— А сколько бессонных ночей страдали вы, милорд?

Вместо ответа Габриэль дотянулся до бутылки кларета, которая стояла между ними. Саманта развернула свою салфетку, готовясь к худшему, но его рука аккуратно сомкнулась

вокруг изящного горлышка бутылки. Она с открытым ртом смотрела, как он наливает рубиновую жидкость в их бокалы, не пролив ни единой капли на чистую скатерть.

— Я вижу, что не только слуги были на этой неделе очень усердны, — мягко заметила она, делая глоток дорогого красного вина.

— Я могу обслужить вас? — спросил он и потянулся ложкой к серебряному блюду куриного фрикасе.

— Конечно, — пробормотала она, восхищенно наблюдая, как он аккуратно раскладывает фрикасе им в тарелки.

Презрев вилку и нож, он взял ложку и начал есть. — Итак, я предполагаю, что платье было встречено вами с удовлетворением?

Саманта разгладила юбку.

— Оно почти так же прекрасно, сколь непрактично. Как Мэг удалось так точно подобрать размер?

— У нее хороший глаз на такие вещи. Она сказала, что вы лишь немногим выше моей младшей сестры Гонории. На его губах заиграла улыбка. — Конечно, если бы я ориентировался на измерения Беквита, на вас оно, наверное, было бы как палатка.

— А туфли? Должна ли я предположить, что у вас есть так же одаренный башмачник?

— Есть преимущества в том, чтобы жить так близко к Лондону, знаете ли. Это подбодрило Беквита съездить в магазины на Оксфорд Стрит. А миссис Филпот было не трудно прокрасться в вашу комнату и измерить один из ваших сапожек, пока вы обедали внизу.

— Слуги в Ферчайлд — Парке такие хитрюги, прямо как их хозяин. Вы же должны понимать, что я не могу принять эти прекрасные вещи. Это было бы неправильно.

— О, не надо. Я не придерживаюсь условностей так строго. Обратите внимание, что я не включил ни единого предмета нижнего белья.

— Это то же самое, — медоточиво ответила Саманта, беря губами вкусный кусочек цыпленка. — Поскольку я не ношу нижнее белье.

Габриэля с грохотом уронил ложку на стол. Он сделал большой глоток вина, но явно все еще испытывал трудности с глотанием.

— Должен сказать, что никогда еще я так не сожалел об отсутствии зрения, — наконец выдавил он. Он откашлялся, его лицо прояснилось. — Я надеюсь, что вы примете не только мои подарки. Я надеюсь, что вы примете извинения за мое отвратительное поведение в тот вечер.

Саманта увидела, что его рука терпеливо ощупывает скатерть в поисках ложки, и ее улыбка исчезла. Ложка была всего в нескольких дюймах от его пальцев, но это было все равно, что в соседней комнате.

— Боюсь, это я должна просить у вас прощения. Я не понимала, каким вызовом для вас была такая простая задача как еда.

Он пожал плечами.

— Нож и вилка довольно хитры в использовании. Если я не смогу нащупать пищу, я не смогу ее найти. Он задумчиво свел брови. — Почему бы мне не показать вам?

Отодвинув стул, он поднялся и обошел ее стул сзади с салфеткой в руке. Пульс Саманты участился, когда он склонился над ней. Его пахнущее кларетом теплое дыхание коснулось волос на ее затылке, заставляя ее пожалеть, что она стянула волосы в такой фривольный пучок.

Прежде чем она смогла запротестовать, он вытянул руку и снял с нее очки. На ощупь он скатал салфетку и мягко приложил ее к глазам Саманты, не туго завязав сзади узлом.

Без освещения, которое давали свечи, у Саманты остался только Габриэль — его тепло, его аромат, его прикосновения. Когда тыльная сторона его ладони задела ее горло, высекая из нее беспомощную дрожь, она поняла, насколько уязвима сейчас перед ним.

— Вы хотите мне отомстить, заставив на ощупь есть куриное фрикасе? — спросила она.

— Я никогда не поступил бы так жестоко. Не в случае, когда слепой кормит слепого. Она услышала скрип тарелок, которые он перетаскивал к ней, ставя одну рядом с другой. — Попробуйте это, — сказал он, вкладывая вилку ей в руку.

Чувствуя себя очень неуютно, Саманта ткнула вилкой по тарелке, что стояла перед ней. Она не была уверена, в чем состоит ее цель, поскольку та ускользнула от нее по тарелке. Погоняв предмет по тарелке несколько кругов, ей, наконец, удалось поймать эту неуловимую вещь. Когда она подняла вилку, сочный аромат свежей земляники достиг ее носа. Ее рот наполнился слюной. С трудом завоеванный кусочек был всего в дюйме от ее губ, когда упал с ее вилки и с нахальным шлепаньем приземлился на столе.

— Черт подери все это! — выругалась она, ожидая язвительного замечания Габриэля.

Но он просто обошел вокруг и мягко забрал вилку из ее руки.

— Видите ли, мисс Викершем, когда человек лишен зрения, он вынужден полагаться на другие чувства. Такие как обоняние... — Сладкий аромат земляники заполнил ее нос, и Саманта могла бы поклясться, что чувствует, как нос Габриэля касается ее горла мягким прикосновением. — Осязание... — Его теплые пальцы собственнически прошли по ее шее, прежде чем он стал водить земляникой по ее дрожащим губам, уговаривая их раскрыться. Его голос стал более глубоким. — Вкус...

Захваченная восхитительной слабостью, она не смогла сопротивляться и открылась ему. Как она могла сопротивляться дьяволу в облике змия, когда он приближается к Еве в Эдемском саду и соблазняет ее запретным плодом. Принимая ее невысказанное приглашение, Габриэль толкнул крупную ягоду земляники в ее приоткрытые губы, и сладкая мякоть взорвалась у нее на языке. Она издала тихий стон удовлетворения.

— Еще? — спросил он, его хрипловатый голос соблазнял, словно дьявол, у ее уха.

Саманта хотела еще. Намного больше. Но она покачала головой и отодвинула его руку, боясь, что он может пробудить голод, который никогда не удовлетворится. — Я не ребенок, — сказала она, намеренно подражая ему. — И я не буду есть таким способом.

— Очень хорошо. Будет по — вашему. — Она услышала, как он снова перетасовывает блюда и пробует каждое, причмокивая губами. — Вот, — наконец сказал он, возвращая вилку ей в руку. — Попробуйте это.

Несмотря на то, что вкрадчивая нотка в его голосе должна была предупредить ее, Саманта смело погрузила вилку в блюда, настроенная доказать, что она может с первой попытке попасть в пищу, какой бы она ни была. Она охнула, поскольку ее рука до самого запястья опустилась миску с какой — то охлажденной массой.

— О силлабабе^[4] Этьена ходят легенды, — Габриэль пробормотал ей в ухо. — Он известен тем, что часами взбивает сливки, добиваясь нужной консистенции.

— Да вы просто трусливый негодяй! — Саманта вытащила руку из липкого угощения. — Вы это сделали нарочно.

Она стала нащупывать салфетку, но рука Габриэля сомкнулась на ее запястье.

— Позвольте мне, — сказал он, поднося ее руку к своему рту.

Шок застал Саманту врасплох, когда ее указательный палец скользнул между губами Габриэля. Влажный жар его рта был абсолютным контрастом по сравнению с холодным силлабабом. Он слизывал густые сливки с ее пальца с такой чувственной энергией, что ее защита начала плавиться. Было слишком легко представить себе, как он использует свой искусный язык на другом, гораздо более уязвимом, месте ее тела.

Саманта выдержала руку, ее щеки горели.

— Когда вы пригласили меня поужинать с вами, милорд, я не знала, что я окажусь основным блюдом.

— Напротив, мисс Викершем. Вы стали намного более привлекательным десертом.

— Из — за сладости моей натуры? — она не смогла сопротивляться искушению и задала этот вопрос самым уничтожающим тоном, на какой была способна.

Он громко рассмеялся. Неспособная отказаться от такого редкого зрелища, Саманта стянула с глаз повязку. Габриэль расположился на своем стуле, откинувшись на спинку, его изогнутая усмешка делала соблазнительные морщинки вокруг его глаз более глубокими.

Оставшуюся часть вечера он оставался идеальной компанией за ужином, позволяя ей увидеть отблеск легендарного очарования, которое заставляло огромное количество женщин соперничать за его привязанность. После того, как они, теперь уже пользуясь ложками, а не пальцами, покончили с оставшимся силлабабом, он поднялся и предложил ей свою руку.

Саманта прижала к губам салфетку, боясь, что последует за ним, куда бы он ее ни повел. — Становится поздно, милорд. И мне уже пора уходить.

— Еще пока нет. У меня есть еще кое — что, что я хочу вам показать.

Неспособная сопротивляться такой серьезной просьбе, Саманта поднялась и вложила свою руку в его, но ее осторожность удвоилась. Ощупывая дорогу тростью, он прошел вместе с ней от столовой через длинный и темный коридор к паре позолоченных дверей, которые она никогда прежде не замечала.

Нащупав медные ручки, он толчком открыл обе двери сразу.

— О, Боже! — выдохнула Саманта, глядя на порождение своей собственной фантазии, воплощенное в реальность.

Это был бальный зал, который она видела, когда впервые знакоилась с особняком. Но теперь она уже не смотрела на него сверху, с галереи, она оказалась в самом сердце его великолепия. Свечи в медных люстрах отбрасывали мерцающие блики на венецианские плитки с голубыми прожилками. Ряд французских окон, с застекленными фрамугами, обрамленными изящными арками, выходил в залитый лунным светом сад.

Габриэль прислонил трость к стене. Здесь она ему была не нужна. Здесь не было ни мебели, которая могла бы опрокинуться, ни хрупких статуэток, которые могли бы разбиться.

— Могу я пригласить вас на танец, моя леди? — спросил он, предлагая ей руку.

— Так это вы практиковались, верно? — осуждающе сказала Саманта, вспоминая таинственные звуки музыки и озадачивающие удары, которые она слышала из гостиной. — А я думала, что у Беквита и миссис Филпот было полуночное свидание.

Габриэль засмеялся, ведя ее к центру сверкающего пола.

— Сомневаюсь, что я оставил им достаточно стойкости. Мы с Беквитом сталкивались головами больше раз, чем я мог сосчитать, а ноги бедной миссис Филпот остались бы отдавленными на всю оставшуюся жизнь, если бы я был в сапогах, а не в носках. Мы довольно быстро выяснили, что я ужасен и в менуэтах и в контрдансе.

— Если вы не чувствуете своего партнера, — она начала, вспоминая его слова,

сказанные ей когда — то.

— ... я не смогу найти своего партнера. Вот почему я провел большую часть прошлой ночи, вальсируя с Беквитом. Он вздохнул. — Какая жалость, что миссис Филпот не вальсирует.

— Не вальсирует? — повторила Саманта, не в силах скрыть шок. — Да ведь сам архиепископ назвал вальс верхом распущенности!

Глаза Габриэля заискрились весельем.

— Только представьте себе, что бы он подумал, если бы видел, что я вальсирую со своим дворецким.

— Даже Принц Уэльский утверждал, что совершенно неприлично для мужчины держать женщину так близко. Такая близость между партнерами может привести к нарушению всех приличий.

— Действительно? — пробормотал Габриэль, его голос был гораздо более заинтригованным, чем шокированным. Он переплел свои пальцы с ее, и привлек ее поближе.

Дыхание Саманты стало частым, словно она уже сделала несколько кругов по залу.

— Такой прогрессивный танец мог бы быть приемлем в Вене или Париже, милорд, но он под запретом на всех балах в Лондоне.

— Мы не в Лондоне, — напомнил Габриэль, беря ее в руки.

Он кивнул в сторону галереи. Когда на стоящем там клавесине стал играть невидимый им слуга, Габриэль положил руку ей на спину и одним движением вовлек в танец, сопровождаемый нежной мелодией «Барбары Аллен». Эта медленная баллада, рассказывающая об утраченных возможностях и потерянной любви, всегда была одной из самых любимых у Саманты. Она никогда прежде не слышала, чтобы ее играли как вальс, но она отлично подходила к плавному ритму этого танца.

Когда его тело вошло в постоянный ритм движений, Габриэль почувствовал, что к нему возвращается его привычное изящество. Он закрыл глаза, и другие, еще более восхитительные ощущения так же вернулись к нему — дрожь от ощущения в руках теплого женского тела, шелковистый шепот ее юбок и доверие, с которым она подчинялась его ведущей роли. Впервые со времени Трафальгара, Габриэль не горевал о потере зрения. Кружась по пустынному залу с Самантой в руках, он снова ощущал себя здоровым.

С ликующим смехом откинув назад голову, Габриэль сделал вместе с ней несколько головокружительных оборотов.

К тому времени, когда последние такты «Барбары Аллен» стихли, они оба уже задыхались от смеха. Клавесин начинал играть «Приди», приятную мелодию, больше подходящую для аллеманды, чем для вальса, и они, наконец, остановились. Габриэль быстро обхватил Саманту, не желая отпускать ни сам момент, ни ее.

— Если вы пытаетесь убедить меня, что очень цивилизованны, то вам это не удастся, — сказала она.

— Возможно, под отполированными манерами и модными шелками мы все в глубине души имеем что — то от варваров. — Поднеся ее руку ко рту, он поцеловал ладонь, позволяя своим губам немного задержаться на ее шелковистой коже. — Даже вы, моя чопорная мисс Викаршем.

В его голосе отчетливо прозвучала хрипловатая дрожь, которую невозможно было и с чем спутать.

— Если бы я от природы была бы более циничной, милорд, то заподозрила бы Вас в

подготовке не извинения, а соблазнения.

— А что бы вы предпочли? — не способный больше сопротивляться искушению, Габриэль опустил голову, желая получить ответ от ее губ.

Саманта закрыла глаза, словно таким образом она могла отрицать свою вину за то, что вот — вот должно случиться. Но она не могла отрицать дрожь желанья, которая захватила ее тело, когда губы Габриэля с нежностью проšliсь по ее губам. Это было совсем не непохоже на поцелуй, который был у них в библиотеке. Это было страстной атакой на ее чувства. Это был поцелуй любовника — неторопливый образец удовольствий, которые он ей предлагал, еще более заманчивый и опасный для ее одинокого сердца.

Он ласкал пухлые округлости ее губ своими, молчаливо уговаривая их раскрыться и принять сладкую настойчивость его языка. Чувствуя, что бархатистый жар с каждым поцелуем все глубже проникает в ее рот, Саманта поняла, что просто тает под ним, и рушится последняя стена бастиона ее сопротивления. Внезапно она оказалась нищенкой на пиру — пиру чувств, которых ее тело слишком долго отрицало. Она хотела наесться ими, насытиться каждой лаской грубоватого удовольствия его поцелуя.

Когда ее язык присоединился к первобытному танцу и стал смаковать его язык, подслащенный кларетом, Габриэль издал горловой стон. Ему не нужно было зрение, чтобы просунуть руку в ее лиф и найти мягкость ее груди через ее шелковую блузку, чтобы легонько похлопывать большим пальцем по ее увеличившемуся соску, пока она не застонала, не отпуская его рот, наводненная удовольствием — столь же сильным, сколько и запретным.

Стыдясь своего беспомощного стога и боясь того, куда его жадные пальцы могли бы рискнуть добраться, Габриэль убрал от Саманты руку и остановил поцелуй.

Пытаясь выровнять дыхание, он прижался лбом к ее лбу.

— Вы ведь не были полностью правдивы со мной, мисс Викаршем?

— Почему вы так говорите?

Отметив в ее голосе панику, которая стала результатом его неосмотрительности, он провел носом до изящной раковины ее уха и пошептал:

— Потому что, к моему большому неудовольствию, на вас определенно есть нижнее белье.

В этот момент песня закончилась и наступила резкая тишина, которая напомнила им, что в галерее у них есть аудитория.

— Сыграть еще одну мелодию, милорд? — веселый голос Беквита спланировал по позолоченным перилам, заверяя их, что дворецкий не обратил внимания на драму, разыгрывавшуюся в зале для танцев.

Из них двоих именно Саманта нашла в себе силы отцепиться от его рук, и именно Саманта ответила:

— Нет, спасибо, Беквит. Лорду Шеффилду нужно отдохнуть. Он возобновит свои занятия завтра ровно в два часа дня. — Ее голос не утратил своей твердости, когда она обратилась к Габриэлю, — Спасибо за ужин, милорд.

Ошеломленный ее трансформацией обратно в строгую медсестру, он отвесил ей официальный поклон.

— И вам спасибо, мисс Викаршем... за танец.

Он повернул голову, прислушиваясь к ее убегающим шагам, и уже не в первый раз задался вопросом, какие еще тайны хранит его медсестра.

* * *

Беквит вернулся в комнату для слуг и нашел там миссис Филпот, сидящую в полном одиночестве перед очагом и смакующую чашку горячего чая.

— Как прошел вечер? — спросила она.

— Я бы сказал, это был потрясающий успех. Как раз то, что им обоим и требовалось. Но, как оказалось, мы не были так осторожны, как думали. Очевидно, мисс Викаршем услышала нас вчера вечером в гостиной. — Он хихикнул. — Она подумала, что у нас было полуночное свидание.

— Могу себе представить. — Миссис Филпот поднесла к губам чашку, скрывая улыбку.

Беквит покачал головой.

— Кто бы мог вообразить суетливого старого холостяка и уравновешенную вдову, барахтающихся в темноте, как влюбленные подростки?

— Действительно, кто? — Поставив чашку на плиту, миссис Филпот начала вытаскивать шпильки из волос одну за другой.

Пряди черных шелковистых волос упали ей на плечи, и Беквит, потянувшись, погрузил в них руку.

— Ты знаешь, мне всегда нравились твои волосы.

Она поймала его пухлую руку и прижала к своей щеке.

— А я всегда любила тебя. По крайней мере, с тех пор, как ты нашел в себе храбрость назвать одинокую молодую вдову Лавиния вместо — миссис Филпот.

— Ты понимаешь, что это было почти двадцать лет назад?

— А кажется, что только вчера. Так какие песни ты играл для них?

— «Барбару Аллен» и твою любимую «Приди».

— «Приди, любимая моя», — она сказала, цитируя бессмертные стихи Марло^[5].

— С тобой вкушу блаженство я, — закончил он, поднимая ее на ноги.

Она улыбнулась, ее глаза по — девичьи сверкали искорками.

— Думаешь, хозяин уволил бы нас, если бы знал?

Беквит покачал головой и нежно поцеловал ее.

— Судя по тому, чему я был сегодня вечером свидетелем, я думаю, он бы нам позавидовал.

«Моя дорогая Сесиль,

Как Вы посмели предположить, что моя семья может счесть Вас недостаточно знатной для меня? Вы — моя луна и звезды. Я всего лишь пыль у Ваших ног...»

* * *

На следующий день, вскоре после того, как часы пробили два часа дня, Саманта маршировала по холлу в своих практичных полусапожках, и выражение ее лица было таким решительным, что слуги разбежались с ее пути в разные стороны. Ее волосы были стянуты в строгий узел на затылке, а губы недовольно сжаты, словно она попробовала свои лимонные духи на вкус, вместо того, чтобы ими надушиться. Непривлекательному вырезу ее темно — серого платья удалось затмить даже намек на изящную лодыжку или красивые формы.

Она шагала по гостиной в ожидании Габриэля, ее старомодные юбки шелестели так, словно были накрахмалены. Ее настроение никак не улучшалось и то, что ей было известно, что все ее ухищрения выглядеть rispetабельно не произведут на Габриэля никакого впечатления. Зная его, она могла ждать в одних чулках и шелковой сорочке. Она обмахнулась рукой, ее злобное воображение услужливо предложило ей головокружительное множество картин того, что он мог бы с ней проделать, если бы она была так одета.

Габриэль, в конце концов, вошел в гостиную прогулочным шагом в половине третьего, по дуге ощупывая тростью путь перед собой. Сэм наступал ему на пятки, держа в пасти потрепанный башмак.

Постукивая сапожком, Саманта впиалась взглядом в часы на каминной доске.

— Предполагаю, что у вас нет никакого представления о том, насколько вы опоздали.

— Ни малейшего. Я ведь не вижу часов, — мягко напомнил он ей.

— Ох, — вырвалось у нее, и на мгновение она смутилась. — Тогда, я думаю, что нам лучше начать. — С неохотой прикоснувшись к нему, она схватила его за рукав рубашки и потащила его к началу своего рукотворного лабиринта.

Он застонал.

— Только не мебель снова. Я уже сто раз делал это.

— И сделаете еще сто, пока хождение с тростью не станет вашей второй натурой.

— Я предпочел бы практиковаться в танце, — сказал он, и его голос стал бархатистым.

— К чему практиковать навык, в котором вы уже дока? — парировала Саманта, легонько подталкивая его к мягкому дивану.

Когда Габриэль достиг конца лабиринта, тихо ворча что — то о Минотавре, его трость вдруг перестала встречать препятствия.

Нахмурившись, он провел тростью по широкой дуге.

— Куда подевался письменный стол, дьявол его заберит? Могу поклясться, что он стоял здесь всего несколько дней назад.

В ответ Саманта обошла его спереди и толкнула французское окно от пола до потолка, открывая путь на террасу. Пронзительно твякнув, Сэм выплюнул ботинок и пулей вылетел мимо них на улицу в погоню за воображаемым зайцем. Мягкий бриз с ароматом сирени проник в комнату.

— Поскольку вы, кажется, справились и с гостиной и с залом для танцев, — сказала

Саманта, — я подумала, что вам может понравиться перемена обстановки и немного свежего воздуха.

— Нет, спасибо, — категорично отказался он.

Озадаченная его отказом, она спросила:

— А почему нет? Вы же сказали, что вам наскучила гостиная. Вот я и подумала, что вам может понравиться перемена обстановки и немного свежего воздуха.

— Весь воздух, в котором я нуждаюсь, есть в этом доме.

Удивленная Саманта посмотрела на Габриэля. Он сжимал трость так, словно от нее зависела его жизнь, суставы побелели от напряжения. Его выразительное лицо было застывшим, левый уголок рта оттянут вниз. Легкое очарование прошлого вечера исчезло, оставив после себя напряженную маску.

У нее перехватило дыхание, когда она поняла, что Габриэль не зол. Он испуган. Кроме того, подумав, она поняла, что со времени своего приезда в Ферчайлд — Парк она ни разу не видела, чтобы он выходил на солнечный свет.

Дотянувшись, она мягко вытащила трость от его руки и прислонила к стене. Она смело положила руку на его напряженное предплечье.

— Возможно, вашим легким и не требуется свежий воздух, милорд, но моим — да. И вы едва ли можете ожидать, что леди выйдет на прогулку в такой великолепный весенний день без сопровождения джентльмена.

Саманта знала, что рискует, обращаясь к галантности, которой он больше не интересовался. Но к ее удивлению, он неохотно накрыл своими пальцами ее и склонил голову в насмешливом поклоне.

— Никому не позволено говорить, что Габриэль Ферчайлд может в чем — то отказать леди.

Он сделал один шаг вперед, потом другой. Солнечный свет залил его лицо, словно расплавленное золото. Когда они переступили порог, он вдруг остановился. Она испугалась, что он сейчас повернет назад, но оказалось, что он просто сделал паузу, чтобы втянуть носом воздух. Саманта сделала то же самое, чувствуя запах свежескопанной земли и опьяняющий аромат цветов глицинии, вьющихся по решетке рядом с ними.

Глаза Габриэля медленно закрылись, и она испытала желание сделать так же, чтобы полностью сосредоточить свои чувства на нежности нагретого солнцем бриза и щебете малиновки, ругающей своего супруга, с которым они вместе строили гнездо в ветвях соседнего боярышника. Но если бы она сделала это, она пропустила бы яркое и чувственное удовольствие, которое появилось на лице Габриэля.

Она воспряла духом и потянула его за собой, ведя к изумрудно — зеленому газону лужайки, который спускался к полуразрушенному каменному капризу на краю беспорядочно растущего леса. Каждая деталь рукотворного ландшафта парка, от недавно высеченных скал до изредка мелькающих ручьев, была искусно создана в подражание дикой природе.

Его пальцы все еще лежали на ее, Габриэль легко шел с ней в ногу и с каждым своим шагом обретал все больше уверенности и изящества.

— Мы не должны уходить слишком далеко от дома. Что, если кто — то из деревни увидит меня? Я не хочу до смерти пугать маленьких детей.

Несмотря на сухой тон, Саманта знала, что его слова были шуткой только наполовину.

— Дети боятся только неизвестного, милорд. Чем дольше вы будете оставаться в уединении Ферчайлд — Парка, тем более устрашающей будет становиться ваша репутация.

— А мы не хотим, чтобы они поверили, что я уродливый монстр, шастающий в темноте, не так ли?

Саманта посмотрела на него, но не смогла понять, дразнил ли он ее или самого себя. Его глаза, может быть, и потеряли зрение, но не свой задорный огонек. Они стали еще более эффектными при солнечном свете, их окаймленная золотом глубина была яркой и ясной, как хрустальное озеро. Трепещущий воздух придавал его волосам цвет только что отчеканенной гиней.

— Вам нет никакой необходимости быть заключенным в вашем собственном доме, когда в вашем распоряжении есть такие прекрасные земли. Я сделала вывод, что вы вели очень активную жизнь. Должны были быть занятия вне дома, которые вам нравились.

— Такие, например, как стрельба из лука? — съязвил он. Из леса выбежал Сэм и запрыгал рядом, заставляя их замедлить шаг. — Или еще есть охота. По крайней мере, никто не обвинит меня, если я приму щенка за лису.

— Постыдились бы, — упрекнула она его. — Когда — нибудь Сэм может оказаться для вас просто спасением. Он очень умен, вы знаете.

Услышав свое имя, колли перевернулся в траве на спину и стал по ней кататься, прикрыв глаза и высунув язык. Саманта подняла юбки и переступила через него, надеясь, что ее компаньон ничего не заметит.

Но Габриэль, казалось, был озабочен совсем другими делами.

— Возможно, вы правы, мисс Викаршем. Саманта глянула на него, пораженная такой легкой капитуляцией. — Возможно, есть кое — какое занятие, которое мне могло бы понравиться. Кое — что, что могло бы даже стать предметом пари, если бы они заключались.

* * *

Габриэль выигрывал каждый раунд игры в жмурки^[6].

Никто просто не мог с ним сравниться. Мало того, что он мог поймать даже самых проворных слуг до того, как им удавалось ускользнуть из пределов его досягаемости, но он так же мог узнавать всех по именам по одному только еле ощущаемому запаху от волос или одежды. Его реакция была такой хорошей, что он мог легко уклониться от любого водящего с завязанными глазами, просто выскользывая из чужих пальцев моментом раньше, чем его удавалось схватить.

Когда Саманта впервые собрала слуг, чтобы сыграть к ним в игру, они были потрясены видом своего хозяина: он валялся, опираясь на локоть на залитом солнцем склоне, его волосы выбились из ленты, которой были связаны, а изо рта торчала травинка. Но их шокировало еще больше, когда медсестра объяснила, что требуется от них самих. Когда слуги выстроились в ряд так, словно собирались приветствовать сановника, Беквит прищелкнул языком, выражая свое неодобрение, а миссис Филпот объявила, что еще никогда не видела такого позорного зрелища.

Питер и Филипп были первыми, кто нарушил строй. Радостные от возможности уклониться от своей работы в такой потрясающий весенний день, близнецы не стали соблюдать тонкости игры, предпочитая бросаться и мутузить друг друга веснушчатými кулаками при каждом удобном случае. Всякий раз, когда Филиппу удавалось оседлать своего вопящего брата, он бросал застенчивые взгляды на Элси, чтобы удостовериться, что симпатичная служанка смотрит на них.

Соблазненные успокаивающим бризом и хорошим настроением своего хозяина, другие

слуги тоже медленно начали терять свою сдержанность. Когда настала очередь стать водящим Вилли, гибкому шотландцу — егерю, это кончилось тем, что он стал гоняться за прачкой Мэг, скрючив пальцы как когти. Визжащая, как школьница, Мэг, приподняв юбки, понеслась от него вниз по склону, ее крепкие ноги мелькали, как спицы в колесе, а заливающийся Сэм наступал ей на пятки. Когда она ловко повернула налево вместо права, Вилли пробежал мимо нее, споткнулся о собственные ботинки и кувыркнулся весь оставшийся путь с холма до самого ручья.

— Раз Вилли не смог поймать Мэг, значит снова очередь хозяина! — закричала Ханна, в предвкушении хлопая в ладоши.

Пока Мэг вытаскивала из устья ручья мокрого и ругающегося егеря, Беквит мягко направил Габриэля к вершине склона. Даже миссис Филпот начала входить во вкус. Не дожидаясь просьб, она сама вызвалась трижды обернуть своего хозяина вокруг своей оси, а затем отскочила из пределов его досягаемости с такой живой грацией, что зазвенели ключи, висящие у нее на талии.

Пока Габриэль ориентировался, остальные слуги неподвижно стояли на залитом солнцем склоне. Никому из них не было позволено сдвинуться даже на дюйм, пока Габриэль не приблизится достаточно, чтобы иметь возможность прикоснуться к ним. И только тогда им было разрешено бежать. Саманта намеренно занимала место на внешнем крае круга в каждую очередь Габриэля водить. Она была настроена не дать ему никакого оправдания, чтобы положить на нее руки.

Габриэль медленно вращался вокруг своей оси, опираясь руками на узкие бедра. Когда ветер взлохматил волосы Саманты, освобождая непослушную прядку из ее прически, она осознала, что сделала ошибку — она встала против ветра, который дул в его сторону. Его ноздри стали раздуваться, а глаза сузились во взгляде, который она слишком хорошо знала.

Он повернулся и пошел прямо на нее, его хозяйские шаги быстро сокращали расстояние между ними. Когда он пронесся без остановки мимо Элси и Ханны, девушки прикрыли рты руками, изо всех сил пытаясь не захихикать.

Ноги Саманты, казалось, приросли к земле. Она не смогла бы убежать, даже если бы Габриэль был зверем, мчащимся к ней с намерением проглотить. Она остро чувствовала на себе пристальные взгляды слуг, по ложбинке между ее грудей потекла струйка пота, а кровь в ее венах, казалось, сгустилась до состояния меда.

Как всегда, Габриэль остановился буквально в шаге от того, чтобы налететь на нее. Когда его рука задела ее рукав, Питер и Филипп застонали оттого, что она не пытается сопротивляться. Бежать было уже слишком поздно. Все, что теперь ему оставалось сделать, это назвать ее имя, и раунд будет выигран.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Имя! Имя! — закричали девушки.

Габриэль поднял руку, прося тишины. Он опознавал слуг просто по запаху дыма или мыла из прачечной. Но он также имел право опознать пойманного через прикосновения.

Когда уголок его рта приподнялся в ленивой полуулыбке, Саманта замерла на месте, не в силах остановить приближение его руки. Все вокруг словно исчезли, оставив их в полном одиночестве.

Ее глаза медленно закрылись, когда пальцы Габриэля прошли по ее волосам и потом играючи ошупали ее лицо. Он мягко провел рукой по ее щекам, обходя очки и прослеживая каждую выпуклость и впадину, словно запоминая их. Несмотря на тепло дня, его

прикосновения вызывали восхитительное ощущение мурашек, танцующих на ее коже. Как его руки могут быть такими грубыми и мужскими, и такими нежными одновременно? Когда кончики его пальцев задели мягкость ее губ, ее страх растаял — и превратился в нечто намного более опасное. Она обнаружила, что хочет наклониться к нему, откинуть голову и принести себя в жертву, просто чтобы доставить ему удовольствие. Она откачнулась, настолько потрясенная своим позорным желанием, что ей потребовалось время, чтобы понять, что он перестал прикасаться к ней.

Она резко открыла глаза. Несмотря на то, что голова Габриэля была опущена, его прерывистое дыхание предупредило ее, что их краткий контакт не оставил его равнодушным.

— Я не полностью уверен, — громко сказал он голосом, достаточно сильным, чтобы его было слышно на другом конце склона, — но, судя по мягкости кожи и тонким духам, я полагаю, что возможно поймал ... — Он сделал паузу, намеренно усиливая ожидание. — Уортона, помощника конюха!

Слуги взорвались хриплым хохотом. Один из грумов хлопнул по плечу что — то бормочущего юного Уортона.

— У вас осталось всего две попытки, милорд, — напомнила ему Милли.

Габриэль постучал по губе указательным пальцем.

— Хорошо, если это не Уортон, — он растягивал слова, его голос смягчился, — тогда это должна быть моя дорогая ... моя исполнительная ... моя преданная ... —

Он прижал руку к сердцу, вызывая новый всплеск хихиканья служанок, и Саманта задержала дыхание, задаваясь только одним вопросом — что он собирается сказать.

— ... мисс Викаршем.

Слуги взорвались оглушительными аплодисментами; Габриэль выбросил руку в направлении Саманты в изящном поклоне.

Она улыбнулась и насмешливо сделала реверанс, пробормотав сквозь стиснутые зубы.

— По крайней мере, вы не опознавали меня как одну из ваших каретных лошадей.

— Не глупите, — прошептал он. — Ваша грива намного более шелковистая.

Сияющий Беквит постучал его по плечу и повесил ему на руку шелковый шарф.

— Повязка на глаза, милорд.

Габриэль повернулся к Саманте, его приподнятая бровь придавала ему дьявольское выражение.

— О, нет, вы этого не сделаете! — Она отступила назад, когда он пошел к ней, угрожающе помахивая повязкой. — С меня достаточно ваших дурацких игр. Всех, — добавила она, зная, что последнее слово не пройдет мимо него.

— Ну же, мисс Викаршем, — упрекнул ее он. — Разве вы не заставляли слепого мужчину гоняться за вами?

— О, правда? — подхватив юбки, Саманта с истерическим смехом взлетела на вершину холма и тут же услышала шаги Габриэля за своей спиной.

* * *

Настроение внутри гроыхающего экипажа маркиза Торнвуда колебалось от мрачного до сурового. Только семнадцатилетняя Гонория смела не скрывать своей надежды и смотрела в окно на пролетающие мимо живые изгороди, пока коляска катилась по широкой дороге к Ферчайлд — Парку.

Обе ее старших сестры практиковались в высокомерии утонченной апатии, столь

присущей молодым особам их возраста, красоты и достоинства. Восемнадцатилетняя Юджиния наслаждалась общением с маленьким зеркальцем, которое она извлекла из атласной сумочки, а девятнадцатилетняя Валери отмечала каждый удар и толчок многострадальными вздохами. Валери стала совершенно невыносима после помолвки с младшим сыном герцога в конце прошлого года. Независимо от того, о чем шел разговор, ей удавалось перед каждым предложением добавлять предисловие «Как только мы с Энтони поженимся...»

Сидевший напротив них отец вытирал покрасневший лоб носовым платком.

Глядя на его побагровевшее лицо, его жена пробормотала:

— Вы совершенно уверены, что это была хорошая идея, Тэдди? Если бы мы предупредили его, что приезжаем...

— Если бы мы предупредили его, что приезжаем, он приказал бы слугам не пускать нас дальше двери. — Поскольку в его привычки не входило говорить с женой так резко, Теодор Ферчайлд смягчил свой упрек, нежно похлопав ее по затянутой в перчатку руке.

— Если бы это решала я, то сочла бы это благом. — Юджиния неохотно оторвала взгляд от своего отражения. — Тогда, по крайней мере, у него не было бы возможности ругаться и рычать на нас, как бешеный волк.

Валери кивнула.

— Когда мы в последний раз его навещали, он вел себя просто по — скотски. Можно было подумать, что он сошел с ума, а не только ослеп. Счастье, что мы с Энтони еще не женаты. Если бы он услышал, как недостойно Габриэль ко мне обращался...

— Вы обе постыдились бы так говорить о своем брате! — Гонория резко оторвала взгляд от окна и впилась в них глазами цвета хереса, сверкающими из — под рифленого края шляпы.

Непривычные к такому строгому выговору от добродушной маленькой сестрички, Валери и Юджиния обменялись потрясенными взглядами.

Когда экипаж проехал через богато украшенные железные ворота и начал подниматься на крутой холм, направляясь к дороге для экипажей, Гонория продолжила.

— Кто вытащил тебя из ледяной воды, Джини, когда ты провалилась под лед в пруду Тиллманов, хотя тебя предупреждали, лед слишком тонкий для того, чтобы кататься на коньках? А кто защищал твою честь, Вэл, когда тот противный мальчишка в празднике у Леди Макбет утверждал, что ты позволила ему себя поцеловать? Габриэль был лучшим старшим братом, которого только могла бы пожелать любая девочка, а вы обе сидите здесь, насмехаясь над ним и оскорбляя его, как две неблагодарные коровы!

Валери выпрямилась и сжала руку Юджинии, ее светло — зеленые глаза сверкнули слезами.

— Это нечестно, Гонория. Мы скучаем по Габриэлю, так же сильно, как и ты. Но та сварливая скотина, которая бранилась и ругалась в последний раз, когда мы приезжали сюда, не была нашим братом. Мы хотим, чтобы к нам вернулся наш Габриэль!

— Хватит, хватит, девочки, — пробормотал их отец. — Не делайте эту трудную ситуацию еще хуже, ссорясь между собой. — Гонория снова уперлась своим угрюмым взглядом в окно, и он выдавил из себя призрачную улыбку. — Возможно, когда ваш брат увидит то, что мы привезли для него, он смягчит свое отношение.

— Но в этом и есть проблема, — выпалила леди Торнвуд. — Согласно вашим драгоценным врачам, он ничего не видит, не так ли? И не увидит не только сейчас, но и

когда — либо. — Ее пухлое лицо сморщилось, по напудренным щекам потекли слезы. Она взяла у мужа предложенный носовой платок и приложила к глазам. — Возможно, Валери и Юджиния правы. Возможно, мы вообще не должны были приезжать. Я просто не знаю, как я смогу смотреть на моего любимого мальчика, запертого в этом темном доме как какое — то животное.

— Мама? — Гонория протерла заляпанное грязью окно экипажа, в ее смягчившемся голосе послышалось удивление.

— Не тревожь маму сейчас, — возмутилась Юджиния. — Разве ты не видишь, что она обезумела от горя?

Валери вытасила из сумочки нюхательную соль и протянула ее матери.

— Вот, мама. Понюхай ее, если почувствуешь, что начинаешься приступ.

Леди Торнвуд отмахнулась от нюхательной соли, ее внимание захватило ошеломленное выражение лица младшей дочери.

— В чем дело, Гонория? Ты выглядишь так, словно увидела призрак.

— Возможно, и увидела. Думаю, тебе лучше самой посмотреть.

Когда Гонория открыла окно, леди Торнвуд перегнулась через колени своего мужа, придавив ему пальцы ног, и присоединилась к дочери. Сгорая от любопытства, Валери и Юджиния замаячили за их спинами.

За окном разворачивалось некое развлечение. Его участники рассеялись по всему травянистому склону, на котором стоял особняк, смех и крики, словно музыка, наполняли воздух. Они были слишком заняты своим весельем, чтобы заметить приближающийся экипаж.

Вытянув шею, чтобы что — то разглядеть через стену из шляп, маркиз застыл с открытым ртом.

— Почему это, спрашивается, слуги тратят время на такую ерунду, когда они, как предполагается, должны работать? Они что, думают, что сегодня Рождество? Я прикажу, чтобы Беквит уволил их всех!

— Сначала тебе придется его поймать, — сказала Валери, когда дворецкий понесся через склон за визжащей миссис Филпот.

Юджиния зажала рот рукой, чтобы приглушить шокированное хихиканье.

— Ты только посмотри на это, Вэл! Кто бы мог подумать, что этот чванливый старый козел так может?

Маркиза повернулась, чтобы упрекнуть дочь за дерзость, но тут ее взгляд упал на мужчину, обходящего веселящихся по округности. Она так сильно побледнела, что казалось, ей действительно может понадобиться нюхательная соль.

Когда мужчина остановился на вершине холма, и его командирская фигура озарилась светом ярко — голубого неба, она прижала руку к сердцу, на какой — то ликующий момент, поверив, что ее сын вернулся к ней. Он стоял там, высокий и прямой, его плечи были расправлены, а золотистые волосы мерцали в солнечном свете.

Но он повернулся, и она увидела рваный шрам, исказивший его прекрасное лицо — мрачное напоминание о том, что Габриэль, которого она знала и любила, ушел навсегда.

* * *

Саманта знала, что не может вечно ускользать от Габриэля. Но она могла убежать от него в веселой погоне, что она и делала, кружась за спинами слуг, которые снова включились вигру. Ему, может, и недоставало зрения, но ходил он с грацией пумы, вот

почему ее так потрясло, когда он споткнулся о кочку и камнем упал на землю.

— Габриэль! — закричала она, не замечая, что зовет его просто по имени.

Подобрав юбки, она помчалась обратно, в его сторону. Она упала на колени в траву около него, предполагая самое худшее. Что, если он раздробил лодыжку? Или ударился головой о камень?

Незваными пришли воспоминания о его окровавленном теле, расprostертом на полу спальни. Она положила его голову к себе на колени и нежно убрала волосы со лба.

— Вы слышите меня, Габриэль? С вами все в порядке?

— Теперь да. — И прежде, чем Саманта смогла отреагировать на его хриловатый приглушенный голос, он обхватил ее за талию и перекатил в траву, сбив с носа ее очки.

Она не ожидала, что он осмелится швырять ее на землю прямо перед своими слугами и Господом Богом, словно он был пастушком, а она молочницей, готовой к соблазнению. Но сделав это, он запутался ногами в ее юбках, и они оба взорвались от смеха.

Следующим, что она осознала, было, что она лежит на спине, а большое теплое тело Габриэля накрывает ее собой. Его хватка стала нежной; смех замолк.

Слишком поздно Саманта поняла, что все остальные замолкли также.

Моргая в скособоченных очках, она посмотрела через плечо Габриэля. Над ними стоял незнакомец — крепкий, бочкообразный мужчина, облаченный в чулки в желто — зеленую полоску и старомодные бриджи до колена. Поблекшее золото его волос было слегка напудрено, мешая определить его возраст. Манжеты из изысканных валансийских лент обрамляли его толстые запястья. Когда он вытянул к ней руку, огромное рубиновое кольцо с печаткой, венчающее его средний палец, вспыхнуло в солнечном свете, как капля свежей крови.

— М — м-милорд, — заикаясь, выговорил Беквит. Его повязка для глаз съехала, закрывая один глаз, что придавало ему вид пухлого и одутловатого пирата. — Мы не получали никаких сообщений. Мы не ожидали вас.

— Это совершенно очевидно, — рявкнул мужчина властным тоном, который Саманта знала слишком хорошо.

Только сейчас она поняла, что она таращится на строгий облик Теодора Ферчайлда, маркиза Торнвуда, отца Габриэля — и ее собственного работодателя.

«Моя дорогая Сесиль,

Могу Вас заверить, что моя семья будет, как и я, обожать Вас...»

** * **

Игнорируя протянутую руку маркиза, Саманта отпихнула от себя Габриэля и стала вставать. Габриэль, не тратя время попусту, поднялся на ноги, его поза была застывшей, а лицо настороженным. Остальные слуги стояли, неуклюже сбившись в кучки и выглядя так, словно предпочли бы сейчас мыть ночные горшки или чистить конюшни.

Поправив очки, Саманта сделала глубокий реверанс.

— Рада познакомиться с вами, милорд. Я Саманта Викершем, медсестра вашего сына.

— Мне совершенно очевидно, почему со времени нашего последнего визита, у него наступило такое заметное улучшение. — Несмотря на грубый голос, она могла бы поклясться, что видит искорки смеха в глазах маркиза.

Она представляла, насколько скандальным был ее вид. Юбка помята и вся в пятнах от травяного сока, щеки покраснелись, выбившиеся из прически волосы свисают до половины спины, и вероятно, она больше походит на деревенскую девку, чем на уважаемую женщину, которую можно было бы нанять для ухода за их сыном.

Четыре изящно одетые женщины толпились на склоне за спиной маркиза, каждый их локон под изысканными шляпами, каждый бант, каждая лента и каждый шнурок был накрахмален до совершенства. Саманта почувствовала, как ее губы напряглись. Она слишком хорошо знала такой тип женщин.

Несмотря на то, что они заставляли ее чувствовать себя еще сильнее уличной девчонкой, Саманта гордо подняла голову, не желая позволить им унижить себя. Если бы семья Габриэля не отказалась от своей ответственности за него, не было бы необходимости ее нанимать. А если его отец сейчас уволит ее, то не останется никого, кто бы мог о нем заботиться.

— Возможно, вы найдете мои методы достаточно нетрадиционными, лорд Торнвуд, — сказала она. — Но я считаю, что много солнечного света и свежего воздуха могут улучшить состояние и тела и духа.

— Бог знает, что у меня есть достаточно просторная комната для совершенствования и того и другого, — пробормотал Габриэль.

Когда маркиз повернулся к сыну, его высокомерие, казалось, растаяло. Он не мог заставить себя посмотреть Габриэлю в лицо.

— Здравствуй, парень. Приятно видеть, что ты так хорошо выглядишь.

— Отец, — натянуто произнес Габриэль. — Жаль, что я не могу сказать то же самое.

Одна из женщин сорвалась с места и побежала к ним по траве, шелестя атласными юбками. Несмотря на то, что ее кожа была бледной и нежной, как старинное полотно, возраст забрал у нее то немногое, что оставалось от ее привлекательных округлостей.

Габриэль стоял в напряженной позе, его лицо походило на настороженную маску, когда она поднялась на цыпочки и поцеловала его в здоровую щеку.

— Я очень надеюсь, что ты простишь нас за то, что мы свалились на тебя, как снег на голову. Сегодня такой прекрасный день — просто идеальный для длинной поездки в деревню.

— Не глупи, мама. Как я мог ожидать, что вы не исполните свой христианский долг? Возможно, по пути домой вы сможете сделать остановку у приюта или исправительного заведения, чтобы подбодрить несчастных.

Саманта вздрогнула, но мать Габриэля только вздохнула, словно его едкий прием был тем, чего она ожидала.

— Идите сюда, девочки, — позвала она, и поманила дочерей пальцем, обтянутым перчаткой. — Идите и поздоровайтесь со своим братом, как подобает.

Две гибкие золотоволосые девушки отшатнулись назад, словно боясь, что Габриэль может их покусать, но крепкая маленькая брюнетка побежала к ним и с разбегу обняла его за шею, едва не заставив потерять равновесие.

— О, Гейб, я не могла выдержать вдали от тебя даже еще секунду! Я так скучала по тебе!

Впервые показывая, что немного оттаивает, он неловко похлопал ее по плечу. — Привет, коротышка. Или я должен обращаться к тебе «леди Гонория»? Если ты не на каблуках Валери, я думаю, что ты подросла дюйма на два со своего последнего визита.

— Ты можешь поверить, что меня выставят на всеобщее обозрение через две недели? А я ведь не забыла о твоём обещании, знаешь ли. — Обхватив руку Габриэля, словно опасаясь, что он сейчас сбежит, она с улыбкой повернулась к Саманте. Один из ее передних зубов рос немного неровно, что только добавляло ей прелестного очарования. — С тех самых пор, как я только вылезла из пеленок, мой брат обещал, что станцует со мной первый танец на моем дебютном балу.

— Как галантно с его стороны, — мягко сказала Саманта, заметив, как на мгновение исказилось в болезненной гримасе лицо Габриэля.

Маркиз откашлялся.

— Не узурпируй все внимание своего брата, Гонория. Ты забыла, что у нас есть сюрприз для него?

Гонория неохотно отцепилась от Габриэля и вернулась к сестрам, а отец повернулся и сделал знак одетым в ливреи лакеям, стоящим при внушительного вида экипаже. Те спрыгнули с козел и стали развязывать веревки какой — то большой накрытой холстом вещи, которая была привязана к низу кареты.

Когда двое слуг втащили эту тяжесть на холм, сгибаясь под ее весом, отец Габриэля в предвкушении потер руки. К тому времени, когда лакеи поставили вещь на траву перед Габриэлем, Саманта так же, как и остальные слуги, изнывала от любопытства.

— В ту минуту, когда твоя мать и я увидели ее, мы поняли, что это как раз то, что нужно. Глядя на жену с лучезарной улыбкой, маркиз вышел вперед и величественным жестом сдернул холст.

Саманта сузила глаза, изо всех сил пытаясь рассмотреть незнакомый объект. Когда же ей, наконец, это удалось, она почти пожалела об этом.

— Что это? — услышала она, как Элси шепотом спросила у Филиппа. — Устройство для пыток?

Миссис Филпот перевела взгляд на далекий горизонт, а Беквит придвинулся к ней, усиленно разглядывая носки своих ботинок.

Предупрежденный неуклюжим молчанием слуг, Габриэль рявкнул:

— Ладно, что там за дьявол?

Поскольку никто не ответил, он упал на одно колено и стал ощупывать вещь руками.

Когда его пальцы поиска проследили контуры железного колеса, осознание медленно проступило на его лице.

Он выпрямился, его движения были неестественно скованными.

— Инвалидное кресло. Вы привезли мне инвалидное кресло. — Его голос опустился до такого опасного шепота, что у Саманты волосы на голове зашевелились.

А его отец все еще лучился улыбкой.

— Чертовски умно, не так ли? С ней тебе больше не придется спотыкаться или налетать на вещи. Ты сможешь просто сесть в нее, набросить на колени одеяло и кто — нибудь повезет тебя, куда ты пожелаешь. Например, Беквит или даже эта твоя мисс Викаршем!

Саманта напряглась в ожидании неизбежного взрыва. Но когда Габриэль, наконец, заговорил, его тщательно контролируемый голос был гораздо страшнее, чем любой крик.

— Возможно, ты не заметил, отец, но мои ноги остались совершенно здоровыми. Так что, если ты меня извинишь, я лучше использую их по назначению.

Сделав подобие краткого поклона, он развернулся и пошел прочь в направлении, противоположном дому. Несмотря на то, что он ушел без своей путеводной трости, Саманта не смогла заставить себя последовать за ним или приказать слуге сделать это, дабы не оскорбить его еще сильнее. Даже Сэм не посмел пойти за ним. Маленький колли шлепнулся на траву рядом с Самантой, его угрюмый взгляд провожал Габриэля до тех пор, пока он не скрылся за деревьями.

Как и предупреждал ее Беквит, были дороги, по которым мужчина должен путешествовать в одиночестве.

* * *

Саманта сидела в маленькой комнате для завтрака, где Беквит проводил собеседование, прежде чем взять ее на работу, и слушала, как французские позолоченные часы на каминной доске со шелканьем отмечают минуты ее жизни. Исчезновение Габриэля не оставило ей другого выбора, кроме одного — экспромтом стать хозяйкой дома для его родственников. Она ушла ровно настолько, чтобы привести в порядок волосы и надеть новое платье — нечто мрачное из темно — бордового бомбазина и безо всяких оборок, которые могли бы смягчить строгие линии.

Маркиза опустилась на самый край кресла с подголовником, ее губы были неодобрительно поджаты, а обтянутые перчатками руки лежали на коленях. В то время как маркиз просто плюхнулся в свое, и его пейслевый жилет натянулся на необъятном животе. Валери и Юджиния сидели, прижавшись друг к другу на греческой софе, и выглядели так несчастно, что Саманта почти пожалела их. Гонория взгромоздилась с ногами на оттоманку и сидела там, обнимая колени, выглядя скорее на семь лет, нежели на семнадцать. Громоздкое инвалидное кресло стояло в углу, его зловещая тень была для всех них упреком.

Когда золотистые лучи солнца стали медленно исчезать, тягостную тишину прерывали только случайные вздохи и приглушенное звяканье чайной чашки.

Саманта поднесла свою собственную чашку к губам и не удержалась от гримасы, поняв, что чай давно остыл.

Она опустила чашку и увидела, что мать Габриэля открыто смотрит на нее пристальным взглядом.

— Что же вы за медсестра, мисс Викаршем? Не могу поверить, что вы позволяете ему вот так бродить одному и даже не пошлете слугу, который мог бы о нем позаботиться. Что, если он упал в овраг и сломал себе шею?

Саманта поставила чашку на блюдце, пытаясь притвориться, что эта женщина не озвучивает ее собственные страхи.

— Могу вас заверить, миледи, что нет необходимости беспокоиться. Ваш сын гораздо самостоятельнее, чем вы можете предположить.

— Но прошло уже почти три часа. Почему он не возвращается?

— Потому, что мы еще здесь. — После мрачного заявления мужа маркиза перевела свой взгляд на него. Тот уселся поглубже в кресло.

— Тогда почему мы не можем поехать домой? — сказали Валери и Юджиния практически одновременно.

— О, пожалуйста, папа, — попросила Валери. — Нам так скучно!

Юджиния скатала носовой платок в шарик, ее лицо выражало надежду.

— Вэл права, мама. Если Габриэль не хочет, чтобы мы были здесь, то почему бы нам не принять его желание и не уехать? Здесь остается мисс Викаршем, она позаботится о нем.

— Я не понимаю, зачем ему медсестра, — резко сказала Гонория и быстро кинула на Саманту извиняющийся взгляд. — Вы могли просто оставить здесь меня, и я бы позаботилась о нем!

— А как же твой дебют? — мягко напомнил ей отец. — Твой первый бал?

Гонория склонила голову, позволив мягким темным локонам, словно вуалью, закрыть ее задумчивый профиль. Она могла бы быть более преданной брату, чем сестры, но ей было всего лишь семнадцать.

— Габриэль нуждается во мне больше, чем я нуждаюсь в этом дурацком балу.

— Я не сомневаюсь, что вы отлично заботились бы о брате, — сказала Саманта, тщательно выбирая слова, — но я уверена, что ему было бы гораздо приятнее знать, что вы дебютировали и получили шанс найти мужа, который будет обожать вас так же сильно, как и он.

Гонория благодарно посмотрела на нее, а мать Габриэля поднялась и шагнула к французскому окну, которое оставили наполовину открытым, чтобы освежить душную комнату.

Она встала там, пристально глядя в темнеющий полумрак, тень легла на ее глаза.

— Я не знаю, как он может выносить жить такой жизнью. Иногда я думаю, что было бы милосерднее, если бы он просто...

— Кларисса! — рявкнул маркиз, садясь в кресло и с силой опуская трость на пол.

Леди Торнвуд резко обернулась, в ее голосе ясно прозвучала истеричная нотка.

— О, почему бы просто не сказать это вслух, Теодор? Каждый из нас думает об этом, когда смотрит на него.

Саманта поднялась на ноги.

— Думает о чем?

Мать Габриэля повернулась к ней, ее лицо приобрело жесткое выражение.

— Что было бы милосерднее, если бы мой сын умер на палубе того судна. Было бы милосерднее, если бы его жизнь закончилась легко и быстро. Тогда он не должен был бы проходить через все эти страдания. Он не должен был бы жить вот так — жалкой полужизнью, словно он человек только наполовину!

— И как удобно это было бы для вас! — горькая улыбка коснулась губ Саманты. — В конце концов, ваш сын умер бы героем. Вместо того чтобы вынужденно противостоять грубому незнакомцу в такой прекрасный весенний день, вы могли бы ездить сюда и класть

цветы в его склеп. Вы могли красиво рыдать, оплакивая его трагическую потерю, и закончить с трауром как раз как раз к первому балу сезона. Скажите мне, леди Торнвуд — вы хотите покончить со страданиями Габриэля? Или со своими собственными?

Маркиза побледнела так, словно Саманта дала ей пощечину.

— Как вы смеете так говорить со мной, вы, самонадеянное создание!

Но Саманта не поддалась на попытку ее запугать.

— Вы едва можете взглянуть ему в лицо, не так ли? Поскольку теперь он больше не золотой мальчик, которого вы обожали. Он больше не может играть роль прекрасного сына, преданного матери. И поэтому вы готовы списать его со счетов. Как вы думаете, почему его сейчас здесь нет? — Она обвела осуждающим взглядом всю комнату и снова вернулась к матери Габриэля. — Потому что он точно знает, что вы все думаете каждый раз, когда вы смотрите на него. Ваш сын, может, и слеп, миледи, но он не глуп.

Саманта стояла с дрожащими руками, сжатыми в кулаки, и медленно осознавала, что Валери и Юджиния смотрят на нее, открыв в ужасе рты. У Гонории задрожали губы, словно она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

На Саманту нахлынул стыд. Но даже сейчас она не могла заставить себя пожалеть о своих словах, только о той потере, которой они будут ей стоить.

Она повернулась к маркизу, гордо подняв голову, чтобы встретить его прямой пристальный взгляд.

— Простите мне мою дерзость, милорд. Я соберу вещи и буду готова уехать завтра утром.

Она пошла к двери, но маркиз поднялся и преградил ей путь, его густые брови образовали прямую линию.

— Задержитесь всего на минуту, девочка. Я вас еще не увольнял.

Саманта склонила голову в ожидании его отповеди, которую она заслужила своей неуважительной тирадой по отношению к его жене.

— И не собираюсь, — сказал он. — Судя по впечатляющему проявлению характера, которому я только что был свидетелем, вы как раз то, в чем нуждается мой тупоголовый сын. — Взяв в руку трость, он быстрым шагом прошел мимо Саманты к двери, оставив ее стоять на месте, онемевшую от шока. — Ну, Кларисса, девочки. Мы едем домой.

Леди Торнвуд задохнулась от негодования.

— Конечно же, вы не можете ждать, что я просто уеду и оставлю здесь Габриэля одного. — Она бросила на Саманту ядовитый взгляд. — С ней.

— Девочки правы. Он не вернется, пока мы будем здесь. — Губы маркиза изогнулись в кривой улыбке, так сильно напомнив Саманте Габриэля, что у нее замерло сердце. — И честно говоря, не могу сказать, что я обвиняю парня. Кто захочет, чтобы над тобой кружила стая стервятников, когда ты борешься за свою жизнь? Давайте, девочки. Если мы поспешим, то сможем добраться до кроватей раньше полуночи.

Валери и Юджиния наперегонки бросились исполнять волю отца, на ходу хватая сумочки, веера, шали и шляпки. Напоследок бросив на Саманту все еще тлеющий ненавистью взгляд, который предупредил девушку, что она не забудет — и не простит — ее дерзость, маркиза пошла мимо нее, неся свою внушительную грудь как нос военного линкора. Гонория нерешительно остановилась в дверном проеме и задумчиво махнула ей на прощание.

Когда колеса экипажа загремели вниз по дороге, Саманта осталась совсем одна,

компанию ей составляло только инвалидное кресло. Она впилась взглядом в ненавистную вещь, ничего так не желая, как голыми руками содрать с него набитое конским волосом сидение.

Вместо этого она зажгла газовую лампу и поставила ее на стол около окна. Несколько минут она стояла там, обеспокоено вглядываясь в тени, прежде чем поняла, что именно сделала. Как будто она могла надеяться, что свет лампы приведет Габриэля домой.

Вероятно, его мать была права. Вероятно, она должна была послать кого — то на его поиски. Но едва ли было честно посылать к нему слуг, чтобы они привели его домой, словно он упрямый ребенок, который сбежал из — за какого — то каприза.

Что, если он не хочет, чтобы его нашли? Что, если он до смерти устал оттого, что все пытаются получить от него исполнения своих ожиданий? Его родственники ясно выразили, что хотят вернуть только своего Габриэля — мужчину, который шагал по жизни с непоколебимой уверенностью, без усилий завоевывая сердца всех, с кем сталкивался.

Несмотря на страстные обвинения, которые она высказывала его родным, разве она сама лучше? Она приехала сюда, полагая, что хочет ему только помочь. Но она начинала сомневаться в своих мотивах, задаваясь вопросом, не скрывает ли ее самоотверженная преданность очень эгоистичное сердце.

Саманта посмотрела на пламя лампы. Ее мерцающий свет не сможет привести Габриэль домой.

Но она сможет.

Взяв лампу, она выскользнула в ночь через французское окно.

* * *

Саманта направилась к лесу, так как именно там скрылся Габриэль. Лампа, которая казалась такой яркой в доме, сейчас освещала окружающее пространство настолько тусклым светом, что его едва хватало на отбрасывание теней. Когда она вошла в лес, то лампа стала светить еще слабее из — за бархатной черноты безлунного вечернего неба и путаницы ветвей над ее головой. Она не представляла, каково жить в такой тьме день и ночь.

Навес из ветвей стал гуще, совершенно скрыв собой узкие просветы неба, и Саманта замедлила шаги. Сумерки преобразили Ферчайлд — Парк из искусно созданного ландшафта в затерянную дикую местность, чреватую опасностями и ужасами. Она прошла по стволу упавшего дерева, чувствуя себя очень неуютно из — за таинственного шелеста и жутких звуков, издаваемых невидимыми ночными созданиями. Она затосковала по большому и сильному телу Габриэля, в разных смыслах этого слова.

— Габриэль? — негромко позвала она, не желая, чтобы слуги в доме услышали ее.

Единственным ответом был возобновившийся шелест в подлеске, доносящийся откуда — то из — за ее спины. Саманта остановилась. Шелест прекратился. Она сделала пробный шаг, потом другой. Шелест возобновился. Надеясь и молясь, что его издавали ее собственные накрахмаленные юбки, она придержала их и сделала еще один шаг. Шелест стал громче. Она снова остановилась, ее пальцы стиснули скользкие когти на ручке лампы. Шелест прекратился, но вместо него послышалось звериное пыхтение, Саманта могла поклясться, что почти ощущает на своей шее горячее дыхание невидимого хищника.

В одном сомнений не было.

Кто — то ... или что — то ... следовало за ней.

Собрав всю свою храбрость, она повернулась вокруг своей оси и посветила перед собой.

— А ну покажись мне!

Пара влажных коричневых глаз проявилась из тени, за ними последовало гибкое тело и виляющий хвост.

— Сэм! — выдохнула Саманта, падая на колени. — Как тебе не стыдно, нехороший песик! — Несмотря на этот упрек, она сгребла собаку в руки и стала укачивать, прижимая к оглушительно бьющемуся сердцу. — Я не должна ругаться, не так ли? Она выпрямилась, поглаживая его шелковистые уши. — Думаю, ты просто тоже хочешь его найти.

Углубляясь все дальше в лес и выкрикивая имя Габриэля все чаще, она сжимала в руках маленького колли, не желая отказываться от его успокоительного тепла. Она шла довольно долгое время, прежде чем поняла, что не сможет вернуться домой той же дорогой, она просто не найдет ее. Она уже начала думать, что Габриэлю, вероятно, придется посылать слуг на ее поиски, когда в темноте стало вырисовываться какое — то большое строение. Наполовину деревянное, наполовину каменное, оно казалось чем — то типа амбара или конюшни, давно заброшенным и позабытым.

Вероятно, это место Габриэль знал еще с тех времен, когда мальчишкой бродил по этим лесам. Место, где он мог бы искать убежище, если бы случайно набрел на него.

Сжимая в руках лампу и собаку, Саманта толкнула дверь, висящую на одной петле, и вздрогнула от пронзительного скрипа.

Она подняла лампу и осветила бледным кругом света древние дубовые балки, развалившиеся копны сена, сгнившие уздечки и ржавые удила, висящие на потрескавшихся деревянных кольшках.

Не желая больше сдерживать его извивающиеся движения, Саманта поставила Сэма на землю, чтобы он мог обегать и обнюхать все, что было в поле их зрения. За исключением шепуршащихся в сене мышей, они, казалось, были здесь единственными живыми существами.

— Габриэль? — позвала он, с неохотой нарушая неестественную тишину. — Вы здесь?

Она пошла в полумрак. Примерно в центре конюшни находилась старая деревянная лестница, верхний край которой исчезал во тьме.

Саманта вздохнула. У нее не было никакого желания рисковать своей шеей, обследуя сгнивший чердак, но было бессмысленно забраться так далеко и не проверить все возможности. Возможно, Габриэля здесь и нет, но она может обнаружить признаки его недавнего присутствия.

Подобрав и перекинув свои длинные юбки через одну руку и утвердив в другой лампу, она начала длинный и неуклюжий подъем по лестнице. Тени угрожающе танцевали перед ней, убегая от мерцающего света лампы. Наконец достигнув вершины и прочно встав на пыльные доски, она издала вздох облегчения.

Чердак оказался таким же заброшенным, что и остальная часть конюшни. Не было никаких признаков того, что хоть кто — нибудь находил на нем убежище за последние двадцать лет. Через открытое чердачное окно был виден квадрат вечернего неба, безлунный, но не полностью лишенный света. Похожие на молочные брызги звезды виднелись на его чернильном навесе.

Сузив глаза, Саманта повернулась, чтобы разглядеть темное пространство под потолочными балками. Это ее воображение, или она видела намек на движение? Что, если Габриэль все же нашел здесь убежище? Что, если он каким — то образом поранился и не может ответить на ее зов? Она шагнула в глубину чердака, вздрогнув, когда толстая завеса паутины задела ее голову.

— Есть здесь кто — нибудь? — прошептала она и осветила лампой пространство перед собой.

Темнота взорвались резким движением. Саманта отступила назад, окруженная безумными звуками махающих кожистых крыльев и пронзительного писка. Когда перепуганные летучие мыши оставили свой насест и устремились к открытой двери чердака, она инстинктивно вскинула руки, чтобы защитить волосы и глаза от бьющих по ней крыльев.

Лампа отлетела от ее руки и, проехавшись по краю чердака, приземлилась внизу на земляном полу взрывом стекла. Последние летучие мыши исчезли в ночи. Подгоняемая встревоженным лаем Сэма и сильным зловонием тлеющего лампового масла, Саманта ринулась к лестнице, думая только о том, что надо погасить пламя, прежде чем оно подожжет сено и захватит всю конюшню.

Она прошла уже треть пути, когда ее нога опустилась прямо в гнилую дыру на ступеньке, нарушив ее равновесие и пробив дерево. Казалось, она целую вечность опасно раскачивалась, балансируя между отчаянием и надеждой, но потом все же тяжело упала, встречая спиной пустое пространство.

Она услышала, как ее голова со слабым стуком ударилась об пол, услышала хнычущего Сэма, который облизывал ее щеку и толкал в ухо своим холодным, влажным носом, услышала голодный треск, с которым огонь начал лизать сено.

— Габриэль? — прошептала она, на какой — то момент увидев его стоящим над ней и улыбающимся в солнечном свете, прежде чем ее собственный мир растворился в темноте.

«Моя дорогая Сесиль,

Вы называете меня настойчивым и убедительным, но все равно сопротивляетесь моим чарам на каждом шагу...»

** * **

Габриэль сидел в дверном проеме фолли^[7] и слушал, как, стекая по камням, журчит вода в ручье. Здание без крыши было сконструировано так, что напоминало разрушенную башенку древнего замка. В детстве он провел здесь много волнующих часов, размахивая деревянным мечом, чтобы спасти фолли от нашествия орды варваров, которые имели определенное сходство с его младшими сестренками.

Он сидел на каменной скамье, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. Вечерний бриз ерошил его волосы. Они наполовину выбились из ленты, словно вуалью закрывая его рваный шрам. На нем так же были заметны и другие признаки несчастий этого дня. Его ботинки были сбиты, а рукав рубашки порван колючками ежевиками. На тыльной стороне ладони красовалась свежая царапина, а на колене болезненный ушиб.

Но самая глубокая рана, которую он получил, была в его сердце — он подслушал обмен репликами между своей матерью и Самантой.

После бесцельного блуждания по лесу в течение нескольких часов с веткой в руке в качестве подобия трости, ему, наконец, удалось найти дорогу домой. Желая пройти внутрь незамеченным, он стал обходить дом, ощупывая руками стены, пока не нашел открытое окно. Но его планы нарушились, когда через это самое окно до него донесся голос матери.

— Что было бы милосерднее, если бы мой сын умер на палубе того судна. Было бы милосерднее, если бы его жизнь закончилась легко и быстро. Тогда он не должен был бы проходить через все эти страдания. Он не должен был бы вот так жить — жалкой полужизнью, словно он человек только наполовину!

Габриэль тяжело оперся о стену и покачал головой. Слова его матери не могли ранить его. Они только подтвердили то, что он давно подозревал.

— И как удобно это было бы для вас!

Он уже отвернулся от окна, когда прозвучал звенящий голос Саманты и заставил его замереть на месте. Он поднял голову, замороженный яростью и страстью ее слов. Он отдал бы практически все, что угодно, чтобы увидеть лицо своей матери в тот момент. Он сомневался, что до этого момента кто — либо смел разговаривать с Клариссой Ферчайлд, маркизой Торнвуд, с такой откровенной дерзостью.

— Потому что он точно знает, что вы все думаете каждый раз, когда вы смотрите на него. Ваш сын, может, и слеп, миледи, но он не глуп.

Когда Саманта закончила, он едва удержался, чтобы не войти в комнату и с бурными овациями не закричать «Браво!»

— Это моя девочка, — прошептал он, осознав со следующим вздохом, насколько эти слова отражают правду.

Это был удар, от которого его сердце чуть не остановилось. Удар, который заставил его, шатаясь, уйти подальше от дома в поисках убежища в прохладном уединении фолли.

Габриэль повернул лицо к небу, которое он не мог видеть, веселое бормотание ручья раздражало его. Казалось, он провел большую часть своей юности, поклоняясь алтарю

красоты, чтобы только влюбиться в женщину, которую он никогда не видел.

Его даже не волнует, как выглядит Саманта, в шоке осознал он. Ее красота не была связана с гладкой, как сливки кожей, щеками с ямочками или длинными густыми волосами цвета теплого меда. Она могла быть уродливой как тролль, но она все равно была для него неотразима. Ее красота шла изнутри — от ее ума, ее страсти, ее упрямой настойчивости в том, чтобы сделать его лучше, чем он когда — либо думал, что может быть.

Он больше не хотел соглашаться на что — либо меньшее. Даже его возлюбленная Сесиль оказалась ничем иным, как красивым сном, который растаял в резком свете рассвета. Может, он и не мог видеть ее, но знал, что Саманта оказывается в его сердце всякий раз, когда он находится рядом с ней.

Габриэль пошарил вокруг в поисках своей импровизированной трости. Он мог бы вернуться домой и сделать ей выговор. Саманта, без сомнения, посчитала бы, что его подслушивание — показатель очень плохих манер. Но, возможно, ее нрав смягчился бы, если он признается, что обожает ее больше жизни. Он поднялся на ноги, его губ коснулась ухмылка. Жаль, что он не увидит лицо матери, когда сообщит ей о своем намерении жениться на медсестре.

Габриэль был уже на полпути к дому, когда услышал знакомый лай, идущий из леса.

— Что за дьявол? — вырвалось у него, а потом нечто маленькое и упругое с разбегу налетело на его ноги и едва не уронило.

Но даже неуклюжий энтузиазм Сэма не мог испортить хорошее настроение Габриэля.

— Когда — нибудь ты меня просто убьешь, — упрекнул он пса, с помощью ветки восстанавливая равновесие.

Он продолжил путь к дому, слыша, как собака носится вокруг него, отчаянно лая и делая каждый его шаг потенциально опасным.

— Что ты пытаешься сделать, Сэм? Разбудить покоящихся на кладбище?

Вместо ответа собака вцепилась зубами в кончик ветки и чуть не вырвала ее из руки Габриэля. Тот попытался освободить свою — трость, но собака не сдавалась. Пес крепко сжимал палку зубами, так что они глубоко погрузились в дерево, и издавал глухое горловое рычание.

Сердито выругавшись, Габриэль опустился на колени в мокрую от росы траву. Но вместо того, чтобы прыгнуть в руки хозяина, как тот ожидал, колли вцепился зубами в уже порванный рукав Габриэля и потащил его, чередуя рычание и скулеж.

— Ради Бога, в чем дело? — Габриэль попытался обхватить собаку руками, но Сэм не дался, трясаясь и брыкаясь, словно был диким зверем.

Габриэль нахмурился. Маленький колли терпеть не мог оказываться на улице после наступления темноты. К этому времени он обычно уже сворачивался клубочком на подушке Габриэля и довольно храпел. Почему он внезапно решил пойти в лес в полном одиночестве, да еще ночью? Какие у него могли быть причины?

Тихий и вкрадчивый внутренний голос Габриэля замкнул кольцо рассуждений и привел его к несомненной истине. Сэм мог оказаться ночью в лесу, только если бы сопровождал кого — то. Кого — то, кто мог пойти на поиски Габриэля. Например, Саманту.

Игнорируя то, что пес неистово брыкается в его руках, Габриэль принюхался к собачьему меху. Достаточно сильный и безошибочный аромат лимонной вербены ощущался в его шелковистой шкуре. Но бодрящую свежесть аромата почти поглотил другой, горьковатый и мрачный.

Это был запах дыма.

Габриэль резко встал, пригнувшись к воздуху. Кто — нибудь другой, возможно, отнес бы намек на запах пепла к дыму, струящемуся по дымоходу. Но легкие Габриэля этот запах заполнил темной пеленой страха.

Собака выскользнула от его рук. Отчаянно таявкая, Сэм промчался на несколько футов в лес, затем бросился назад под ноги Габриэля, словно прося следовать за ним.

Габриэль стоял, разрываясь между домом и лесом. Ему нужна была подмога, но он нужен был Саманте, и он даже не мог оценить, сколько времени потерял, пытаясь понять сигналы собаки.

В конце концов, он повернулся, как он надеялся, в направлении дома и проревел во всю мощь своих легких:

— Пожар! Пожар! — Он мог поклясться, что слышит звук открывающейся двери и испуганный женский голос, но у него не было времени задерживаться и проверить.

— Веди меня к ней, Сэм! Веди! — скомандовал он, следуя за неистовым собачьим лаем.

Не нуждаясь в дальнейших поощрениях, Сэм рванулся в лес. Габриэль шел за ним, круша все на своем пути и размахивая веткой — тростью как мечом.

* * *

Не обращая внимания на колючую ежевику и жалящие удары веток в лицо, Габриэль ломился через лес так, словно был диким зверем. Он не раз падал, спотыкаясь о гнилые стволы упавших деревьев и торчащие из земли корни. Но тут же вставал и продолжал идти, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы прислушаться к звенящему лаю Сэма.

Если он слишком отставал, то собака возвращалась к нему, словно желая удостовериться, что он все еще идет за ней. С каждым шагом Габриэля запах дыма становился все сильнее.

После изнуряющего рывка через подлесок он вдруг вышел на открытое место и остановился. Он поднял голову, прислушиваясь, но до него донеслись только мирные звуки ночного леса. Борясь с паникой, он сосредоточился сильнее и, наконец, поймал лай Сэма — отдаленный, но все — таки слышимый. Габриэль пошел в его направлении, одержимый желанием найти Саманту, прежде чем собаке придется снова возвращаться к нему.

Дым теперь был уже не запахом, а осязаемой пеленой, плотной и удушливой. Габриэль мчался через нее вслепую, когда его ветка ударила во что — то неподвижное и развалилась надвое. Он отбросил ее в сторону. Отодрав занавес из переплетений плюща, он провел ладонью по грубо — высеченной поверхности. Каменная стена была настолько горячей, что он отдернул руку.

Он, должно быть, добрался до старой конюшни на самом краю поместья Ферчайлдов. Ее строения были заброшены еще до того, как он родился.

— Саманта! — кричал он, обезумев от собственного открытия.

Сэм же просто заливался лаем и был близок к истерике. Габриэль пошел на звук открывающейся двери. Пес влетел внутрь конюшен, и Габриэль понял, что у него нет иного выбора, кроме как пойти следом. Он не мог позволить себе ждать, пока его слуги найдут их. Он был единственной надеждой Саманты.

Глубоко вздохнув, он ринулся за собакой. Он услышал потрескивание пламени, лижущего старинные балки у него над головой. Клубы дыма глубоко проникли в его легкие, стремясь вытеснить из них весь воздух.

— Саманта! — хрипло кричал он, молясь, чтобы она смогла его услышать.

Он сделал всего несколько шагов, когда услышал громкий треск. И прежде, чем он мог вскинуть руку в защите, что — то тяжелое сильно ударило его по виску.

Габриэль начал падать внутрь конюшни, но, коснувшись земли, он вдруг вернулся на качающуюся палубу — Виктории, над его головой засвистела шрапнель, и резкое зловоние стреляющего орудия обожгло его ноздри. Кровь текла по его лицу, затекая в глаза и рот, а когда он поднял гудящую от боли голову, то увидел, словно в замедленном повторе, Нельсона, падающего на палубу с недоуменным выражением лица.

Руки Габриэля сжались в кулаки. Нельсон погиб на его глазах. Саманта не должна.

Собрав последние силы, он поднялся на ноги и поднял руку, защищая лицо от горящих угольков, дождем льющихся с чердака. Лай Сэма превратился в тонкое хныканье, устрашающе казавшееся человеческим.

Частично ныряя в дым, словно в воду, наполовину пробираясь ползком, Габриэль стал с трудом продвигаться на звук. Что — то хрустнуло под его ботинком. Когда он потянулся вниз и нащупал раздавленную оправу очков Саманты, у него чуть не остановилось сердце.

Но потом его руки сомкнулись на чем — то теплом и мягком. Он подтянул безвольное тело Саманты к себе, и его руки задрожали от облегчения, когда он почувствовал на своем лице ее слабое дыхание.

— Держись, ангел, — прошептал он, с силой прижимаясь губами к ее лбу в жарком поцелуе. — Просто держись за меня, и все будет в порядке.

Взяв ее на руки, как ребенка, он рванулся туда, откуда пришел, надеясь, что Сэм последует за ним. В тот момент, когда он, спотыкаясь, выбрался наружу, за его спиной с адским ревом рухнула конюшня, и жаркая волна взрыва чуть не сбила Габриэля с ног.

Он не замедлял свои размашистые шаги, пока они достаточно не удалились от удушающего облака из дыма и пепла. Саманта вдохнула свежего вечернего воздуха и начала кашлять — хриплый, агонизирующий звук рвался из глубины ее груди. Упав на колени на покрывало из мокрых листьев, Габриэль стал укачивать ее. Ее щека у него под рукой была теплой, но он не знал, какого она цвета. Чуть не умирая от каждого ее мучительного вздоха, он ждал, пока болезненные судороги кашля пройдут.

Что — то влажное и холодное толкнулось в его руку. Пошарив, рука Габриэля зарылась в мех Сэма. Он мягко погладил колли, пытаясь успокоить сильную дрожь, которая сотрясала собачье тело.

— Ты самый лучший пес на свете, Сэм, — сказал он, хотя его зубы тоже стучали от шока. — Как только мы вернемся домой, я отдам тебе все мои оставшиеся сапоги. Черт, я даже куплю тебе твою собственную пару, если захочешь.

* * *

Когда Саманта медленно открыла глаза, то увидела Габриэля, нависающего над собой, его лицо было напряженно от волнения. Даже со шрамом на щеке и весь измазанный сажей, он был самым красивым зрелищем, которое она когда — либо видела.

— Я видела вас, — хрипло выдавила она, нежно стирая пятно сажи с его щеки. — Светило солнце, и вы улыбались мне, как раз перед тем, как все вокруг потемнело.

Он попытался улыбнуться, но потом другая эмоция искривила его рот. Он спрятал лицо у нее в волосах, обнимая так, словно больше никогда не отпустит. Саманта тихо застонала от ощущения правильности того, что она снова в его руках.

— Вам больно? — Он опустил ее к себе на колени и быстро провел руками по ее рукам и ногам. — Вы сломали себе что —нибудь? Обожглись?

— Не думаю. — Она покачала головой и вздрогнула от сильной боли, прострелившей шею. — Но у меня болит голова.

— У меня тоже, — признался он грустным смешком.

Саманта впервые заметила у него на левом виске глубокую кровоточащую рану.

— Ох! — выдохнула она, ее глаза наполнились горячими слезами, когда она поняла, как близко была к тому, чтобы потерять его. — Я искала вас. Меня испугали летучие мыши. Я уронила лампу. Это я виновата.

Его глаза сверкнули на нее из неровных теней.

— Думаю, нам придется удержать из вашего жалования стоимость конюшни, не так ли? Вам, вероятно, потребуются несколько лет работы, чтобы выплатить мне долг.

— Как вы нашли меня? — спросила она, ее дыхание и слова стали более свободными.

— Мне немного помогли.

Следуя за его кивком, Саманта подняла голову и всего в нескольких футах от себя обнаружила Сэма, который лежал, свернувшись клубочком в куче листьев, и все еще нервно принюхивался. Его шерсть была вся в саже, а в нескольких местах даже опалена до черноты.

— Вы говорили мне, что однажды он может стать спасителем для меня, — сказал Габриэль. — Вы были правы.

— Он мог стать для вас убийцей! — Саманта сжала руку в кулак и слабо ткнула его в плечо. — Никто не говорил вам, что слепые не должны врывать в горящие здания?

— Предполагаю, что вы сейчас отругаете меня за то, что я был таким идиотом.

Она отчаянно замотала головой, игнорируя вновь прострелившую ее боль.

— Не идиотом. Героем. — Она погладила его щеку, провела по рваному шраму на ней, и слезы полились из ее глаз. — Моим героем.

С трудом переглотив, он перехватил ее руку и поднес к губам кончики пальцев.

— Ах нет, это вы — героиня, моя дорогая. Даже с наполовину таким свирепым капитаном, как вы, Нельсон мог бы гнать Наполеона назад до самого Парижа.

— Зачем вы говорите такие глупости? Я потерпела поражение от гнилой лестницы и насеста летучих мышей.

— Я имел в виду гораздо более грозного соперника. Мою мать.

Саманта моргнула, медленно осознавая его слова.

— Вы слышали?

— Каждое изумительное слово. Это было все, что я мог сделать, не вызывая вас на бис.

Нечто особенное в выражении лица Габриэля заставило Саманту затаить дыхание. Она видела его насмехающимся, саркастичным, раздраженным и удивленным за время своей работы, но она никогда не видела таким... решительным.

— Прятаться за окнами и подслушивать очень невоспитанно, знаете ли, — сообщила она. — Даже если вы являетесь слепым.

Он покачал головой.

— Я знал, что я не смогу вечно избегать головной боли. Я когда —нибудь говорил, как сильно восхищаюсь вами, мисс Викаршем?

Она издала нервный смешок.

— Должна признаться, нет. И в этом нет необходимости. Я совершенно довольна своим собственным отношением к себе. У меня нет потребности или желания, чтобы мной восхищались.

Его рука прошла по ее волосам.

— А как насчет обожания? Вы хотели бы, чтобы вас обожали?

Ее сердце застучало в груди, подобно грому. Вероятно, она сказала слишком рано. И, вероятно, уже получила смертельную рану в сердце.

— Определенно, нет! Только глупые девчонки, чьи пустые головы заполнены романтическими бреднями, тоскуют по такому вниманию.

— А по чему тоскуете вы... Саманта? — И прежде, чем она смогла упрекнуть его за то, что он назвал ее по имени, его теплая ладонь легла на изгиб ее щеки. — Нет ли чего — то такого, что вы хотите так сильно, что вам становится больно? — Его большой палец задел ее пухлые губы, губы, которые до боли хотели его поцелуя.

— Вы, — беспомощно прошептала она, обнимая его рукой за шею и опуская его рот к своему.

Несмотря на привкус сажи и слез, это был самый сладкий поцелуй, который когда — либо знала Саманта. Габриэль перестал сдерживаться. Он обнял ее, его язык захватил ее рот, зажигая еще более ненасытный огонь, чем тот, которого они только что избежали. Ради того, чтобы почувствовать на вкус его пламя, Саманта охотно рискнула бы даже стореть дотла.

Он положил ее на постель из листьев и отстранился, словно тень из сна. Она закрыла глаза, слишком желая, чтобы он присоединился к ней в темноте.

Оторвавшись от ее рта, он поцеловал ее и провел носом по чувствительной коже горла, глубоко вдыхая ее запах, как будто она пахла самыми сильнодействующими духами в мире, а не дымом и лимоном.

— Не могу поверить, что я едва не потерял вас, — хрипло произнес он, касаясь губами пульсирующей жилки на ее горле.

Она вцепилась в его широкие плечи, отдаваясь волнам восхитительного океана ощущений.

— Я думаю, что Беквит должен нанять вам другую медсестру. Вероятно, он даже смог бы убедить вдову Хоукинс вернуться и ухаживать за вами.

Она почувствовала, как Габриэль вздрогнул, но не знала, от смеха или ужаса.

— Прикуси язык, женщина. — Он поднял голову, в его глазах сверкнули дьявольские искорки. — Или лучше, позвольте мне сделать это.

Когда его рот снова склонился к ней, Саманта смело разрешила ему делать все, что он хочет. Он брал с ее губ сладострастные поцелуи один за другим, пока она не потеряла дыхание от желания, а его собственное дыхание не стало тяжелым и частым. Она едва понимала, что его бедра стали двигаться в танце гораздо более провокационном, чем тот, что у них был в бальном зале.

Но она не могла не обращать внимания на волны удовольствия, которые стали проходить по нижней части ее тела. Она попыталась втянуть ртом воздух, не разрывая поцелуя, когда он потерялся ноющей выпуклостью между ее ног. Было шокирующим и волнующим ощущением, наконец, ощутить ту часть его тела, которая ранее так четко вырисовывалась из — под его бриджей, и точно знать, что он собирается с ней делать.

Ее колени раздвинулись под юбкой. Его рука накрыла ее там, стремясь прикоснуться через толстые слои шерсти и льна.

Саманта стонала и извивалась под его грубоватыми ласками, ошеломленная тем, какой стала бесстыдной, и как она словно горит в огне, когда его нежные пальцы касаются ее обнаженной плоти. Когда он убрал руку, ей захотелось плакать от разочарования. Но потом она почувствовала, как что — то скользнуло ей под юбку. Его пальцы заскользили по ее

шерстяным чулкам, прошли мимо подвязки и направились к шелковистой поверхности внутренней части ее бедра с такой нежной настойчивостью, что она не могла сопротивляться.

Ощувив, что кончики его пальцев коснулись завитков у нее между ног, Саманта спрятала лицо у него на груди, захваченная внезапным и невыносимым смущением.

Его прикосновение больше не было грубоватым, оно было изыскано нежным. Его пальцы касались ее возбужденной плоти, словно языки пламени, растворяя ее опасения и страхи в горячем приливе нектара.

Габриэль застонал.

— Я знал, что если бы смог забраться под ваши скромнейшие юбки, то смог бы доказать, что вы не сделаны из льда. Тайте, мой ангел, — прошептал он, дразня ее ухо языком и глубоко погружая длинный палец в ее медовую мякоть.

Она застонала, ее тело беспомощно сжалось, обхватывая его исследующий и распутный палец, который она не могла остановить. Она всегда знала, что у него репутация искусного любовника, но не думала, что он может знать ее тело лучше ее самой и окажется способен сфокусироваться на ее удовольствии, при этом исключая свое собственное.

Цену его выдержки выдавало его прерывистое дыхание и затвердевшая плоть, упирающаяся ей в бедро.

Он добавил к своему пальцу еще один, мягко заставляя ее лоно растягиваться и одновременно проводя туда — сюда подушечкой большого пальца по затвердевшему комочку плоти в соцветии ее влажных завитков, приводя его к восхитительному пульсирующему ощущению.

Его ловкие пальцы продолжали доставлять ей к удовольствию, пока она не стала корчиться и поскуливать уже почти без связи с желанием, которым она раньше не подозревала, что обладает. Темная волна блаженства поднялась в ее сознании. И когда она обрушилась, посылая через ее тело бесконечный поток первобытного экстаза, он крепко поцеловал ее, перехватывая ртом ее прерывистый вскрик.

Его поцелуй медленно слабел, словно стараясь смягчить восхитительные толчки, сотрясающие ее тело.

— Мне так жаль! — выдохнула она, когда, наконец, обрела способность говорить.

Габриэль нежно убрал с ее лба мокрую от пота прядку волос.

— Жаль что?

— Я не хотела быть такой эгоисткой.

Он захихикал.

— Не будьте смешной. Я наслаждался этим почти так же, как и вы.

— Правда?

Он кивнул.

Ободренная его признанием, Саманта опустила руку между ними и погладила по всей длине неопавшее доказательство его желания через замасленную замшу его бриджей.

— Тогда вы, вероятно, насладитесь этим еще сильнее.

Габриэль со свистом втянул воздух.

— Уверен, что так и было бы, — сказал он, с трудом выдавливая слова сквозь сжатые зубы, — но боюсь, мне придется подождать.

— Почему?

Он запечатлел нежный поцелуй на ее недовольно надутых губах.

— Потому, что у нас сейчас будут незваные гости.

Все еще наполовину одурманенная полученным удовольствием, Саманта села в его руках, но услышала только звуки чего — то большого и неуклюжего, с грохотом продирающегося через подлесок.

Габриэлю удалось одернуть ее юбку как раз к тому времени, когда из леса вылетел Беквит, за ним тут же появились Питер и Филипп.

— Слава Богу, с вами все в порядке, милорд! — воскликнул дворецкий, махнув фонарем по направлению к ним обоим. — Когда мы увидели, что конюшни обрушились, то испугались самого худшего.

— Святой Христос, Беквит! — Габриэль вскинул руку, заслоняясь. — Почему бы вам не убрать этот проклятый свет от моих глаз? Вы слепите меня!

Ошеломляющая тишина осознания упала, как только все, включая Габриэля, осознали, что именно он только что сказал.

«Моя дорогая Сесиль,

Раз Вы не позволяете мне соблазнять Вас, то Вы не оставляете меня выбора...»

** * **

— Она обязательно должна здесь находиться? — спросила маркиза Торнвуд, бросив на Саманту испепеляющий взгляд.

Саманта ничего так сильно не хотела, как сбежать из забитой людьми студии. Для нее было пыткой со спокойным выражением лица сидеть на краешке стула с прямой спинкой, когда ее сердце просто разрывалось между надеждой и отчаянием.

Но прежде чем она успела встать и пробормотать извинения, Габриэль твердо сказал:

— Конечно, обязательно. Она же моя медсестра, знаете ли. — Несмотря на то, что он не мог повернуть к ней голову, теплые нотки в его голосе заверяли, что она значит для него намного больше.

Он сидел за карточным столом, обитым сукном, его голова находилась в железном устройстве, привезенном доктором Ричардом Гилби, единственным врачом, который посмел дать ему крошечную тень надежды на то, что зрение может вернуться. Этот мужчина небольшого роста с добрыми глазами и аккуратно подстриженными бакенбардами ни разу не пожаловался, когда его посреди ночи вытащил из постели маркиз Торнвуд, которого в свою очередь поднял с постели бессвязно бормочущий Беквит. Врач просто собрал свои инструменты, которые больше походили на средневековые орудия пытки, чем на нечто предназначенное для лечения, и приехал в Ферчайлд — Парк вместе с остальными родственниками Габриэля.

Несмотря на то, что солнце встало еще несколько часов тому назад, Юджиния и Валери по — прежнему дремали на противоположных концах парчовой софы. Ясноглазая Гонория маячила за спиной доктора, нетерпеливо изучая каждый предмет, который он вытаскивал из своей сумки. Маркиз ходил взад и вперед перед камином с тростью в руке, а его жена сидела в одном из массивных кресел с подголовником, которые стояли по бокам камина, словно троны, и нервно вертела в руках носовой платочек.

Саманта все еще не была готова встретиться с неодобрительным взглядом этой женщины. Она уже смыла с кожи и волос сажу и переделалась в чистое платье, но ей было ничего не поделать с несмываемой памятью о прикосновениях Габриэля и сокрушительном удовольствии, которое эти прикосновения ей принесли.

— Ага! — рявкнул врач, заставив всех присутствующих подскочить на месте.

Его всезнающие кивки и загадочные «хрумф» уже начинали действовать всем на нервы. Несмотря на то, что он был их главной ставкой, только Габриэль был готов ждать, пока он не закончит свой осмотр, прежде чем начать требовать ответы. Сэм был единственным в комнате, кто совершенно не интересовался необычным времяпровождением. Колли лежал, свернувшись клубочком, на коврик у камина и грыз до блеска начищенный сапог для верховой езды.

Маркиз стукнул по полу тростью, его побагровевшее лицо блестело от пота.

— Что там, доктор? Вы что — то обнаружили?

Проигнорировав его, доктор Гилби повернулся вокруг своей оси и ткнул пальцем в сторону окон.

— Закройте снова занавески. Немедленно.

Беквит и миссис Филпот со всех ног помчались выполнять приказание. Несмотря на то, что остальным слугам было запрещено заходить в комнату, Саманта несколько раз за прошедший час видела, как за окнами промелькнули головы Питера и Филиппа.

Полумрак, который наступил вместе с закрытием портьер, дал ей долгожданную отсрочку. Наконец — то она смогла изучить Габриэля, не пытаясь скрыть в своих глазах желание. Сейчас, когда на ней больше не было защищающей преграды в виде очков, она чувствовала себя так, словно все ее чувства были выставлены на всеобщее обозрение.

Доктор Гилби приложил огромную лупу к передней части железного шлема. Когда он поднял мерцающую пламенем свечу перед лицом Габриэля в шлеме, Гонория поднялась на цыпочки, чтобы заглянуть ему через плечо.

— Что вы сейчас видите? — спросил он Габриэля.

— Движущиеся тени? Очертания? — Габриэль покачал головой, его глаза сузились, поскольку он изо всех сил пытался сосредоточиться. — Честно говоря, не слишком много.

— Превосходно, — заявил доктор, вручая свечу Гонории.

Он снял с масляной лампы, что висела у него на локте, стеклянный абажур, и быстро поднес лампу к лицу Габриэля. Габриэль заметно вздрогнул.

— А теперь?

Габриэль отвернулся, чтобы не смотреть прямо на лампу.

— Огненный шар, настолько яркий, что я едва могу выносить его.

Невозможно было понять, что сулил прерывистый вздох доктора Гилби — счастье или беду. Он отстегнул свое устройство от головы Габриэля, затем повернулся и махнул руками на окна, словно маэстро, который только что закончил дирижировать оркестром.

— Можете открыть занавески.

Когда Беквит и миссис Филпот снова раздвинули тяжелые портьеры, гостиную залил яркий солнечный свет. Саманта устала на свои руки, боясь смотреть на Габриэля.

Маркиз взял дрожащую руку своей жены и крепко ее сжал. Даже Юджиния и Валери вышли из дремы и с надеждой уставились на доктора двумя парами зеленых глаз, так похожих на глаза их брата.

Но именно Габриэль нарушил напряженную тишину.

— Почему такая внезапная перемена, доктор? До этой ночи я даже не мог отличить свет от тьмы.

Заталкивая свое железное устройство обратно в сумку, доктор Гилби покачал головой.

— Возможно, мы так никогда этого и не узнаем. Я подозреваю, что сильный удар по голове сместил сгусток крови, который мог бы рассасываться несколько месяцев, если бы ему вообще это удалось.

Габриэль осторожно потрогал глубокую рану на виске.

— Мне давным — давно надо было приказать дворецкому дать мне по голове какой —нибудь из моих тростей.

Саманте хотелось подойти к нему, обнять и поцеловать его рану, которую он получил из — за нее.

Она не имела права прикоснуться к нему, но она могла задать вопрос, который висел в воздухе невысказанным. Вопрос, который все остальные слишком боялись задать.

— Он будет снова видеть?

Доктор похлопал Габриэля по плечу, его голубые глаза засверкали.

— Может потребоваться несколько дней или недель, прежде чем ты сможешь разобраться что — то, кроме теней и очертаний, сынок, но у меня есть все причины думать, что вы полностью поправитесь.

Саманта прижала руку ко рту, заглушая уже готовый вырваться вскрик.

Гонория издала радостный возглас и бросилась Габриэлю на шею. За ней и остальные родственники окружили его — Юджиния, Валери и мать сжимали его в надушенных объятиях, а отец от всего сердца хлопал по спине. Даже Сэм подпрыгивал, присоединяясь к счастливому столпотворению и дополняя веселые взрывы болтовни и смеха своим пронзительным лаем.

Саманта оглянулась и увидела госпожу Филпот в объятиях Беквита, ее узкая спина дрожала от переживаемых эмоций. Дворецкий через плечо домоправительницы встретился взглядом с Самантой, и она готова была поклясться, что видела в его глазах понимание и симпатию.

Она встала и выскользнула от комнаты, понимая, что для нее там больше нет места. Она прошла по лестнице на второй этаж, ее спина была прямой, и голова гордо поднята на случай, если кто — то из слуг увидит ее. Наконец, добравшись до своего убежища в спальне, она зашла внутрь и заперла на засов дверь.

Прижимая руку ко рту, чтобы заглушить рвущиеся наружу рыдания, она съехала спиной по двери на пол и согнулась почти пополам от внезапно нахлынувших радости и горя. Даже когда слезы закапали на тыльную сторону ее руки, она не могла точно сказать, плакала ли она из — за Габриэля или из — за себя.

* * *

Саманта в ночной рубашке сидела на краю постели и методично заплетала волосы. Это было единственным телодвижением, которое она совершила после того, как забаррикадировалась в своей спальне этим утром. Когда миссис Филпот прислала к ней Элси с подносом ужина, она покорно съела всю тарелку капустного супа, хотя на самом деле ей хотелось вылить его в окно. Если бы только она могла жить одним днем, то, вероятно, ей бы не пришлось оказаться лицом к лицу с будущим.

Будущим без Габриэля.

Ее пальцы дрогнули. Наполовину заплетенная коса выскользнула из руки. Она больше не могла отрицать правду. Ее работа здесь была закончена. У Габриэля больше не было в ней никакой потребности. Он вернулся туда, где он и должен был быть — в любящие объятия своих родственников.

Она слезла с кровати, подошла к большому платяному шкафу и вытащила свой потертый кожаный чемоданчик. Она оставила его открытым около кровати и отстегнула крышку своего сундучка.

Она никогда не думала, что будет тосковать по уродливой сарже и шерстяным чулкам, которые она носила с того момента, как приехала в Ферчайлд — Парк, но сейчас ей внезапно захотелось спрятать в них лицо и заплакать. Мягко сдвинув верхнюю одежду в сторону, она вытащила единственные чистые сорочку и нижнюю юбку и затолкала их в чемоданчик вместе с тонким томиком стихов Марлоу. Она уже собиралась закрыть сундучок, когда ей на глаза попался уголок писчей бумаги кремового цвета.

Письма Габриэля.

Она пыталась убрать их так глубоко, чтобы они больше никогда не показались на свет божий. И все же они снова оказались здесь, столь же непреодолимо привлекательные, что и

в день, когда они были получены.

Саманта вытянула перевязанный лентой сверток и позволила крышке сундучка самой закрыться. Она пересела на край кровати и пробежала кончиками пальцев по бумаге, которая была так истерта от частого использования, что могла порваться просто от ее прикосновения. Она представила себе Габриэля, нежно касающегося тонких листков своими сильными руками и взвешивающим каждое слово так, словно оно было из золота.

Она знала, что потом возненавидит себя, но не смогла сопротивляться желанию потянуть за ленту, связывающую письма. Как раз, когда она развернула первое письмо и поднесла к свету горящей сальной свечи, что стояла на столике рядом с ее кроватью, в дверь постучали.

Саманта виновато дернулась и вскочила на ноги. В отчаянной спешке, она осмотрела комнату, затем пинком послала чемоданчик под кровать. Она была уже на полпути к двери, когда вдруг поняла, что сжимает в руке письма.

Стук раздался снова, он был явно нетерпеливым.

— Одну минуту! — крикнула она, и помчалась обратно к кровати, чтобы сунуть письма под матрац.

Когда она распахнула дверь, то увидела, что на пороге стоит Габриэль, одетый только в зеленый шелковый халат. И прежде чем она успела произнести хоть слово, он потянулся к ней. Обхватив руками ее лицо, он вошел языком в ее рот, целуя с такой страстной нежностью, что у нее перехватило дыхание. К тому времени, когда он отнял свои губы от ее, у нее уже кружилась от желания голова.

— И вам добрый вечер, милорд, — прошептала она, едва держась на ногах.

Отодвинув ее в сторону, Габриэль прошел внутрь комнаты. Он захлопнул за собой дверь и прислонился к ней.

— В чем дело? — Саманта бросила на дверь тревожный взгляд. — Вас преследует орда варваров?

— Хуже. Мои родственники. — Он взлохматил уже и без того взъерошенные волосы. — Они заполонили весь дом, словно стая голубей. Я уже думал, что никогда не смогу ускользнуть от них. Знаете, как трудно незаметно уйти, если вы не можете видеть?

Благодарная, что он также не мог видеть ее опухшие глаза и следы слез на щеках, она легко произнесла:

— Согласно доктору Гилби, скоро вам больше не придется об этом волноваться, не так ли?

Он покачал головой, словно все еще не мог полностью поверить в свою удачу.

— Потрясающе, правда? Но знаете, что самое удивительное во всем этом? — Он снова коснулся ее, его рука сомкнулась на ее тонком запястье. — Когда доктор Гилби сказал мне, что меня ожидает полное выздоровление, я понял, что из всех вещей на этой земле я больше всего хочу увидеть ваше милое лицо.

Саманта отвернулась от него.

— Я боюсь, что вы можете сильно разочароваться.

— Это абсолютно невозможно. — Из его голоса исчезло все веселье, уступив место загадочной грусти. — Вы никогда меня не разочаровывали.

Прикусив губу, она вытащила запястье из его руки и отодвинулась за пределы его досягаемости. Она гораздо меньше боялась, что он снова может начать ее целовать, чем того, что она сама может сделать, если он ее поцелует.

— Чем я обязана вашему неурочному визиту?

Габриэль прислонился к двери и скрестил руки на груди, от его убежденного и плотоядного взгляда она испытала волну восхитительной дрожи.

— Не изображайте передо мной невинность, мисс Викаршем. Едва ли я первый лорд, который проник в спальню своей самой неприступной служанки.

— Но разве не вы, милорд, говорили мне, не имеете привычки сосредотачивать свое внимание на работающих на вас женщинах?

Оттолкнувшись от двери, Габриэль двинулся на звук ее голоса с изяществом пантеры.

— А зачем мне сила, если соблазнение намного более эффективно? И намного более, — его губы прямо — таки ласкали это слово — приятно.

Саманта попятилась от него, боясь, что игривый Габриэль еще более опасен для ее сердца. И все — таки, в то же самое время, она не могла отказаться от участия в этой игре.

— К настоящему моменту вам уже должно быть известно, что я не отношусь к женщинам, которых можно соблазнить дорогими безделушками, сладкими и цветистыми словами или экстравагантными обещаниями, сделанными в пылу страсти. Ни мое тело, ни мое сердце так дешево не завоевать.

Тень Габриэля упала за нее, и она ударилась голенью о кровать. Он прижал руку к ее груди и подтолкнул, заставляя рухнуть на постель. И прежде чем она смогла запротестовать, он опустился рядом и прижал к ее щеке свою большую руку.

— У меня при себе сейчас нет никаких безделушек, но что, если я пообещаю сделать вас своей женой и любить до конца наших дней?

«Моя дорогая Сесиль,

Когда я жду Вашего ответа, каждая минута кажется мне вечностью...»

* * *

— Вы совершенно спятили? — Саманта с такой силой пихнула Габриэля в грудь, что он свалился с кровати на пол.

Он сел на полу, сбитый с толку.

— Я раньше никогда не думал, что намного безопаснее было бы сделать вам предложение в письме.

Спрыгнув с кровати, Саманта забегала по маленькой комнате, ее быстрые шаги отражали неразбериху в ее сердце.

— Вероятно, удар по вашей голове повлиял не только на ваше зрение, милорд. Вероятно, он так же повлиял на вашу память. Поскольку вы, кажется, забыли, что вы граф — пэр Англии — а я простая служанка.

— Вы, Саманта...

Она развернулась лицом к нему.

— Мисс Викаршем!

Полуулыбка заиграла на его красиво вылепленных губах, что только еще сильнее разозлило ее.

— Вы, мисс Викаршем — женщина, которую я обожаю и намереваюсь сделать своей женой.

Она всплеснула руками.

— Вы совершенно безнадежны, да? К вам возвращается зрение, как раз когда вы сходите с ума.

— А вам не приходило в голову, что у вас уже нет другого выбора, кроме как выйти за меня?

— Почему вы так говорите?

— Потому, что я вас уже скомпрометировал. Или вы забыли?

Она знала по его многообещающим губам, что он точно знает, что никто из них не забудет, как ее тело бесстыдно таяло под его руками, как дрожь удовольствия пронзала ее до самой сердцевины. Она унесла бы эти воспоминания с собой в могилу.

— Я освобождаю вас от всех обязательств. Нет причин, чтобы вы провели всю оставшуюся жизнь, расплачиваясь за ... глупую неосторожность.

Он выгнул золотистую бровь.

— Именно это произошло с вами вчера вечером? Неосторожность?

Не в силах придумать убедительное опровержение, Саманта снова заходила по комнате.

— Я уверена, что ваша мать была в ужасе, когда узнала, что вы сделали предложение той дочери баронета. Что бы она сказала, узнав, что вы намеревались жениться на своей медсестре?

Габриэль нащупал край ее ночной рубашки, когда она прошла мимо него, и перетащил Саманту к себе на колени. И обхватил своими сильными руками, лишая даже мысли о возможности сбежать.

— Почему бы вам не пойти к ней со мной прямо сейчас и не выяснить это?

Ее извивающиеся попытки вырваться заставили его только крепче обнять ее.

— У бедной женщины будет удар из — за вас! Такая новость просто убьет ее! Или меня, — добавила она мрачно.

Он засмеялся.

— На самом деле, она не такой уж дракон, каким притворяется. В общем — то, когда мы впервые встретились, я заметил нечто общее в вашем...

Саманта закрыла ему рот рукой.

— Не говорите этого! Не смейте так говорить!

Не переставая смеяться, Габриэль убрал с губ ее руку.

— Я уверен, что вы потом ее полюбите. — И его крепкая хватка и голос смягчились, озорные искорки в глазах исчезли, оставляя взамен только сияющую нежность. — В конце концов, она ведь станет бабушкой ваших детей.

Слова Габриэля вонзились, словно нож, в сердце Саманты, показав будущее, которого у нее никогда не будет. Она сдержала уже готовые вылиться слезы. Возможно, у нее нет завтрашнего дня, но у нее пока еще есть сегодняшний вечер.

— Я была неправа, — прошептала она.

Он нахмурился.

— В чем?

— Я женщина, которую можно соблазнить цветистыми словами и экстравагантными обещаниями. — Собрав пальцы чашечкой, она обхватила его лицо и притянула к своему.

Когда Габриэль почувствовал, как мягкие губы Саманты распускаются под его губами, как цветок, и его душа словно озарилась светом. Подсунув руку ей под бедра, он поднял ее на кровать и положил на спину в сбитые простыни.

Он знал, что должен подождать, пока они не поженятся. Но он так долго ждал этого момента — больше, чем жил, как ему казалось.

— Подожди, — сказала она, и у него чуть не остановилось сердце. — Я хочу погасить свечи.

Он подождал, пока она не вернется в его объятия, и пробормотал:

— Мне вообще не нужны свечи. Все, что мне нужно, это ты.

На ощупь найдя край ее ночной рубашки, Габриэль осторожно стащил ее через голову Саманты. В этот момент он чувствовал себя молодоженом. От осознания того, что обнаженная Саманта находится под ним, и он может провести целую ночь, исследуя сокровищницу ее тела, у него пересохло во рту и руки задрожали от желания.

Прошло столько времени с тех пор, как он держал в объятиях обнаженную женщину. Перед Трафальгаром он провел несколько месяцев, следуя обету безбрачия, который он сам на себя наложил, и отчаянно желая Сесиль. Когда другие моряки с «Виктории» удовлетворяли свои потребности с проститутками в гавани во время кратких увольнительных на берег, он оставался на борту судна и перечитывал письма Сесиль. И хотя все его тело словно горело огнем, он довольствовался его тлением, мечтая о дне, когда они будут вместе. Но если бы он и знал, что этот день никогда не наступит, он все равно бы хотел подождать до настоящего момента. Ради Саманты.

Развязав халат, Габриэль сбросил его с плеч, отчаянно желая оказаться с ней кожа к коже, плоть к плоти. Целуя так, словно каждый поцелуй для них последний, он скользнул, словно необработанный шелк, вниз по ее телу, и застонал, когда его грудь накрыла пухлую мягкость ее груди, а его разбухший жезл коснулся нежных завитков между ее ног. Зарыться

в нее прямо здесь и сейчас, и получить все удовольствие, в котором ему отказывали все эти долгие одинокие месяцы.

Но Саманта не была проституткой из гавани. Она заслуживала большего, чем грубое совокупление. Она вцепилась ему в плечи и протестующе застонала, когда он оторвал свой рот от ее и перекатился на ее сторону кровати. На узком острове едва хватало места для них обоих, но Габриэлю это было только на руку. Удобные границы очень помогли ему забросить ногу на ее бедра и уткнуться носом в шею, пока его ладонь удобно обнимала ее грудь. Ее сосок уже набух, как сочная ягода, которая прямо просилась ему в рот.

В нетерпении доставить ей удовольствие, он занялся им — потягивая и дразня, посасывая и поглаживая губами, языком и зубами, пока она не выгнулась под ним, не потянула его за волосы. Знакомое торжество пробежало по его венам. Ему не нужно было для этого зрение. Заниматься любовью с женщиной в темноте всегда было для него так же естественно, как дышать.

— Я чувствую, — прошептала она, часто дыша, ее голос звучал одновременно смущенно и шокировано.

— Надеюсь, что так, — ответил он, неохотно поднимая голову с ее груди. — Я не хотел бы впустую потратить твое время.

— Нет. Я имею в виду...

Габриэлю вдруг захотелось увидеть в этот момент ее лицо, оно должно было иметь восхитительный румянец.

— ... «там», — закончила она.

Он покачал головой и издал смешок.

— Я могу пообещать, что вы почувствуете намного больше «там» до того, как я закончу.

И словно в подтверждение своего обещания, он скользнул рукой по мягкой атласной коже ее живота. Она в нетерпении задрожала под его прикосновением, но он продлил ее удовольствие и мучение, исследуя контуры ее живота и чувствительные впадинки под ним.

Его пальцы коснулись мягких завитков внизу ее живота, и почти сразу его бедро толкнулось между ее ног, заставляя их разойтись в стороны и дать ему беспрепятственный доступ к тому, что находится между ними.

— Вы заставляете меня чувствовать себя такой распутной, — призналась она, каждый ее вздох был вздохом восхищения. — Если бы я могла сделать что — то такое для тебя ... с тобой.

Габриэль не представлял, что ему может быть труднее, чем сейчас, но когда множество эротических картинок так и вспыхнули в его мозгу, затуманивая разум, он понял, что ошибался.

— Я буду счастлив доказывать тебе это всю оставшуюся жизнь.

— А что, если у нас не будет этой жизни? — Она обняла его, обняла удивительно сильно. — Что, если у нас есть только сегодняшний день?

— В таком случае я не упущу единственную возможность сделать вот это, — сказал он, атакуя ее рот нежным и возбуждающим поцелуем. — Или это. — Он опустил губы к ее груди и обвел языком ее распухшие соски. — Или вот это. — Его голос превратился в стон, когда он погрузил пальцы в ее завитки и стал поглаживать гладкую плоть под ними.

Она застонала под его прикосновением, запела хриловатую песню приглашения. Ее тело увлажнилось, чтобы принять его, распустилось, словно цветок под поцелуем солнца. Он мазнул подушечкой большого пальца по сладкой росе ее тайного местечка, скрытого между

бархатными лепестками. Он хотел, чтобы она сгорала, желая его, до боли хотела момента, когда она примет его в себя и сделает его своим.

— Пожалуйста, Габриэль ... — она выгнулась под его рукой, ее прерывистый шепот толкнулся ему в ухо. — Я не могу больше ждать.

Ее бедра разошлись в стороны, она потянулась и стала ласкать его пульсирующий жезл, давая приглашение, которому не мог бы сопротивляться ни один мужчина.

Когда ее пальцы обвили его, словно бархатные ленты, он стиснул зубы и содрогнулся в первобытном экстазе.

— Ну, раз ты так мило просишь.

Он перекатился на нее сверху. Его возбужденный жезл толкнулся во влажные завитки, парящих у самых врат небес.

— Габриэль, я должна тебе кое — что сказать. — Она вцепилась в его спину, в ее голосе безошибочно угадывалась паника.

Его пальцы на ощупь нашли ее губы, и нежным прикосновением заставили замолчать.

— Все в порядке, Саманта. Нет необходимости мне что — то еще объяснять. Я знаю, что ты не была со мной полностью откровенна. Такая женщина, как ты, не стала бы искать такую должность, как эта, если бы не бежала от своего прошлого. Но меня это не волнует. Меня не волнует, были ли у тебя мужчины до меня. Меня не волнует, сколько их было. Единственное, что меня сейчас интересует — чтобы ты была в моих объятиях, здесь и сейчас.

И чтобы доказать, что он человек слова, Габриэль отвел бедра и толчком глубоко вошел в нее. Сквозь туман бездумного наслаждения он услышал ее прерывистый крик и почувствовал, как что — то непрочное и невосполнимое сдается под настойчивым натиском его тела.

Он застыл, погрузившись в нее до самого конца и боясь двинуться, боясь вздохнуть.

— Саманта?

— Хмм? — хрипло выдавила она.

Габриэль пытался сдерживаться, хотя ее тело зажимало его в тиски острого удовольствия. — Так что ты там собиралась мне сказать?

Она сглотнула.

— Что я никогда раньше этого не делала.

Он рухнул ей на шею, прикусывая уже готовое вырваться богохульство.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — Предлагая это, Габриэль даже не был уверен, что сможет.

Она яростно затрясла головой.

— Нет. — Запустив пальцы в его волосы, она притянула его рот обратно к своему. — Никогда.

Когда их языки сплелись в восхитительном танце, и она выгнулась под ним, это простое движение привело его в экстаз. Габриэль всегда гордился своей искушенностью. Его потрясло, когда он понял, что является в достаточной степени варваром, поскольку ему хотелось бить себя в грудь и издавать триумфальный рев, и все только потому, что он оказался ее первым мужчиной — и ее единственным мужчиной. Он начал двигаться, входя и выходя из нее длинными, глубокими толчками, специально предназначенными, чтобы превратить ее хныканье от боли в стоны удовольствия.

Когда Саманта поделила с ним наслаждение, темнота перестала быть его врагом, она

стала его союзницей. Все стало материей и чувствами, трением и контрастом. Она была мягкой. Он твердым. Она стала податливой. Он — грубым. Она отдалась. Он принял.

Подумав, что она должна получить что — то, компенсирующее боль, которую он ей причинил, что — то, что сделало бы ее стоящим того, Габриэль протянул руку между ними. Не пропуская ни одного толчка ни языком, ни жезлом, он стал ласкать ее, пока она не забилась рядом с ним с хриплым криком, от которого он едва не кончил.

Протянув руки ей за голову и приближая свою руку к ее, пока они не оказались ладонь к ладони, сердце к сердцу, он яростно прошептал:

— Держись за меня, ангел. И не отпускай.

Саманта повиновалась, обхватив его стройными ногами. И теперь уже не было места сдерживанию, не было сопротивления ведущему ритму, который бился в его крови, словно барабаны примитивного племени. Габриэль объезжал ее, сильно, быстро и глубоко, пока они оба не потеряли разум от наслаждения, пока он не почувствовал, что снова и снова из ее матки вырываются судороги экстаза.

Когда через его тело прогрохотало торжественное ликование и излилось горячим потоком, Габриэль быстро накрыл ее рот своим, боясь, что их крики перебудят весь дом.

* * *

Саманта проснулась в объятиях Габриэля. Кровать была настолько узкой, что они могли лежать вместе только в положении, когда ее спина прижималась к его груди, на боку, как ложки.

Она бросила взгляд в окно и с благодарностью обнаружила, что ночное небо все еще оставалось темным без единой розовой полосы, которая бы ознаменовывала рассвет. Она была бы согласна вечно лежать под мускулистой рукой Габриэля, которая обнимает ее за талию, чувствовать, как его дыхание касается ее волос, а ее ягодички прижимаются к его бедрам. Она чувствовала спиной, как бьется его сердце, и это было самой лучшей из колыбелей для нее.

До прошлой ночи у нее было лишь смутное представление о том, что происходит в спальне между мужчиной и женщиной. Но ничто не могло бы подготовить ее к реальности. Впервые она поняла, почему один такой обманчиво простой акт заставлял женщин лететь навстречу своей гибели, а мужчин рисковать всем, что имеют. Она поняла, почему были написаны сонеты, почему дрались на дуэлях с риском потерять жизнь — все ради волшебства, которое происходило, когда мужчина и женщина соединялись вместе и двигались как единое целое в ночных тенях.

Между ног она ощущала новое, ноющее чувство, которое соответствовало тому, что чувствовало ее сердце. И все — таки эта боль была приятной, и была небольшой ценой за чудесное ощущение, что она обнимает Габриэля внутри себя.

Габриэль шевельнулся, словно ощутил направление ее мыслей. Он притянул ее к себе сильнее, его рука еще крепче обняла ее за талию,

Что — то ткнулось в мягкость ее ягодиц. Что — то твердое и настойчивое. Саманта не смогла сопротивляться искушению и ради эксперимента сделала покачивающее движение тазом.

Габриэль что — то сонно буркнул и потом пробормотал:

— Не искушай дракона, ангел, если не хочешь, чтобы тебя съели живьем. — Он с такой нежностью провел губами по ее затылку, сдвигая в сторону взлохмаченные прядки ее волос, что она задрожала от желанья. — Я не должен был обращаться с тобой так грубо и быть

таким ненасытным. Тебе нужно время, чтобы оправиться.

Зная, что у нее нет такой роскоши — времени — она выгнулась под ним, прижимаясь своими мягкими ягодицами к его отяжелевшему признаку возбуждения.

— Все, что мне нужно, это ты.

Габриэль застонал ей в ухо.

— Ты играешь нечестно, женщина. Ты знаешь, что это единственное, в чем я никогда не смогу тебе отказать.

Но он мог отказать в удовольствии себе и доставить удовольствие ей. Одна его рука стала нежно дразнить ее набухшие соски большим и указательным пальцами, а другая соскользнула ей между ног и стала искусно поглаживать припухшую плоть. Почти сразу же Саманта ощутила, что тает от перехватывающего дыхание порыва удовольствия. Ей пришлось вцепиться зубами в подушку, чтобы не закричать.

И только после этого он наполнил руки мягкостью ее груди и, не поворачиваясь, скользнул в нее. Она ничего так не хотела, как двигаться и тереться об него, хотела побуждать его двигаться, но он держал их обоих в неподвижности до тех пор, пока ее тело не запульсировало вокруг него, каждым настойчивым ударом повторяя удары ее сердца.

— Пожалуйста ... — застонала она, едва не теряя сознания в его руках. — О, Габриэль, пожалуйста ...

Ее бессвязная мольба не прошла мимо него. Она даже не представляла, что можно испытывать такой полный и нежный восторг. Когда он находился в ней, она даже не могла точно сказать, где заканчивается его тело и где начинается ее. Она знала только, что ее сердце разбито, а щеки мокры от слез.

— Ты плачешь, — обвиняюще сказал он, мягко толкая ее в спину.

Она втянула в себя воздух, сдерживая рыдания.

— Нет, не плачу.

Он коснулся пальцем ее щеки, потом своих губ, доказывая, что она говорит неправду.

— То, что я всегда подозревал, — сказал он серьезно. — Тебе больше не нужно скрывать правду.

Прерывисто дыша, Саманта моргнула и посмотрела на него.

Он мягко накрыл полусогнутыми пальцами ее грохочущее сердце.

— Под этим вашим практичным фасадом бьется сентиментальное сердце истинного романтика. Не волнуйтесь, мисс Викаршем. Ваша тайна со мной в безопасности, — он хитро посмотрел на нее, дьявольский разрез его шрама придавал ему еще более распутный вид. — Пока вы будете выражать мне свою благодарность, конечно.

— В этом вы можете быть уверены, милорд, — опустив его рот к своему, Саманта скрепила свое обещание яростным поцелуем.

* * *

Саманта сунула в волосы последнюю шпильку, закрепляя на затылке тяжелый пучок волос. На ней были те же коричневая юбка и дорожный жакет, в которых она приехала в Ферчайлд — Парк. Постороннему могло бы показаться, что она ни капли не изменилась с того момента. Посторонний не обратил бы внимания на ее порозовевшие щеки, отпечаток щетины на шее и припухшие от поцелуев губы.

Взяв в руки шляпку из декоративной соломки, она повернулась лицом к кровати.

Габриэль лежал, растянувшись на животе, в жемчужном свете рассвета, его внушительная фигура занимала большую часть матраса. Его голова покоилась на руках, а

правое колено было задрано, почти стаскивая простыни с его узких бедер. Густые пряди светлых волос закрывали лицо.

Ее золотистый гигант.

Ее руки жаждали коснуться его в последний раз, но она знала, что не может рисковать его разбудить. В тщетной попытке избежать искушения она натянула на руки черные перчатки.

У нее не было другого выбора, кроме как оставить свой сундучок. И она уже вытащила свой наполовину упакованный чемоданчик из — под кровати. Ей оставалось закончить только одно дело.

Она приблизилась к кровати, делая шаги так осторожно, словно каждый шаг мог оказаться последним. Когда она опустилась на колени и оказалась всего в нескольких дюймах от его лица, Габриэль пошевелился и что — то пробормотал во сне. Саманта задержала дыхание, на какой — то сокрушительный момент поверив, что сейчас он откроет глаза, но посмотрит не на нее, а заглянет прямо ей в душу.

Вместо этого он издал глубокий вздох и откатился от нее, его большая рука стала ощупывать смятое постельное белье, словно ища что — то.

Осторожно сунув руку под матрац, Саманта вытащила оттуда пачку писем, которую так небрежно она запихнула туда прошлой ночью. Не желая тратить время на перевязывание их лентой, она сунула пачку в чемоданчик и застегнула застежки своей дорожной сумки.

Из кармана юбки она вытянула свернутый листок бумаги. Ее рука дрожала так сильно, что ей пришлось опереться на подушку рядом с головой Габриэля.

Следующим, что осознала Саманта, было, что она стоит у двери с чемоданчиком в руке.

Она позволила себе в последний раз бросить взгляд на Габриэля. Она думала, что искупит свои грехи, приехав сюда, но оказалось, что она добавила к предыдущим грехам новые, еще более непростительные. Но, вероятно, самым большим из ее грехопадений было то, что она так сильно в него влюбилась.

С трудом оторвав взгляд от кровати, она выскользнула от комнаты и осторожно закрыла за собой дверь.

«Моя дорогая Сесиль,

Я ношу под сердцем Ваши письма и все надежды на наше будущее...»

* * *

— Беквит!

Когда этот знакомый рев пронесся по коридорам Ферчайлд — Парка, все слуги в доме замерли с широко раскрытыми глазами. Их ошеломленные взгляды поднялись к потолку, когда раздался оглушительный звук удара, сопровождаемый такой очередью ругательств, что от них могла бы расплавиться позолота стеновых панелей.

Послышался звук сбегających по лестнице ног и пронзительный визг, сопровождаемый еще одним потоком ругательств.

— Если бы ты не болтался у меня под ногами, я бы не наступил на твой дурацкий хвост! По мраморному полу застучали когти — Сэм совершал быстрое и мудрое отступление.

Беквит обменялся взволнованным взглядом с миссис Филпот и крикнул:

— Я в столовой, милорд.

Габриэль в одном халате влетел через дверь столовой, на его лице застыло угрюмое выражение. Он размахивал своей тростью так, словно это было его оружие.

— Вы не видели Саманту? Когда я проснулся, ее уже не было.

Кто — то издал шокированный вздох. Габриэль медленно повернулся, слишком поздно осознав, что они не одни.

Он принюхался, его ноздри стали раздуваться.

— Все, что я чувствую, это запах бекона и свежесваренного кофе. Кто еще здесь?

— О, почти никого, на самом деле, — запинаясь, произнес Беквит. — Только миссис Филпот. Элси. Ваша мать. Ваш отец. И, гм, — он неловко прочистил горло, — ваши сестры.

— Что? А Вилли — егеря нет? А что случилось? Он не смог оторваться от своей охоты достаточно надолго, чтобы присоединиться к остальным для завтрака? — Габриэль покачал головой. — А, неважно. Единственный человек, который меня волнует, это Саманта. Вы не видели ее?

Беквит нахмурился.

— Теперь, когда вы упомянули, я думаю, что не видел. Что меня удивляет, потому уже почти десять часов, а мисс Викаршем обычно очень трудолюбива. Она весьма предана своей работе.

Осмотрев Габриэля от босых ног до растрепанной гривы волос, его отец захихикал.

— Должно быть, очень предана.

Юджиния, Валери и Гонория прыснули.

— Девочки! — возмутилась их мать, бросая на них осуждающий взгляд. — Выйдите из — за стола. И оставьте нас одних.

Удрученные девушки стали вставать со своих мест, но Габриэль сказал:

— Пусть они останутся. Они больше не маленькие детки. Пришло время вам прекратить отсылать их в детскую каждый раз, когда происходит семейная драма.

— Видела? — прошептала Гонория, пихая Валери под ребра, когда они вернулись за стол. — Я же говорила, что он самый лучший старший брат на свете.

— Я пойду поищу мисс Викаршем, милорд, — сказала миссис Филпот. — Возможно,

кто — нибудь из слуг видел ее.

— Спасибо, — ответил Габриэль.

Когда она выскользнула от комнаты, маркиз откинулся на спинку стула и с задумчивым вздохом сложил руки на своем выпирающем животе.

— Я помню время, когда я был всего на несколько лет моложе, чем сейчас Габриэль. У нас была такая очаровательная маленькая горничная...

— Теодор! — Его жена посмотрела на него убийственным взглядом.

Он похлопал ее по руке.

— Это было до того, как я встретил тебя, дорогая. Как только я положил глаз на тебя, то больше ни на кого уже не смотрел. Все, что я пытаюсь сказать — что это случается с лучшими из мужчин. Безусловно, нет никакого позора в таком развлечении.

— Я не развлекаюсь с Самантой! Я люблю ее, и у меня есть твердое намерение сделать ее своей женой, — набросился на отца Габриэль.

Оба его родителя онемели от изумления.

— Мне сходить за нюхательной солью? — прошептала Юджиния. — Мамочка выглядит так, словно сейчас упадет в обморок.

— Простая девушка из народа? — в голосе Валери послышался ужас. — Ты собираешься жениться на простой девушке?

— Могу вас заверить, что в мисс Викаршем нет ничего простого, — сказал Габриэль.

— Да ведь это самая романтичная вещь, которую я когда — либо слышала! — воскликнула Гонория, ее карие глаза засверкали. — Я так и вижу, как ты устремляешься на белом коне, чтобы спасти ее от жизни в благородной бедности.

Габриэль фыркнул.

— Если уж кто и бросался тут на спасение, то это — она.

— Вот что, сын, — сказал его отец. — Нет нужды принимать поспешные или опрометчивые решения. Ты только вчера вечером узнал, что снова будешь видеть. Я могу понять, как ты, вероятно, был переполнен эмоциями. И позволил сгрести себя в руки этой ... этой ...

— Да? — произнес Габриэль, растягивая слова; любой, раньше видел его таким, поостерегся бы его вида.

— Очаровательной девушки, — живо закончил его отец. — Но это не означает, что ты должен бросаться очертя голову в брак с неподходящей перспективой. Как только твое зрение восстановится, и ты вернешься в Лондон, ты сможешь снять ей удобную квартиру где — нибудь около своего городского дома и сделать ее своей любовницей, если тебе этого захочется.

Лицо Габриэля потемнело, но прежде, чем он смог ответить, в столовую суетливо вбежала миссис Филпот.

— Извините, милорд, но я нигде не могу ее найти. Никто ее не видел. Но я нашла в ее комнате вот эту записку. — Ее голос снизился почти до шепота, заставляя всех присутствующих задаться вопросом, только ли записку она нашла. — У нее на подушке.

— Прочитайте ее, — приказал Габриэль, нащупывая рядом с собой ближайший свободный стул.

Когда он опустил на него, миссис Филпот передала записку Беквиту.

Дворецкий неохотно развернул обычный лист писчей бумаги, его пухлые ручки заметно дрожали.

— «Мой дорогой лорд Шеффилд, — прочитал он. — Я всегда говорила Вам, что наступит день, когда Вы больше не будете во мне нуждаться. Я знаю, что Вы — человек чести, но я никогда бы не стала ждать, что Вы исполните свои обещания, данные в пылу...» — Беквит заколебался, бросив на родственников Габриэля мучительный взгляд.

— Продолжай, — сказал Габриэль, его глаза были потемневшими и безжизненными.

— «Я никогда не стала бы ждать, что Вы исполните свои обещания, данные в пылу страсти. Этот огонь горит слишком ярко и ослепляет даже тех, кто в состоянии видеть. Совсем скоро Вы вернете себе зрение — и вашу жизнь. Жизнь, в которой для меня не может быть места. Я прошу Вас не судить обо мне слишком строго. Возможно, где — нибудь в глубине своего сердца, Вы сможете вспоминать обо мне с нежностью, так, как буду вспоминать Вас я — Ваша... Саманта».

Когда Беквит стал сворачивать записку, миссис Филпот придвинулась к нему поближе, ее дрожащие пальцы нащупали его рукав. По щекам Гонории открыто текли слезы, и даже Юджиния была вынуждена приложить салфетку к кончику носа.

— Ты был прав, не так ли? — мягко сказала мать Габриэля, опуская чашку на стол. — Она была очень необычной девушкой.

Его отец вздохнул.

— Мне жаль, парень, но ты же понимаешь, что это к лучшему.

Не говоря ни слова, Габриэль встал и направился к двери, тростью ощупывая путь перед собой.

— Куда ты? — спросил сбитый с толку отец.

Габриэль повернулся к нему и остальным, на его лице застыло решительное выражение.

— Я собираюсь ее найти, вот куда я иду.

Его отец обменялся с женой обеспокоенными взглядами и задал вопрос, который вертелся на языке у всех.

— Но что, если она не желает быть найденной?

* * *

Саманта проскользнула в свою спальню, располагавшуюся в мансарде большого Тюдоровского дома, и даже не потрудилась закрыть за собой дверь. Несмотря на то, что в комнате был полумрак, а воздух затхлым, она не считала, что сможет заставить себя раздвинуть занавески и толчком распахнуть окна. От утреннего солнца было больно глазам.

Она поставила на кровать дорожный чемоданчик и устало ссутулила плечи. После нескольких бессонных поездок в экипаже, в толкотне и суете, казалось, что чемоданчик набит камнями, а не парой нижнего белья, пачкой старых писем и тонким томиком стихов. Если бы не письма, она могла бы поддаться искушению выбросить его в ближайшую канаву по пути из деревни сегодня утром. Веселое щебетание птиц, сидящих на живой изгороди вдоль дороги, казалось, только поддразнивало ее.

На ней по — прежнему была шерстяная одежда коричневого цвета, в которой она три дня назад на рассвете выскользнула из Ферчайлд — Парка. Подол ее юбки был покрыт грязью, а на лифе виднелись полоски высохшего молока, которые оставил грудной ребенок уборщицы во время очень тряской поездки от Хорнси до Южного Мима.

Саманта знала, что должна была бы испытывать раздражение от такого неуважительного поведения, но на ее душу снизошла милосердная нечувствительность. Задаваясь вопросом, сможет ли она еще когда — нибудь почувствовать хоть что — нибудь, она не смогла не признать, что нечувствительность была благом для ее сердца, в котором

поселилось пронизывающее горе в тот момент, когда она ушла от Габриэля, спящего в ее постели.

Она опустилась на табурет перед туалетным столиком. Она оставила эту комнату наивной девочкой, но сейчас из полутемного зеркала на нее смотрела женщина. По безрадостному выражению лица которой никто бы не предположил, что ее глаза могут искриться от счастья, а от дразнящей улыбки на щеках появляются ямочки.

Руки Саманты сразу заньбли от усталости, когда она стала вытаскивать из прически шпильки одну за другой. Волосы рассыпалась по ее плечам. Она сонно моргнула своему отражению, ее глаза были цвета морской воды под летним небом.

На лестнице зазвучали шаги — это были шаги ее матери, такие живые и знакомые, что Саманта испытала неожиданный порыв ностальгии по временам, когда мать могла излечить любую ее боль объятиями и чашкой горячего чая, независимо от того, насколько сильной эта боль была.

— Кое — кто мог бы подумать о том, — трещала ее мать, поднимаясь по лестнице, — что, если родная мать разрешила раз в жизни поехать за границу с богатой подругой, то можно оказать любезность и хотя бы письмом дать ей знать, что все живы — здоровы и не чахнут в какой — нибудь грязной французской темнице. И что этот кое — кто не должен прокрадываться домой, как какой — то вор, а нормально объявлять о своем возвращении. Я бы вообще не узнала, что ты дома, если бы твоя сестра не...

Саманта повернулась к ней.

Ее мать стояла в дверях. Она схватилась за сердце, на ее лице отразился ужас.

— Боже мой, Сесиль! Куда ты уезжала, и куда делись твои прекрасные волосы?

«Мой дорогой лорд Шеффилд,

Вы утверждаете, что Вы — ничто иное, как пыль под моими изящными ножками, но мне все же кажется, что Вы не просто пыль, а звездная пыль в ночном небе, навсегда в моих мечтах, но вне моей досягаемости...»

* * *

— Она не могла просто раствориться в воздухе. Это невозможно!

— Никто этого не предполагал, милорд. Но произошло именно это. С того момента, как ее экипаж прибыл в Лондон во второй половине дня, след мисс Викаршем остыл до состояния льда. Мои люди искали ее больше двух месяцев и не смогли обнаружить ни единого следа. Словно ее никогда не существовало.

— О, она существовала, это точно. — Габриэль на мгновение закрыл глаза, вспоминая Саманту, такую теплую и мягкую в его объятиях, гораздо более реальную, чем все, чего он когда — либо касался за всю свою жизнь.

— *А что, если у нас не будет этой жизни? Что, если у нас есть только сегодняшний день?*

Ее загадочный вопрос часто вспоминался ему с тех пор, как он оказался достаточно дураком, чтобы выпустить ее из рук. И своей постели.

Он открыл глаза и посмотрел на низенького и щеголеватого мужчину, который сидел по другую сторону стола. Туман перед глазами с каждым днем становился все слабее и слабее. Скоро он сам сможет пойти прочесывать улицы в поисках Саманты. А до тех пор у него не было другого выбора, кроме как доверять этому человеку. Данвил Стирфорт был одним из самых опытных сыщиков на Боу — Стрит^[8]. Он сам и его команда детективов в ярко — синих пальто и кричащих красных плащах очень ценились в обществе, и за их мастерство, и деликатное отношение к делам.

Даже шрам на лице Габриэля, казалось, его никак не задевал. Вероятно, он видел много худшие во время своей работы.

— Наш сквозной поиск по Челси ни к чему не привел, — сообщил Стирфорт, подергивая усиками цвета темной карамели. — Вы совершенно уверены, что она не оставила больше никаких подсказок о том, откуда приехала? И куда могла уехать?

Водя большим пальцем по лезвию ножа для открывания писем, Габриэль покачал головой.

— Я не один раз обыскал каждый дюйм ее сундучка, который она оставила в своей спальне. Я нашел только ее одежду без меток и бутылочку лимонной вербены.

Он не рассказал о том, что когда открыл большой платяной шкаф, то обнаружил, что она оставила все его подарки. Подарки, которые он до этого момента даже не видел. Когда он осторожно провел пальцами по тонкому муслину платья, кашемировой шали и фривольным розовым туфелькам, предназначенным исключительно для танцев, задумчивая мелодия «Барбара Аллен» отозвалась эхом в его памяти. Его хладнокровные слова также не выдавали того, что знакомый аромат ее духов заставил его выйти из комнаты страдающим от желания.

— А что насчет ее рекомендательных писем? Что —нибудь выяснилось?

— Боюсь, что нет. Кажется, мой слуга вернул ей письма в тот же день, что ее приняли

на работу.

Стирфорд вздохнул.

— Как неудачно. Даже одно единственное имя могло бы навести нас на ее след.

Габриэль порылся в памяти. Что — то копошилось в его подсознании, какая — то сводящая его с ума деталь, которую он никак не мог ухватить.

— Во время нашего первого совместного завтрака она упомянула, что работала раньше на какую — то другую семью. Карутерс? Кармайкл? Он щелкнул пальцами. — Карстейрс! Вот оно, точно! Она сказала мне, что два года работала гувернанткой на лорда и леди Карстейрс.

Стирфорд вскочил на ноги, засияв от радости.

— Превосходно, милорд! Я немедленно переговорю с этой семьей.

— Подождите, — приказал Габриэль, увидев, что тот хватается за трость и шляпу. Его зрение становилось с каждым днем все более четким, и он не мог вынести даже мысли, что надо сидеть дома, пока незнакомые люди ищут Саманту. — Возможно, будет лучше, если я сам с ними поговорю.

Если Стирфорд и был разочарован тем, что его поиски узурпировали, то он хорошо это скрывал.

— Как пожелаете. Если вы получите какую — либо информацию, которую мы смогли бы использовать в поисках, немедленно свяжитесь со мной.

— Можете на это рассчитывать, — заверил его Габриэль.

В дверях Стирфорд заколебался, вертя в руках свою фетровую шляпу.

— Простите, если говорю не к месту, лорд Шеффилд, но вы никогда не рассказывали мне, почему так отчаянно хотите найти эту женщину. Она ограбила вас, когда работала в вашем доме? Украла что — то незаменимое?

— Да, украла, мистер Стирфорд. — Печальная улыбка заиграла на губах Габриэля, и он посмотрел в глаза своему сыщику, в которых читалось сочувствие. — Она украла мое сердце.

* * *

Сесиль Саманта Марч сидела на вымощенной каменными плитами террасе Карстейрс — Холла и пила чай со своей лучшей подругой и партнером по шалостям, а также единственной дочерью лорда и леди Карстейрс Эстель. Теплое июньское солнце ласкало ее лицо, а благоуханный бриз ерошил шапку ее коротких кудрей цвета меда.

Она целых два месяца отмывала волосы, окуная их в минеральное масло, но, к огорчению матери, так и не сумела полностью избавиться от вызванного хной оттенка. Решив, что больше не может выносить Саманту Викиершем, которая отражалась в зеркале, Сесиль, в конце концов, просто обкорнала волосы в приступе обиды и раздражения. Эстель заверила ее, что короткие локоны в Лондоне как раз очень популярны. Сесиль подумала, что стрижка подходит ей — она сделала ее взгляд повзрослевшим, и она стала меньше походить на глупышку, которой она когда — то была.

Конечно, у матери была истерика, когда она увидела, что сделала Сесиль, а отец был близок к тому, чтобы самому разразиться слезами. Но ни у кого из них не поднялась рука отругать ее. Мать просто приказала служанкам подмести состриженные волосы и бросить их в огонь. Сесиль сидела и смотрела, как они горят.

— Твои родные не удивляются, что ты так много времени проводишь здесь? — спросила Эстель, беря булочку с подноса, стоящего на столе.

— Уверена, они только рады избавиться от меня. Боюсь, я сейчас не самая лучшая

компания.

— Ерунда, ты всегда была изумительной компанией. Даже когда слоняешься из угла в угол с разбитым сердцем. — Эстель намазала густые сливки на слоеное печенье и сунула в рот.

По крайней мере, наедине с Эстель Сесиль не приходилось притворяться, что ничего не изменилось. Ей не приходилось смеяться над шутками братьев и выказывать притворный интерес к последнему рукоделию сестры. Ей не приходилось уверять мать, что она вполне довольна тем, что проводит дни, читая в своей комнате до поздней ночи, или избегать озадаченного взгляда отца. Она видела по обеспокоенным взглядам родителей, которые те бросали друг на друга, что была не слишком убедительна. Она совершенствовала свои актерские навыки на любительских спектаклях, которые в детстве устраивала для родителей вместе с братьями, но они, казалось, покинули ее в тот самый день, когда она бросила роль медсестры Габриэля.

Эстель облизнула капельку сливок с уголка рта.

— Я боялась, что твои родители могут найти странным, что мы проводим вместе столько времени, если мы, как предполагалось, провели полвесны в туристической поездке по Италии с моими родителями.

— Ш — ш-ш! — Сесиль пихнула Эстель под столом, напоминая, что лорд и леди Карстейрс сидят совсем рядом, под высокими арочными окнами в гостиной, и тоже наслаждаются чаем.

Со своей находчивостью, черными завитками волос и стреляющими темными глазами Эстель была единственной подругой Сесиль, которой та могла доверить исполнение такой опасной интриги. Но благоразумие никогда не было ее сильной чертой.

— Нам очень повезло, что я вернулась домой всего за несколько дней до тебя и твоих родителей, — пробормотала Сесиль, надеясь, что Эстель поймет намек и снизит тон.

Эстель наклонилась к ней поближе.

— У нас не было особого выбора из — за этого мошенника Наполеона, который угрожал устроить блокаду Англии. Мама не хотела, чтобы мы застряли в Италии и пропустили весь сезон. Она боялась, что я попадусь на глаза какому — нибудь влюбленному, но бедному итальянскому графу, а не скучному английскому виконту, которого всегда будут больше волновать собаки, чем я.

Сесиль покачала головой.

— Это только заставляет меня ненавидеть этого маленького тирана еще больше. А что, если бы твоя семья вернулась домой раньше, чем я? Мои родители сошли бы с ума от беспокойства. Я рада, что наши семьи не возвращаются в одних и тех же кругах во время путешествий. Представляю, что бы разразилось, если бы они попытались обменяться впечатлениями о нашей поездке.

— Я ведь обещала послать письмо в Ферчайлд — Парк в тот же момент, как мы ступим на английскую землю, правда ведь? Это дало бы тебе достаточно времени, чтобы придумать себе оправдание.

— Например, какое? — спросила Сесиль, делая глоток из чашки. — Вероятно, я должна была бы просто прислать своей матери записку: «Мне ужасно жаль, мама, но я сбежала, чтобы предложить свои услуги медсестры слепому графу, который, так случилось, один из самых известных повес в обществе».

— Был повесой, — напомнила ей Эстель, выгибая темную изящную бровь. — Разве он

не поклялся перестать соблазнять женщин и разбивать сердца при вашей первой встрече?

— Так он утверждал. И если бы я не была такой наивной идиоткой, я бы ему поверила. Но вместо этого я бросила ему вызов, а он сбежал и присоединился к королевскому флоту, поскольку только так мог доказать самому себе, что достоин моей любви. — Она покачала головой, с отвращением думая о наивной и эгоистичной девчонке, которой была. — Если бы я сбежала с ним в Грента — Грин, как он тогда просил, то он никогда бы не оказался ранен и не потерял бы зрение.

— И ты бы не поехала в Ферчайлд — Парк.

— Когда до меня дошел слух, что он живет в этом доме в полном одиночестве, словно раненый зверь, я подумала, что смогу ему помочь, — тихо сказала Сесиль, наблюдая за парой павлинов, важно вышагивающих по холмистой зеленой лужайке.

— И ты помогла?

Ее спас от ответа резкий звук открывающейся входной двери. Нахмурившись, она посмотрела на Эстель.

— Твои родители кого — то ждали?

— Никого, кроме тебя. Эстель моргнула от предзакатного солнца. — Странное время дня для неожиданного визита гостей, правда?

Они повернули головы к гостиной как раз вовремя, чтобы услышать, как дворецкий объявляет

— Граф Шеффилд.

Сесиль почувствовала, что кровь отлила от ее лица. И хотя первым ее инстинктом было спрятаться под стол, на самом деле она, вероятно, так бы и оставалась застывшей от шока на месте, если бы не Эстель, которая схватила ее за запястье и дернула за пышный куст рододендрона, который пробивался через трещину в каменных плитах около одного из окон.

— Какого черта он здесь делает? — прошипела Эстель.

Сесиль яростно затрясла головой, чувствуя, что ее сердце готово вырваться из груди.

— Я не знаю!

Они присели на корточки за кустом, едва осмеливаясь дышать, пока звучали вступительные слова приветствий.

— Я надеюсь, вы простите меня за вторжение. — Глубокий, хриловатый голос Габриэля выплыл из окна, и Сесиль кожей ощутила дрожь желания. Ей достаточно было закрыть глаза, и он оказывался рядом с ней, за ее спиной, сверху нее, внутри нее.

— Не глумитесь! — возмутилась мать Эстель. — Мы почтем за честь приветствовать знаменитого героя. Весь Лондон гудит новостями о вашем удивительном выздоровлении. Это правда, что к вам полностью вернулось зрение?

— Я все еще испытываю проблемы, когда начинает смеркаться, но с каждым днем мне все легче с этим справляться. Мой врач, вроде бы, думает, что моему мозгу нужно некоторое время, чтобы догнать те успехи, которые сделали мои глаза.

Сесиль зажмурилась, и, не в силах удержаться, произнесла краткую, но горячую молитву благодарности небесам.

— Я приехал к вам сегодня не для того, чтобы говорить о себе, — произнес Габриэль. — Я надеюсь, что вы сможете мне помочь с одним личным вопросом. Я ищу женщину, которая когда — то работала на вас, а совсем недавно на меня — мисс Саманту Викаршем.

— Он ищет тебя! — прошептала Эстель и с такой силой толкнула Сесиль локтем под

ребра, что та охнула.

— Нет, не меня, — ответила она мрачно. — Он ищет ее. Разве ты не помнишь? Это была твоя идея дать ему рекомендательные письма от твоих родителей. И ты подделала подпись своего отца.

— Но мы предполагали, что, если он попытается связаться с ними, они все еще будут находиться в Риме.

— И представляешь, что произошло? Они совсем не в Италии.

— Саманта Викаршем? — переспросил лорд Карстейрс. — Не припоминаю такого имени. Она работала прислугой в доме?

— Не совсем, — ответил Габриэль. — Согласно ее рекомендательному письму от вас, она была гувернанткой у ваших детей. В течение двух лет.

Леди Карстейрс, казалось, была озадачена еще сильнее, чем ее муж.

— Я не могу вспомнить ни ее саму, ни такое письмо. С тех пор прошло уже несколько лет, но я уверена, что вспомнила бы имя.

— Она должна была работать достаточно недавно, — осторожно сказал Габриэль. — Мисс Викаршем молодая женщина, вероятно, ей не больше двадцати пяти.

— Что ж, тогда это абсолютно невозможно! Наш сын Эдмунд сейчас в Кембридже, а наша дочь... Минутку. Эстель, дорогая, — позвала ее мать через открытые окна. — Ты еще там?

Эстель бросила на Сесиль испуганный взгляд.

— Иди! — Сесиль с силой пихнула ее. — Иди, а не то они придут сюда тебя искать.

Эстель на заплетающихся ногах вышла из — за куста. Она разгладила свою белую муслиновую юбку и, напоследок бросив на Сесиль еще один ошеломленный взгляд, бодро крикнула:

— Да, мама. Я здесь.

Когда Эстель скрылась в доме, Сесиль проползла через кустарник и прислонилась спиной к кирпичной стене под окном. Она зажмурилась, борясь с искушением бросить даже один взгляд на Габриэля. Для нее было пыткой находиться к нему так близко, и в тоже время так далеко.

— Это наша Эстель, — сказал лорд Карстейрс, и в его голосе безошибочно угадывалась гордость. — Как видите, ей уже несколько лет как не нужна гувернантка.

— Она как раз в подходящем возрасте, чтобы начать заполнение детской своими собственными малышами, — добавила его жена, нервно хихикая. — После того, как мы найдем ей идеального мужа, естественно.

Еле сдерживаясь, чтобы не застонать, Сесиль стукнулась затылком об кирпичную стену. Как только она подумала, что хуже быть уже не может, леди Карстейрс попыталась сосватать ее лучшую подругу за единственного мужчину, которого она любит и будет любить всегда.

Когда Габриэль пробормотал свое приветствие, она постаралась не представлять себе, как он склоняется над рукой Эстель, попыталась не представлять, как его опытные губы тянутся к белоснежной мягкости ее кожи. В отличие от Сесиль, Эстель редко отваживалась показаться на солнце без перчаток и шляпки.

— А где же твоя маленькая подружка? — спросила леди Карстейрс. — Разве вы не вдвоем пили чай?

Сесиль округлила глаза. Одно ее имя, произнесенное тихим шепотом, и ее раскроют,

как лгунью и обманщицу, коей она, собственно, и была.

— Почему бы нам всем вместе не выпить чаю с лордом Шеффилдом, — загудел голос отца Эстель. — Почему бы тебе не сходить за мисс...

Эстель зашла в приступе сильного кашля. Сесиль с облегчением прислонилась к стене, почти упала на нее. После обеспокоенного бормотания и хлопков по спине Эстель, наконец, удалось выдавить:

— Мне так жаль! Похоже, мне булочка попала не в то горло.

— Но у вас не было в руках булочки, — сказал Габриэль.

— Была чуть раньше, — ответила та, холодные нотки в ее голосе ясно показывали, что она недовольна, что ей смеют противоречить. — Боюсь, вам придется извинить мою подругу. Она очень застенчива. Она сбежала как перепуганный кролик, когда услышала звонок в передней.

— Все в порядке, — заверил ее Габриэль. — На самом деле, у меня нет времени для того, чтобы быть представленным ей. И как я ни ценю гостеприимство, боюсь, что мне придется отклонить ваше приглашение на чай.

— Жаль, что мы не смогли помочь вам больше, Шеффилд, — сказал лорд Карстейрс, его стул закрипел, когда он стал вставать. — Похоже, вы стали жертвой какого — то бессовестного персонажа. Если у вас сохранилось то поддельное письмо, то я советовал бы вам немедленно передать его властям. Возможно, они смогут найти эту женщину и отдать ее под суд.

— Нет необходимости обращаться к властям. — От решительности в голосе Габриэля по спине Сесиль прошла волна дрожи. — Если она где — то существует, я найду ее.

* * *

Когда Эстель появилась из дома вскоре после ухода Габриэля, она обнаружила, что Сесиль сидит на склоне холма и смотрит на маленький пруд для домашних уток. Утка — мама медленно плыла по тихой водной глади пруда, и семь крошечных пучков коричнево — зеленого пуха скользили за ней следом.

— Я даже представить себе не могла, что он раскусит мой блеф с рекомендательными письмами, — призналась она, когда Эстель опустилась в траву рядом с ней и расправила юбки, создав из них изящный колокол. — Он даже никогда их не видел. — Она повернула к Эстель лицо и посмотрела на нее мученическим взглядом. — Я не понимаю, почему он до сих пор ищет меня — то есть ее! Я думала, что как только к нему вернется зрение, он возвратится к той жизни, которую вел до того, как мы познакомились.

— К какой из жизней? — мягко спросила Эстель.

Сесиль обняла руками колени, больше не в силах удерживаться от вопроса, который она пообещала себе, что не будет задавать.

— Как он выглядел?

— Совершенно великолепно, должна признаться. Я всегда считала, что ты преувеличиваешь его очарование — будучи ослепленной любовью и всей прочей ерундой — но должна сказать, что он совершенно потрясающий экземпляр мужественности. И я обожаю шрам! Он придает его лицу ауру некой тайны. — Эстель вздрогнула от восхищения. — Из — за шрама он похож на пирата, который мог бы перекинуть тебя через плечо и заставить наслаждаться каждым минутой твоей жизни.

Сесиль отвернулась, но Эстель успела заметить, как на ее щеках вспыхнул румянец.

— Сесиль Саманта Марч, он ведь не единственная тайна, которую ты скрывала от меня,

не так ли?

— Не знаю, что ты имеешь в виду.

— А я думаю, что знаешь! Так это правда? Вы с ним стали... — Эстель оглянулась через плечо и понизила голос до шепота. — Любовниками?

— Только однажды ночью, — призналась Сесиль.

— Только однажды?

— Нет. Только однажды ночью, — повторила Сесиль, тщательно выбирая слова.

Эстель ахнула, восхищенная и испуганная одновременно.

— Не могу поверить, что ты сделала это. С ним! Ты очень прогрессивна, знаешь ли. Большинство женщин ждут, пока выйдут замуж, и только потом занимаются любовью. — Она наклонилась поближе, обмахиваясь рукой. — Я просто не могу не спросить. Он был так же совершенен, как выглядит?

Сесиль закрыла глаза, и совершенство Габриэля стремительно возникло в ее памяти, затопляя сознание и посылая в кровь горячее желание.

— И даже больше.

— О, Боже! — Эстель, раскинув руки, упала на траву в притворном обмороке. Но потом так же резко села и украдкой бросила обеспокоенный взгляд на худенькую фигурку Сесиль. — Господи Боже, ты ведь не ... не беременна, нет?

— Я молю Бога, чтобы я забеременела! — Признание вырвалось у Сесиль без предупреждения. — Разве это не доказывает, какой я ужасный человек? Я хочу разбить сердца своих родных, получить неодобрение общества, и рискнуть всем только ради того, чтобы со мной навсегда осталась частичка его самого. — Она уткнулась лицом в колени, не в силах выносить жалостливый взгляд подруги.

Эстель погладила ее волосы.

— Еще не поздно, ты знаешь. Почему бы тебе не пойти к нему? Не рассказать ему правду? Не попросить у него прощения?

— Как я могу? — Она подняла голову и посмотрела на Эстель сквозь туман слез. — Разве ты не понимаешь, что я натворила? Я чуть не убила его. Я бросила его в тот момент, когда он нуждался во мне сильнее всего. А потом, пытаясь искупить этот грех, я обманом проникла в его дом и играла с его воспоминаниями и чувствами. Из ее горла вырвался вскрик. — Разве он сможет когда —нибудь простить меня за это? Разве он сможет когда —нибудь смотреть на меня с какими —нибудь еще чувствами, кроме ненависти?

Когда Эстель бережно обняла ее, чтобы она могла выплакать слезы, которые сдерживала целых два месяца, Сесиль пришла на ум еще одна ужасная мысль. Теперь, когда Габриэль знает, что Саманта лгала ему, сколько еще пройдет времени, прежде чем он начнет задаваться вопросом, не была ли ночь, которую она провела в его объятиях, еще одной ложью?

«Моя дорогая Сесиль,

Одно слово из Ваших губ, и я никогда не покину пределов Вашей досягаемости...»

* * *

По многолюдным улицам Лондона шел незнакомец, его лицо казалось настолько неприступным, а широкие шаги настолько решительными, что даже нищие и воры — карманники торопились убраться с его пути. Казалось, он не обращал никакого внимания ни на пронизывающий октябрьский ветер, который бил по висячему воротнику его шерстяного пальто, ни на холодные капли дождя, стекающие с полей его высокой бобровой шляпы.

И дело было не в рваном шраме, который искажал его лицо так, что прохожие покрепче обнимали детей и украдкой уводили их от греха подальше. Дело было в выражении его глаз. Его насквозь прожигающий взгляд вглядывался в каждое лицо, проплывающее мимо него, и вызывал содрогание у всех, кого касался.

Ироничность ситуации не укрылась от Габриэля. Он наконец — то обрел зрение, но ему отказали в возможности увидеть то, что он больше всего желал увидеть. Каждый восход солнца, независимо от того, насколько красивыми были его переливы, только лишь освещал скрытую в сумраке дорогу, простиравшуюся перед ним. Каждый закат предсказывал ему долгую и одинокую ночь.

Он встречал опускающиеся сумерки, остро чувствуя, что каждый день это происходит все раньше и раньше. Год перевалил через первую половину, как и он сам. Скоро его щеки будут мокры не от дождя, а от падающего снега.

Несмотря на щедрый аванс, предложенный Габриэлем за продолжение поисков Саманты, Стирфорт и его сыщики были вынуждены признать свое поражение. Поэтому Габриэль решил сам искать ее по улицам, каждый вечер возвращаясь в свой городской дом на Гросвенор — Сквер только после того, как начинал чувствовать, что не может больше сделать ни шага из — за холода и усталости. Он обошел все больницы Лондона, но никто не вспомнил бывшую гувернантку по фамилии Викаршем, которая бы ухаживала за ранеными солдатами и моряками.

Одного только он боялся больше, чем того, что не найдет Саманту — что, если он не узнает ее при встрече?

Первый месяц поисков он таскал с собой Беквита. Стеснительный дворецкий выглядел одинаково несчастно, и топчась в уголке жалкой таверны, и опрашивая уличных торговцев на Ковент — Гарден. В конце концов Габриэль сжалился над ним и отослал обратно в Ферчайлд — Парк.

Теперь, точно так же, как сыщикам, которых он нанимал, Габриэлю приходилось полагаться на описания, которые варьировались в зависимости от того, кого он расспрашивал. В целом, он мог сказать, что ищет стройную женщину среднего роста с тяжелыми золотисто — каштановыми волосами, тонкими чертами лица и глазами, слишком часто скрывавшимися за ее домашними очками. Кое — кто из слуг настаивал, что у нее были зеленые глаза, а другие клялись, что карие. И только Гонория считала, что голубые.

Габриэль знал, что это безумие, но верил, что столкнувшись лицом к лицу с Самантой, что — то в его душе узнало бы ее.

Он свернул на плохо освещенную улицу, которая вела к докам. Народу здесь было

меньше, а сумрак гуще. Всякий раз, когда Габриэль обследовал зловонные нищенские кварталы Уайтчепел или Биллинггейт, он не так сильно боялся, что не найдет Саманту, чем, что найдет ее в одном из них. Мысль о том, что она бродит по этим темным переулкам, с его ребенком в чреве, сводила его с ума. От этого ему хотелось врываться во все дома подряд и хватать за горло тех, кто попадется ему под руку, пока не найдет человека, который сможет доказать, что Саманта не была плодом его воображения.

Его решимость найти ее не пошатнулась, но сомнения, которые зародились в нем после визита в дом Карстейрсов, все еще посещали его. Он помнил тот дождливый день, когда она читала ему «Пусть идет быстрее плуг». Она так убедительно читала за каждого из персонажей. Что, если она только играла роль влюбленной в него женщины? Но если бы это было так, как она могла позволить себе отдаться ему? Как она могла отдать ему свою невинность, не прося ничего взамен?

Пересекая какую — то узкую улочку, он почувствовал, что до него доносится почти неуловимый аромат. Он замер на месте, закрыл глаза и глубоко вдохнул, отдаваясь тьме, вместо того чтобы бежать от нее. Он снова был там — безошибочный запах лимонной вербены, возвышающейся над запахом горелых сосисок и разлитого пива.

Открыв глаза, он оглядел темные фигуры поблизости. Закутанная в плащ женщина только прошла мимо него на другую сторону улицы. Он мог поклясться, что сквозь туман дождя видел пряди золотисто — каштановых волос, высывающихся из — под ее капюшона.

Габриэль ринулся за ней, схватил за локоть и дернул, поворачивая к себе лицом. С ее головы свалился капюшон, открывая почти полное отсутствие зубов под затянутыми в улыбку губами и отвисшие груди, которые едва не вываливались из ее рваного лифа. Габриэль отшатнулся от ее насыщенного джином зловонного дыхания.

— Эй, папаша, тпру. Не надо грубостей с леди. Если, конечно, тебе не нравятся грубости. — Она замахала редкими ресницами, выглядя скорее гротескно, чем застенчиво. — За несколько лишних шиллингов я бы с удовольствием это выяснила.

Габриэль опустил руку, с трудом удерживаясь, чтобы не вытереть ее об пальто.

— Простите, мадам. Я принял вас за другую.

— Не спеши так! — прокричала она ему вслед, когда он повернулся и быстрыми шагами пошел прочь, чуть не затоптав по дороге трубочиста, который сыпал проклятиями и спешил поскорее убраться. — Такому симпатяшке, как ты, я даже могла бы дать попробовать бесплатно. Я знаю, что у меня осталось не так много зубов, но некоторые джентльмены говорят, что так даже лучше!

Измотанный до глубины души, Габриэль выбежал из темноты улицы с твердым намерением найти прибежище в своем экипаже, который он оставил за углом.

Подняв воротник пальто, чтобы защититься от ледяных порывов ветра и дождя, он пересек оживленную улицу, с трудом лавируя между коляской с хихикающими симпатичными девушками и румяным фонарщиком. Мальчишка носился от фонаря к фонарю, поджигая в них масло кратким поцелуем своего трепещущего факела.

Габриэль, скорее всего, даже не заметил бы жалкую фигуру, скорчившуюся на тротуаре под одним из фонарей, если бы он не услышал мужской голос:

— Подайте на пропитание! Не пожалейте полпенса, чтобы помочь тем, кто не может помочь себе!

— А почему бы тебе самому не уползти в работный дом и не помочь этим всем нам? —

проворчал проходящий мимо джентльмен и переступил через него.

С веселой и неустрашимой улыбкой мужчина стал пихать свою оловянную чашку женщине с огромным носом, за которой тащились служанка, лакей и слуга — негр, изо всех сил пытающиеся справиться с огромной охапкой пакетов.

— Не пожалейте полпенса на чашку горячего супа, мэм!

— Вам нужна не чашка теплого супа. Вам нужна работа, — сообщила та, отдергивая свои юбки из пределов его досягаемости. — Возможно, тогда у вас уже не было бы времени на то, чтобы беспокоить добропорядочных христиан.

Покачав головой, Габриэль вытащил из кармана соверен и, бросив его в кружку мужчины, пошел дальше.

— Спасибо, лейтенант.

Мягкий и культурный тон, которым были сказаны эти слова, заставили Габриэля застыть на месте. Он медленно повернулся.

Когда мужчина поднял руку, отдавая честь, было невозможно не заметить, что он дрожит всем телом, а в его светло — карих глазах мелькает разум.

— Мартин Уорт, милорд. Мы вместе с вами служили на борту «Виктории». Вероятно, вы не помните меня. Я был всего лишь мичманом, курсантом.

Приглядевшись поближе, Габриэль осознал, что то, что он принял за тряпки, на самом деле было изодранной военно — морской униформой. Поблекший синий мундир свободно болтался на теле, которое казалось почти скелетом. Бывшие когда — то белыми бриджи были закреплены булавками на ногах Уорта — или точнее, на том, что от них осталось. Ему больше никогда не понадобятся чулки или ботинки.

Когда Габриэль медленно поднял руку, также отдавая честь, из груди Уорта вырвался грохочущий кашель, от которого тот согнулся почти вдвое. Было ясно, что влага уже глубоко обосновалась в его легких. Он может не пережить начинающуюся зиму.

«Некоторые мужчины все еще не вернулись с войны домой. А некоторые никогда и не вернуться. Другие потеряли и руки и ноги. Они просят милостыню в сточных канавах, их форма и гордость стали лохмотьями. Над ними смеются, на них наступают, и единственная надежда, которая у них есть — что какой — нибудь незнакомец с унцией христианского милосердия в душе бросит полпенса в их оловянную плошку».

Когда этот осуждающий голос снова зазвучал в его голове, Габриэль ошеломленно и недоверчиво покачал головой. Он искал Саманту много месяцев, и здесь на этом знакомом углу лондонской улицы, он наконец нашел ее, глядя в глаза незнакомца.

— Вы правы, мичман Уорт. Я не помнил вас вначале, — признался он, стаскивая с себя пальто и опускаясь на колени, чтобы набросить его на плечи изможденного мужчины. — Но теперь вспомнил.

Уорт уставился на него в откровенном замешательстве, когда Габриэль сделал знак кому — то на другой стороне улицы, и пронзительно свистнул, подзывая свой экипаж.

* * *

— Не могу поверить, что позволила тебе втравить меня в это, — прошептала Сесиль, когда они с Этель спускались по полированным паркетным ступенькам к переполненному залу для танцев в особняке леди Эпли Майфейр. — Я бы вообще не позволила тебе притащить меня в Лондон, если бы нашему приходу не был необходим новый викарий.

— Неженатый викарий? — поинтересовалась Этель.

— Я боюсь, что да. Хотя, если бы это зависело от моей матери, то ненадолго.

— По твоему мрачному тону я могу заключить, что ты не считаешь его подходящим кандидатом для брака.

— Напротив. Он олицетворяет все, что, моя семья считает, я должна хотеть от мужа. Унылый. Бесстрастный. Склонный к длинным бессвязным речам о прелести выращивания черномордых овец и лечении с помощью кровяной колбасы. Они были бы полностью удовлетворены, если бы я провела всю оставшуюся жизнь, штопая его чулки и воспитывая его пухленьких и невозмутимых детей. Она вздохнула. — Вероятно, я должна позволить ему поухаживать за мной. Вряд ли я заслуживаю большего.

Даже длинные перчатки до локтя не смогли защитить Сесиль от чувствительного щипка Эстель.

— Даже не думай о таких ужасных вещах!

— А почему нет? Как еще, ты считаешь, я должна провести остаток своей жизни? Рыдая на твоём плече? Мечтая о мужчине, который никогда не станет моим?

— Я не могу предсказывать, как ты проведешь остаток своей жизни, — сказала Эстель, когда они спустились по лестнице до самого конца и стали проталкиваться через галдящую толпу гостей, — но я знаю, как ты проведешь сегодняшний вечер. Улыбаясь. Кивая. Танцуя. Наслаждаясь искромётным разговором с молодыми людьми в подпитии, которых совершенно не волнуют овцы или лечение кровяной колбасой.

— А что мы сегодня здесь празднуем? Лошадь лорда Эпли выиграла ещё один забег в Ньюмаркете? — Сесиль, как и Эстель, знала, что известные лондонские устроительницы приемов легко ухватывались за любой повод, чтобы скрасить долгие, унылые месяцы между светскими сезонами.

Эстель пожала плечами.

— Я только знаю, что это имеет отношение к Наполеону и его угрозе устроить нам блокаду. Леди Эпли решила устроить бал в честь офицеров, которые завтра уплывают спасти нас от ужасной жизни без бельгийских кружев и турецкого инжира. Почему бы тебе не считать этот вечер жертвой ради благородного дела?

— Ты забыла, — легкомысленно сказала Сесиль, скрывая внезапно возникшую в сердце боль, — что я уже отдала свой долг королю и стране.

— Пожалуй, что так. — Эстель задумчиво вздохнула. — Счастливица. О, посмотри! — воскликнула она, привлеченная видом лакея в ливрее, пробирающегося через толпу с серебряным подносом, на котором стояли бокалы с пуншем. — Раз уж мы пока не попались на глаза ни одному празднующемуся джентльмену, думаю, мы можем взять себе пунша. Жди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Сесиль с трудом удержалась, чтобы не запротестовать, а Эстель уже растворилась в толпе, только белый муслиновый шлейф её платья вспорхнул за её спиной.

Она оглядела переполненный зал с неловкой улыбкой на губах. Эстель настояла, чтобы она заплела в свои шелковистые волосы красивую ленту в цвет своего персикового платья.

Хотя танцы ещё не начались, струнный квартет уже разогревался на балконе в дальнем конце зала. Сесиль как раз поймала на себе многообещающий взгляд одного молодого ополченца, когда одинокий скрипач начал подбирать горестные ноты «Барбары Аллен».

Сесиль закрыла глаза, ярко вспомнив другой зал для балов и другого мужчину.

Когда она открыла их, молодой солдат уже проталкивался через толпу к ней. Она отвернулась, думая только о том, как сбежать.

С её стороны было ошибкой позволить Эстель уговорить её придти на этот прием. Она

оглядела толпу, но подруги не оказалось в поле зрения. Ей надо просто найти их коляску и потребовать, чтобы кучер немедленно отвез ее в городской дом Карстейрсов. Он позже сможет вернуться за Эстель.

Глянув через плечо и обнаружив, что солдат все еще пытается к ней подойти, она заспешила к лестнице, с силой припечатывая спадающие туфли.

— Девочка, осторожней! — возмутилась недовольная матрона.

— Пожалуйста, простите, — пробормотала Сесиль, протискиваясь мимо приземистого мужчины с красным носом — картошкой.

Наконец она выбралась из толпы, едва не дрожа от облегчения, что оказалась около лестницы. Всего несколько шагов, и она будет свободна.

Уже ощущая, как огромный камень падает с ее плеч, она посмотрела на вершину лестницы и поняла, что смотрит прямо в насмешливые зеленые глаза цвета морской волны.

*«Мой дорогой Габриэль,
(Да, я сказала это! Надеюсь, теперь Вы удовлетворены!)»*

* * *

Габриэль Ферчайлд стоял на вершине лестницы, облаченный в полную парадную форму офицера Королевского флота. На нем был темно — синий китель с медными пуговицами, в отвороты которого была продернута узкая белая лента. Простой синий платок сменил его обычный гофрированный. Его жилет, рубашка и бриджи до колена были ослепительно белого цвета, а узкие икры облегали сверкающе — черные гессенские сапоги. Его золотистые волосы оставались старомодно длинными и были собраны сзади ремешком.

Его появление встретил ропот голосов и восхищенные взгляды. Как и предсказывала Эстель, его щрам только добавил ему таинственности, делая его еще более решительной и героической фигурой. Только Сесиль знала, каким героем он был на самом деле. Если бы он не спас ее, рискуя своей жизнью, она сейчас не стояла бы у подножья этой лестницы.

У нее сжалось сердце, когда она увидела его таким. Она думала, что он возобновит фривольный образ жизни, которым он наслаждался до того, как они встретились в приеме у леди Лэнгли. Но сейчас это был совсем другой Габриэль — более мрачный и в каком — то смысле еще более неотразимый.

Какая — то безрассудная часть ее почти желала, чтобы он узнал ее как Саманту, а не как Сесиль. Она скорее согласилась бы увидеть в его глазах ненависть, чем видеть, что он смотрит на нее так, словно она значит для него меньше какой — нибудь незнакомки.

Она застыла, словно примерзнув к полу, когда он стал спускаться по лестнице. Но он изящными шагами шел прямо на нее, так, словно снова ослеп.

Ее глаза расширились. Это не могло быть ошибкой. Ей только что нанесли удар изящным финтом фехтовальщика. Она даже глянула на свой лиф и с удивлением обнаружила, что он не запятнан кровью ее сердца.

— Простите, мисс?

Сесиль повернулась и посмотрела в нетерпеливое лицо юного ополченца.

— Я знаю, что нас еще не представляли друг другу официально, но подумал, что, быть может, вы согласитесь со мной потанцевать?

Уголкем глаза Сесиль видела, что Габриэль здоровается с хозяйкой приема, и, улыбаясь, подносит к губам ее руку. Опасный поток брошенного вызова забурлил в ее венах.

— Конечно, я согласна, — сообщила она молодому человеку, вкладывая свои обтянутые перчатками руки в его.

К счастью, бодрые такты контрданса сделали невозможным продолжение разговора. Даже когда они присоединились к разухабистому ряду танцующих, она остро чувствовала каждый шаг, который делал Габриэль, каждую руку, которую он целовал, каждый голодный взгляд, которым его награждали самые самоуверенные из женщин. Следить за ним было не трудно. Его голова и плечи возвышались над большинством мужчин в комнате.

И все это время он, казалось, не бросил на нее ни единого взгляда ... и не единой мысли.

Она потеряла его из виду, как раз когда музыканты заиграли первые позванивающие ноты старомодного менуэта. Проведя танцоров через замысловатый набор па, музыка

завучала в новом ключе, подавая сигнал сменить партнеров. Благодарная возможности сбежать от ополченца с потными ладонями, Сесиль изящно повернулась вокруг своей оси.

И внезапно оказалась с Габриэлем лицом к лицу, рукой к руке, ладонью к ладони. Она с трудом переглотнула, наполовину ожидая, что он сейчас развернется и проигнорирует ее перед всем обществом.

— Мисс Марч, — пробормотал он, тем самым доказывая, что не настолько был безразличен к ее присутствию, как показывал.

— Лорд Шеффилд, — светски ответила она, когда они осторожно встали в пару.

Даже сквозь перчатку она чувствовала жар его руки. Она пыталась не вспоминать нежность, с которой он раньше прикасался к ней, потрясающее удовольствие, которое его руки дарили ей.

Больше всего она боялась, что он может узнать ее голос. Она скопировала строгую интонацию Саманты Викиршем со своей тетушки — старой девы. Но она знала, что ее настоящий голос он слышал не один раз — например, когда она выкрикивала его имя в экстазе.

— Приятно видеть, что вы так хорошо выглядите, — сказала она, намеренно придавая своему голосу хрипловатую интонацию. Это не было трудно сейчас, когда она чувствовала, что тонет в его резком типично мужском запахе. — Ходили слухи том, что к вам удивительным образом вернулось зрение. Я очень рада, что они оказались правдой.

Он посмотрел на нее из — под прикрытых век.

— Возможно, этим вечером нас свела вместе судьба. У меня еще не было возможности поблагодарить вас.

— За что?

— За то, что навели меня в больницу, когда я был ранен.

Сесиль почувствовала, что ее сердце дрогнуло под еще одним искусным ударом фехтовальщика. В первый раз за все время она почти пожалела французов. Этому мужчине лучше не становиться врагом.

Откинув голову, чтобы смотреть ему в лицо, она ослепительно улыбнулась.

— Вам нет надобности меня благодарить. Это был мой долг христианки.

Его глаза потемнели. Казалось, она, наконец, задела его за живое. Но ее триумф был недолгим. Прежде, чем он мог ответить ей, музыка стихла. Последние хрустальные ноты менуэта повисли в воздухе.

Он склонился к ее руке и провел губами по суставам ее пальцев в небрежном поцелуе.

— Было удовольствием возобновить наше знакомство, мисс Марч, хотя мне приходится напоминать себе, как мало я вас на самом деле знал.

Когда квартет заиграл величавые такты австрийского вальса, танцующие стали уходить с площадки, чтобы посплетничать и освежиться. Ничто не очищало зал от танцоров так быстро, как это делал вальс. Никто не хотел, чтобы их даже заподозрили в том, что они умеют танцевать это скандальный танец.

Когда Габриэль выпрямился, Сесиль запаниковала. Еще минута, и он развернется и уйдет от нее и из ее жизни навсегда. На них уже начали бросать любопытные взгляды. Она видела, что Эстель смотрит на них от другой стороны зала, ее лицо было белым, почти как ее платье.

Что у меня есть из того, что я могу потерять? — подумала Сесиль. Мое доброе имя? Моя репутация? Может, общество этого и не знает, но для любого другого мужчины она уже

обеспечена.

И прежде чем Габриэль смог отойти в сторону, она легко положила руку на его рукав.

— Никто раньше не говорил вам, что невоспитанно джентльмену уходить от леди, которая хочет танцевать?

Он посмотрел на нее сверху вниз подозрительно и насмешливо.

— Никому не позволено говорить, что Габриэль Ферчайлд может в чем — то отказать леди.

С этими знакомыми словами он обнял ее за тонкую талию и привлек к себе. Когда он закружил ее в танце, Сесиль закрыла глаза, вдруг осознав, что готова на любой риск, готова заплатить любую цену только ради того, чтобы снова оказаться в его объятиях.

— Должен признаться, я был очень удивлен, увидев вас здесь этим вечером, — сказал он, пока они в одиночестве кружились в танце, а их тела вошли в идеальный ритм. — Я думал, что вы уже замужем за каким — нибудь деревенским сквайром или фермером. Я же знаю, что вы прежде всего цените в мужчинах респектабельность.

Она улыбнулась, на ее щеках появились ямочки.

— Так же, как вы больше всего цените в женщине, чтобы ее легко было соблазнить?

— Это качество, которым вы точно никогда не обладали, — пробормотал он, глядя поверх ее головы.

— В отличие от большинства женщин, которые просто едят вас глазами этим вечером. Может, мне отойти и уступить место в ваших руках одной из них?

— Ценю ваше великодушие, но боюсь, что у меня нет времени на такие развлечения. Я отплываю на «Дифенсе» завтра утром.

Сесиль запнулась об собственную ногу. Если бы он не обнимал ее сейчас, она бы наверняка упала. Заставляя ноги двигаться в ритме танца, она недоверчиво посмотрела на него.

— Вы снова уходите в плавание? Вы совсем с ума сошли?

— Я нахожу ваше беспокойство очень трогательным, мисс Марч, хотя и немного запоздалым. Вам нет никакой нужды забивать свою маленькую головку переживаниями за мою судьбу.

— Но в последний раз, когда вы уходили в море, вы едва не остались там навсегда! Вас чуть не убили! Это стоило вам зрения, здоровья и...

— Я отлично знаю, чего мне это стоило, — мягко сказал Габриэль. Он изучающе посмотрел ей в лицо, и насмешка полностью исчезла из его глаз.

Сесиль отчаянно хотелось коснуться его, прижать руку к его щеке со шрамом. Но нарушенные обещания и разбитые мечты, чьи острые осколки все еще валялись у них под ногами, делали невозможным что — то изменить.

Она опустила глаза и уперлась взглядом в лацкан его мундира.

— Почему вы чувствуете необходимость снова разыгрывать из себя героя? После того, как вы едва не принесли в жертву свою жизнь во имя короля и страны, я думала, что вам уже больше ничего не нужно доказывать.

— Не вам, но, вероятно, кое — кому другому.

— Ах! Я должна была догадаться, что в это вовлечена женщина. — И хотя она знала, что едва ли может ожидать, что он проведет остаток жизни, тоскуя по женщине, которая никогда не существовала, горькая ревность поднялась в ее горле. Было настоящей мукой представлять себе его в объятиях другой женщины, в постели другой женщины,

продельвающим с ней все эти нежные и изощренные вещи, которые он продельвал с ней самой. — Вы всегда готовы пожертвовать всем ради любви, не так ли?

Музыка стихла, заставив их неловко остановиться на середине зала. Сесиль видела косые взгляды в их сторону, любопытствующее бормотание.

На сей раз во взгляде Габриэля была только жалость.

— Я даже не знал, что такое любовь, пока я не встретил — и потерял — мою Саманту. Простите меня за прямоту, мисс Марч, но вы не достойны даже чистить ей обувь.

Отвесив ей краткий поклон, он развернулся и зашагал к лестнице, оставляя Сесиль и всех остальных в зале таращиться ему вслед.

Она еще долго не двигалась с места после его ухода, пока, в конце концов, не прошептала себе под нос.

— Да, думаю, что не достойна.

* * *

Габриэль влетел в свой городской дом, благодаря Богу, что слуги уже спят. Он прошел в гостиную. Кто — то из лакеев оставил гореть огонь в камине, чтобы смягчить ноябрьский холод.

Сбросив промокшее пальто, Габриэль налил себе щедрую порцию скотча из хрустального графина, что стоял на буфете. Когда дымный ликер обжигающей волной прошел по его горлу, он вспомнил другую, скрытую во тьме, ночь, когда он выпил слишком много скотча и собрался покончить со своей жизнью. Саманта вышла к нему из темноты, словно ангел, в ту ночь и дала ему причину и желание жить. Тогда он в первый раз попробовал на вкус ее губы, прижал к себе тепло ее тела.

Он проглотил одним глотком оставшийся в стакане скотч. Высеченная статуя дракона ухмылялась ему со своего стеклянного пьедестала на каком — то столе. Комната была обставлена в китайском стиле, но сегодня — задрапированная темно — красным шелком, с лакированной мебелью и миниатюрными пагодами — она выглядела скорее смешной, чем экзотичной.

Он не хотел признавать, что его настолько вывела из равновесия эта встреча с Сесиль. Он думал, что уже освободился от ее чар. Но когда он увидел ее стоящей у подножья лестницы и напоминающей потерявшуюся и несчастную маленькую девочку, он почувствовал неожиданный толчок.

Она казалась еще более тоненькой, чем он помнил. От вида ее подстриженных локонов он сначала вздрогнул, но потом он понял, что они странным образом идут ей. Они придавали ее красоте зрелость, больше открывали для глаз ее изящную шею и делали еще больше ее светящиеся голубые глаза. А необъяснимая печаль, которую он увидел в них, когда заглянул в глубину, потрясла его сильнее всего.

Габриэль налил себе еще один стакан скотча. Вероятно, он был дураком, когда думал, что новая встреча с ней не окажет на него никакого эффекта. Он провел бесчисленное количество ночей в море с воспоминаниями о ней и обещаниями согреть его, написанными ее рукой. Обещаниями, которые она отвергла этим вечером всего лишь одной колкой насмешкой и улыбкой с ямочками.

Он запустил руку в волосы. Скотч только подстегнул безрассудный жар, бушующий в его венах. Раньше он бы просто нашел облегчение в руках умелой куртизанки или оперной балерины. Теперь же те, кто мог бы его утешить, оказались призраками двух женщин, которых он когда — либо любил.

Во входную дверь постучали, Габриэль вздрогнул.

— Кто, дьявол его заberi, может придти в такой час? — пробормотал он, шагая через холл.

Рывком он открыл дверь. На пороге стояла женщина, закутанная в плащ, с лицом, закрытым капюшоном. На какой — то предательский момент его сердце дико забилося от надежды. Потом она откинула капюшон и открыла короткие завитки цвета меда и пару осторожных голубых глаз.

Он глянул на улицу за ее спиной, но на ней не было ничего похожего на карету или наемный экипаж. Словно она материализовалась прямо из клубящегося тумана.

Пульс Габриэля предупреждающе гулко забился. Он должен отослать ее, захлопнуть дверь перед ее прекрасным личиком. Но дьявол, сидящий у него на плече, подтолкнул его прислониться к дверному косяку, скрестить руки на груди и осмотреть ее с ног до головы с наводящей на размышления дерзостью.

— Добрый вечер, мисс Марч, — протянул он. — Вы приехали станцевать еще один танец?

Она посмотрела на него, ее лицо выражало осторожность и надежду.

— Я хотела узнать, не могли бы мы поговорить?

Он отступил в сторону, пропуская ее внутрь. Когда она вбежала в дом мимо него, он задержал дыхание, стараясь не вдохнуть цветочный аромат, который вился от ее волос и кожи. Он прошел за ней в гостиную, вспоминая, сколько раз он мечтал о том, чтобы остаться с ней наедине — с мечтой, которая стала явью слишком поздно.

— Мне взять ваш плащ? — предложил он, стараясь не замечать, как идеально изумрудный бархат оттеняет персиковый оттенок ее кожи.

Ее тонкие пальцы поиграли с шелковыми тесемками у нее на горле.

— Нет, спасибо. Мне все еще немного прохладно. — Она уселась на край стула, покрытого оранжевым шелком, и нервно покосилась на пару рычащих драконовых масок из закаленного железа.

— Не волнуйтесь. Они не кусаются, — заверил ее Габриэль.

— Это утешает. — Она оглядела комнату, убранную в пышном декадентском стиле. — На какой — то момент я подумала, что забрела в опийное логово.

— У меня много недостатков, но употребление мака в них не входит. Вы хотели бы что —нибудь выпить?

Она сняла перчатки и сложила руки на коленях.

— Да, спасибо.

— Боюсь, что все, что у меня есть, это скотч. Если хотите, я могу разбудить кого —нибудь из слуг, и вам принесут шерри.

— Нет! — Она смягчила свой испуганный протест дрожащей улыбкой. — Я совсем не хочу их беспокоить. Скотч отлично подойдет.

Габриэль налил их обоим скотча. Он внимательно смотрел на ее лицо, когда она сделала первый глоток. У нее на глазах выступили слезы, она с трудом сдержалась, чтобы не закашляться. Как он и подозревал, скорее всего, она в первый раз в жизни пила такой крепкий напиток как скотч. Он думал, что она вежливо отставит стакан в сторону, но она снова поднесла его к губам и одним глотком осушила весь остававшийся там скотч.

Его глаза широко раскрылись. Что бы она ни собиралась ему сказать, кажется, эти слова требовали принять хорошую дозу для храбрости.

— Вам налить еще стакан или просто принести бутылку?

Она отмахнулась от его предложения. От ликера у нее на щеках выступил румянец, а в глазах сверкнули опасные искорки.

— Нет, спасибо. Думаю, что мне достаточно.

Габриэль опустился на одну из сторон широкого дивана, уперся локтями в колени и поболтал скотч в своем стакане. Он был не в настроении обмениваться шутками и вести светскую беседу.

После нескольких неловких минут Сесиль выпалила:

— Я знаю, что вы можете счесть, что мой визит немного нарушает традиции, но я должна была увидеть вас до вашего завтрашнего отъезда.

— А к чему такая внезапная срочность? Вы имели возможность увидеться со мной весь прошлый год, просто заехав в Ферчайлд — Парк.

Опустив глаза, она завертела в руках перчатки.

— Я не была уверена, что меня примут. И я не стала бы вас винить, даже если бы вы спустили на меня собак.

— Не смешите. Гораздо более эффективно было бы приказать моему егерю вас застрелить.

Она покосилась в него, словно пытаясь понять, шутит он, или нет. Габриэль даже не моргнул глазом.

Она глубоко вздохнула.

— Я приехала сюда сегодня, чтобы сообщить, что я хочу принять ваше предложение.

— Простите? — он подался вперед, думая, что, должно быть, ослышался.

— Однажды вы просили меня стать вашей женой. — Она поднялась, открыто встречая его пристальный взгляд. — Я хотела вернуться к этому предложению.

С минуту он недоверчиво смотрел на нее, а потом рассмеялся. Смех сотрясал его настолько, что он встал и в изнеможении прислонился к каминной полке, чтобы отдышаться. Он так не смеялся с тех пор, как из его жизни исчезла Саманта.

— Вам придется простить меня, мисс Марч, — выговорил он, вытирая глаза. — Я уже забыл, какой у вас острый язычок.

Она поднялась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Я не шутила.

Ее слова разом отрезвили Габриэля. Он поставил свой скотч на каминную полку.

— Ну, что ж, тогда жаль, что не шутили, потому что я считал, что совершенно ясно дал вам понять, что у вас больше нет никаких прав на мое сердце.

— Я думаю, ваши точные слова были «Я даже не знал, что такое любовь, пока я не встретил — и потерял — мою Саманту».

Он сузил глаза, опасно близко подходя к тому, чтобы возненавидеть ее.

Она шагала назад и вперед по комнате, подметая восточный ковер краем плаща.

— Ничто не мешает нам пожениться сегодня ночью. Мы можем сбежать в Грента — Грин, как вы когда — то просили меня.

Габриэль повернулся к ней спиной и перевел взгляд на танцующие языки пламени в очаге, он больше не мог выносить ее прекрасное и вероломное лицо.

Цветочный аромат ее духов окутывал его, это был тот же богатый запах гардении, которой пахли ее письма, которые он носил под сердцем все эти долгие и одинокие месяцы в море. Он почувствовал, как ее рука задела рукав его мундира.

— Раньше вы хотели меня, — тихо сказала она. — Вы будете отрицать, что все еще хотите?

Он резко развернулся к ней лицом.

— О да, я все еще хочу вас. Но только не в качестве своей жены.

Она отшатнулась, но он пошел на нее, заставляя мелкими шажками пятиться в центр комнаты.

— Боюсь, что я больше уже не подыскиваю себе жену, больше не нахожусь на рынке, так сказать, мисс Марч, но я был бы совсем не против сделать вас своей любовницей. Я мог бы устроить вас в какой —нибудь симпатичной квартирке неподалеку и получать удовольствие в вашей постели всякий раз, когда мое судно будет возвращаться в порт. — Габриэль знал, что ведет себя как подонок, но уже просто не мог остановиться. Вся горечь, которую он носил в сердце со времени Трафальгара, выплеснулась единым едким потоком. — Вам не придется волноваться о материальном положении. Я могу быть очень щедрым, особенно, если меня будут хорошо удовлетворять. И вам даже не придется чувствовать себя виноватой, принимая мою щедрость. Могу вас заверить, что вы заработаете каждую свою экстравагантную безделушку, каждые бриллиантовые сережки, и каждое рубиновое ожерелье — либо в положении на спине, — он перевел взгляд на ее дрожащие губы, — либо в положении на коленях.

Габриэль подался вперед, ожидая, что она даст ему пощечину и с криком побежит к двери.

Но вместо этого она подняла руку и потянула за завязки плаща у себя на горле, позволяя ему соскользнуть с плеч на пол.

«Моя дорогая Сесиль,

Я не буду удовлетворен, пока Вы не окажетесь в моих объятиях навсегда...»

** * **

При свете камина Сесиль стояла перед ним в одной шелковой сорочке, чулках на подвязках и туфлях персикового цвета, ленты от которых обхватывали ее тонкие лодыжки, и выглядела чистым вызовом.

Она была совершенной, превосходя все, что могло предложить ему воображение — округлые бедра, тонкая талия, высокая грудь. Тонкую сорочку, вероятно, ткали бабочки, настолько прозрачной была ткань. От дразнящих затемнений там, где просвечивали ее соски и соединялись ее бедра, у него пересохло рту, а тело напряглось.

Он медленно обошел вокруг нее, наслаждаясь изящностью ее икр, пышной округлостью ее задней части.

Когда он, пройдя полный круг, снова оказался к ней лицом, их взгляды встретились.

— Ваши туфли очень милы, но должен сказать, что в вашем приданом невесты кое — чего недостает.

— Недостает для приданого невесты, возможно, — парировала она, выглядя, несмотря на недостаток одежды, дерзкой, словно юная королева, — но не для приданого любовницы.

Габриэль потряс головой, пытаясь осмыслить новый и такой ошеломляющий поворот. Он не ожидал, что она раскроет его блеф, особенно таким драматическим способом.

Он изучил ее лицо, зачарованный противоречивыми эмоциями, которые он видел в ее прекрасных голубых глазах.

— Вы приехали ко мне не для того, чтобы выйти за меня замуж, да, мисс Марч? Вы приехали, чтобы соблазнить меня.

— Я разумно решила, что если я не смогу преуспеть в одном, то у меня выйдет в другом.

— Ну, так вы неправы, — решительно сказал он. Подняв с пола ее плащ, он набросил его ей на плечи. Потом пошел к двери, желая показать ей выход раньше, чем его решимость подвергнется испытанию. — Я уже говорил вам, что теперь мое сердце принадлежит другой женщине.

— Ее здесь сегодня нет, — тихо сказала Сесиль. — А я есть.

Габриэль замер на полпути, прижав руку к пульсирующему лбу.

— Я хочу предупредить вас, мисс Марч, что вы испытываете судьбу и мое терпение. Вы знаете, как долго я пробуду в море после завтрашнего отплытия? Ночи в плавании обычно очень одинокие и холодные. Большинство матросов из моей команды, вероятно, проведут сегодняшний вечер, как похотливые животные. И они не будут слишком разборчивы в женщинах в своей постели. Любая, кто согласится, подойдет.

— Тогда притворитесь, что я — любая.

Габриэль медленно повернулся.

Она вышла из пятна вновь упавшего плаща, скользя к нему, словно видение из его самых дерзких фантазий.

— Или, лучше, признайте, что я женщина, которая должна заплатить за то, что разбила ваше сердце. Разве не этого вы хотели с тех пор, как я сбежала из больницы в тот день? Наказать меня?

Больше не в силах сопротивляться искушению, Габриэль положил ладонь ей на шею, его большой палец ласково коснулся бешено бьющейся жилки у нее на горле. О да, он мог бы наказать ее, все верно. Но не болью, а удовольствием. Удовольствием, которого она раньше никогда не испытывала. Удовольствием, которое она больше никогда не испытает. Удовольствием, которое будет преследовать ее все ночи — и со всеми любовниками, которые у нее будут.

Он опустил голову, но прежде, чем его губы смогли пройти по ее мягкой коже, она отвернулась.

— Нет! Я не хочу, чтобы вы целовали меня. В любом случае, вы имели в виду не это.

Он нахмурился, озадаченный ее горячностью.

— Большинству женщин требуется некоторое количество поцелуев, прежде чем они позволят мужчине перейти к ... хм, более приятному.

— Я не большинство женщин.

Он провел рукой по волосам.

— Я начинаю это понимать.

— У меня есть еще два условия.

— Неужели?

— Не позволяйте огню погаснуть и не закрывайте глаза. — Она обвиняюще посмотрела на него. — Вы обещаете, что не будете закрывать глаза?

— Даю вам слово джентльмена, — ответил он, на данный момент совершенно не чувствуя себя таковым.

Ее условия не требовали от него большой жертвы. Она выглядела такой прекрасной при свете камина, что он не мог отвести взгляд. Одним из его самых больших сожалений о слепоте было то, что она не позволила ему увидеть в похожей ситуации Саманту.

Когда Габриэль шагнул к камину, Сесиль осталась стоять посреди гостиной, стараясь не дрожать в одной тонкой сорочке и чулках. Рубашка натянулась на его широких плечах, когда он стал вытаскивать полено побольше, чтобы оно могло гореть в топке всю ночь, и подбросил его в огонь. Отряхивая руки, он повернулся и посмотрел на нее сквозь пляшущие тени голодным взглядом.

Стоять перед Габриэлем в одной сорочке, пока он сам полностью одет, было очень неприятным ощущением. Сесиль чувствовала себя, словно девочка — рабыня на аукционе, чья жизнь зависит от ее умения понравиться хозяину.

Используя это умение, она через голову стянула сорочку и отбросила ее, оставшись в одних чулках и туфлях. Из горла Габриэля вырвался гортанный звук. Потом он приблизился к ней, его решительные шаги сократили расстояние между ними до минимума.

— Я никогда не люблю вас, — предупредил он, опуская ее на диван и ложась сверху.

— Меня это не волнует, — яростно прошептала она, глядя ему прямо в глаза.

И ее действительно это не волновало. Все, что она хотела — это еще один шанс любить его, прежде чем он завтра выйдет в море.

Он приподнялся, чтобы стянуть с себя жилет, содрать воротник и галстук с шеи. Когда ее руки оказались на его теле, они разорвали крючки на его рубашке и раздвинули ее ткань, чтобы погладить его золотистую грудь, прошлись кончиками пальцев через упругие завитки волос.

Когда тень Габриэля упала на нее, она отвернулась и легла щекой на подушку, чтобы не подвергать губы искушению.

— Когда вы сказали, что не хотите, чтобы я вас целовал, — сказал он чуть хрипловато, — я предположил, что вы имели в виду именно губы.

Его приоткрытый рот заскользил по ее шее, заставляя встать дыбом каждый волосок на ее теле. Она зажмурилась от волны беспомощного желания.

— Не закрывайте глаза, — приказал он, его голос был столь же груб, сколь было нежным прикосновение. — У меня тоже есть несколько условий.

Она повиновалась и увидела, что он опускает рот к ее груди. Ее сосок сжался под его языком, принимая и его поцелуи и пульсирующие токи удовольствия, которые проходили от них в самую глубину ее тела. Он переносил поцелуи от одной груди к другой, пока они обе не стали влажно поблескивать и не отяжелели от желания.

И только тогда его искусный рот скользнул ниже, рассыпая нежным и мягкие шепотом поцелуи по чувствительной коже вдоль ее ребер, округлому бедру и потрагивающей полоске плоти над самым золотистым треугольником завитков между ногами. Потом он опустился на колени и подтянул ее бедра к самому краю дивана, она была слишком слабой от наслаждения, чтобы сделать что — то, кроме стога нерешительного протеста.

Его большие горячие руки развели ее бедра, делая совершенно беззащитной перед ним, полностью открытой перед его голодным взглядом. Одно из поленьев в камине стрельнуло и осветило комнату снопом огненных искр. В этот момент Сесиль чуть не пожалела о своих легкомысленных условиях. Но она боялась, что в темноте Габриэль узнает вкус ее поцелуя или чувствительный ритм ее тела,двигающегося в ней.

— Ты всегда была чертовски привлекательной, — прошептал он, глядя на нее так, словно она была священным сокровищем.

Когда он опустил голову, его золотистые волосы выбились из ленты, которой были перевязаны, и ее глаза сами собой закрылись.

— Открой глаза, Сесиль. — Она открыла глаза и увидела, что он оглядывает все ее тело сверху донизу взглядом яростным, но не жестоким. — Я хочу, чтобы ты видела.

Она успела заметить несколько неуместных деталей, таких, как свой наполовину съехавший к лодыжке чулок или все еще надетые на ней туфли, прежде чем Габриэль коснулся своим ртом ее и начал целовать самым запретным поцелуем из всех возможных. Ее хныканье превратилось в стон. Все перестало существовать, кроме опаляющего жара его рта, доводящих до безумия движений языком и острого ощущения, что она растворяется в океане экстаза.

Когда волны накрыли ее с головой, заставляя ее дрожать от восторга и поджимать пальцы ног внутри туфель, она хрипло выкрикнула его имя голосом, который едва сама узнавала.

Сквозь восхитительный туман она смотрела, как он рывком открывает клапан на своих бриджах. У нее перехватило дыхание, когда она увидела, как сильно он хочет ее. Оставаясь на коленях между ее ног, он широко развел ей бедра и глубоко вошел в нее.

Габриэль слышал судорожный выдох Сесиль, видел, как закатились ее глаза, но не от боли, от удовольствия. Даже несмотря на то, что ее напряженное тело изо всех сил старалось сомкнуться вокруг него, он стиснул зубы от безумно болезненного удара разочарования. Он должен был быть благодарен, что она не была невинна. Это означало, что он может не сдерживаться; она была достаточно женщиной, чтобы принять все, что он мог дать ей. Обхватив ее за плечи, он приподнял ее и посадил на себя верхом.

Сесиль обхватила Габриэля руками и ногами, вобрав в себя всю длину его жезла.

— Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя. — Эти слова пробегали в ее голове, словно бесконечная песня. Боясь, что может произнести их вслух, она спрятала лицо у него на шее, пробуя на вкус солоноватую теплоту его увлажненной потом кожи.

Точно так же она отказала ему в поцелуе в губы. Он мог бы ощутить эти слова в ее поцелуе, так же как сейчас чувствует беспомощные слезы, которые текут по ее щекам. Она протерлась щеками об него, осушая их об его волосы.

Габриэль снова опустился на пол и стал опускать ее себе на колени, пока она не оседлала его, насадив себя на его жезл по самую рукоятку.

— Посмотри на меня, Сесиль, — потребовал он.

Дрожа от эмоций, она посмотрела в глубину его глаз и увидела в их окаймленных золотом глубинах эхо того же нежного безумия, что захватило ее собственную душу. Он стал двигаться внутри нее, и она стала двигаться вслед за ним, они двигались как одно целое, а огонь в камине придавал их плоти оттенок золота. И за все это время Габриэль ни разу не нарушил обещание, он не закрывал глаза и не отрывал от нее взгляда.

Он твердо придерживался данного слова до самого последнего момента, пока ритм его толчков не заставил их обоих рухнуть через пропасть экстаза к сладкому забвению. И только тогда, крепко обхватив ее руками, а тело погрузив в нее до самой матки, он смог откинуть голову и закрыть глаза. И только тогда имя женщины хриплым ревом сорвалось с его губ.

Сесиль бессильно упала на него сверху, качаясь на волнах удовольствия и триумфа. В этот момент, когда Габриэль капитулировал перед темнотой, ее имя, а не Саманты, было в его сердце и на его губах.

* * *

Габриэль проснулся с Сесиль в его объятиях. Ее взъерошенные волосы щекотали ему подбородок, а каждый нежный вздох, вырывавшийся из полуоткрытых губ, касался волос на его груди. Он провел столько одиноких ночей, представляя себе этот момент, но никогда не понимал, насколько одновременно сладким и горьким он будет, когда наконец настанет.

Она стала нежно похрапывать, и он погрузил руку в ее волосы. Неудивительно, что она так глубоко спала. Ее тело, вероятно, очень устало от его жадных знаков внимания. Он хорошо исполнил данную себе клятву, не потратить впустую ни единого момента своей последней ночи на суше. Он использовал нежное молодое тело Сесиль все эти долгие ночные часы, чтобы потакать своим самым низменным желанием и ее самым сладким фантазиям. Огромное полено, которое он бросил в огонь, уже сгорело до тлеющих угольков. Но не было причины добавлять еще одно. Безмолвный рассвет уже просачивался в щелку между тяжелыми бархатными портьерами.

Он потянулся накрыть ее бархатным плащом, только сейчас начиная осознавать, каким дураком был. Он заставил себя поверить, что эта ночь будет ночью мести, что он может наказать ее удовольствием, заняться с ней любовью без любви, а потом просто позволить уйти. Но это оказалось сложнее, чем он рассчитывал. Он коснулся губами ее волос, думая о том, возможно ли любить двух женщин одновременно.

Она пошевелилась и, подняв голову, посмотрела на него, сонно моргая голубыми глазами.

— Так сколько бриллиантовых сережек я уже заработала?

— Очень много. — Он нежно погладил ее по щеке, чувствуя болезненный приступ сожаления. — Я не должен был говорить такие ужасные вещи. Я просто пытался напугать тебя.

— Это не сработало.

— И Слава Богу, — прошептал он, еще крепче обнимая ее.

Но она выскользнула из его рук вместе с плащом. Дразнящая мягкость ее груди прошла вниз по его телу. К моменту, когда они коснулись его мужественности, он был уже донельзя возбужден. Снова.

Когда он запустил пальцы в ее волосы и подтянул ее голову вверх, чтобы их взгляды оказались на одном уровне, его дыхание стало частым и быстрым.

— Дьявол, ты думаешь, что ты делаешь, женщина?

— Пытаюсь заработать рубиновый кулон, — пробормотала она, сладко улыбнувшись, прежде чем опустить голову и обхватить его своими сочными губами.

* * *

Когда Габриэль проснулся снова, кинжал яркого солнечного света бил через щель в портьерах, а Сесиль с ним уже не было.

Он сел и затуманенным взглядом обвел гостиную. От огня в камине остался только пепел, и в комнате стоял ледяной холод. За исключением полупустого стакана скотча на каминной полке и его собственной одежды, разбросанной по полу, гостиная выглядела точно так же, как вчера вечером, когда он пришел домой. Никакой скомканной женской сорочки, никакого бархатного плаща, никакой Сесиль.

Если бы он сейчас не ощущал на губах ее вкус, то сам мог бы подумать, что вся ночь была просто беспокойным сном из — за выпитого скотча.

— Только не это снова, — пробормотал он, свешивая ноги с края кровати и опуская голову на руки.

И что теперь ему делать? Выходить и прочесывать улицы Лондона в поисках ее? Доводить себя до безумия, размышляя о том, почему она сначала так нежно его любила, а потом ушла, даже не оглянувшись? Саманта, по крайней мере, не настолько торопилась и оставила записку, прежде чем навсегда уйти из его жизни.

— Черт ее побери. Он поднял голову, чувствуя, что холод из воздуха глубоко обосновался в его сердце. — Черт побери их обеих.

«Мой дорогой Габриэль,

Нет места предпочтительней для меня, чем Ваши объятия...»

** * **

Сесиль смотрела в окно кареты на пролетающие мимо луга и живые изгороди, с болью осознавая, что каждый оборот колес экипажа все дальше уносит ее от Лондона. И от Габриэля.

Учитывая, что ее последнее путешествие в Мидлсекс проходило в наемном экипаже, где орущий младенец заплывал весь ее лиф, а толстый кузнец отдавливал ей ногу, кто — то мог бы решить, что она оценит экстравагантную роскошь городского экипажа Карстейрсов. Но она совершенно не обращала внимания ни на его шикарные подушки и медные ручки, ни на взволнованные взгляды подруги.

Природное жизнелюбие Эстель не могло состязаться с саваном мрака, который окутывал Сесиль. Когда экипаж прогрохотал по арочному каменному мосту, казалось совершенно естественным, что низкие облака вот — вот начнут плевать первыми снежинками сезона.

— Я все еще не могу поверить, что ты так дерзко предложила ему жениться, — сказала Эстель, бросая на подругу восхищенный взгляд.

— Я не предлагала. Я приняла его предложение. К сожалению, оно было отозвано.

— А если бы он согласился сбежать в Грента — Грин? Когда бы ты сказала ему, что являешься его потерянной Самантой?

— Я не знаю. Но я уверена, что подходящий момент появился бы когда — нибудь. Возможно, после рождения нашего третьего ребенка или в нашу пятидесятую годовщину брака. — Сесиль на мгновение закрыла глаза, ясно представив себе детский смех, который она никогда не услышит, и полные радости дни в объятиях мужа, которые никогда не наступят.

Эстель покачала головой. — Не могу поверить, что он возвращается в море.

— А почему? — горько спросила Сесиль. — Он хочет стать героем для своей драгоценной Саманты. В последний раз, когда он выходил в море, это едва не стоило ему зрения. Интересно, чего это будет стоить ему на этот раз. Глаза? Руки? Жизни?

Она прислонилась щекой к окну, борясь с отчаянием. Она поощряла Габриэля стать героем, а сама была отчаянной трусихой. Она убежала от его любви в самом начале, боясь верности его сердца. Потом она сбежала из больницы, не в силах посмотреть в лицо последствиям своей трусости. Она сбежала из его объятий в Ферчайлд — Парке, и вот теперь снова бежит.

Но только на этот раз ей придется бежать всю оставшуюся жизнь, даже если это означало, что она нигде не сможет найти покоя.

— Больше никогда, — прошептала Сесиль.

— Прости?

Сесиль выпрямилась на сидении.

— Разверните карету.

— Что? — спросила Эстель, изо всех сил пытаясь понять, о чем она говорит.

— Прикажи кучеру развернуть карету! Немедленно! — слишком нетерпеливая, чтобы

ждать, когда ее подруга уловит смысл ее скачущих мыслей, Сесиль схватила стоящую в углу трость и забарабанила ею по обитой шелком панели в передней стенке экипажа.

Карета резко остановилась. Панель отъехала в сторону, и в открывшемся проеме появилось изумленное лицо кучера, с красным от холода носом.

— В чем дело, мисс?

— Я должна вернуться в Лондон. Разверните карету немедленно!

Кучер бросил на Эстель осторожный взгляд, словно спрашивая, не следует ли отвезти ее подругу с безумными глазами прямо в Бедлам^[9].

— Делайте, как она говорит, — приказала Эстель, и ее глаза засияли. — Что бы она ни сказала.

Тот неохотно кивнул Сесиль.

— Куда, мисс?

— К докам в Гринвич. И поспешите! От этого, возможно, зависит жизнь одного мужчины!

Карета дернулась и пришла в движение, заставляя Сесиль опрокинуться на сидение. Отчаянно нуждаясь хоть в соломинке надежды, она сжала руку Эстель, и дрожащая улыбка появилась на ее губах.

— И жизнь одной женщины.

* * *

Лейтенант Габриэль Ферчайлд стоял в форме перед зеркалом в студии своего городского особняка. Он поправлял на шее темно — синий галстук, неприятный разрез его щрама опускал уголок рта, а сам рот выглядел так, словно не знает, что такое улыбка.

Его лицо враг не захотел бы увидеть напротив своей винтовки, меча или пушки. Это было лицо мужчины, рожденного воевать, а не любить. Никто бы не предположил, что эти строгие губы и сильные руки провели большую часть прошлой ночи, с нежностью заставляя женщину испытывать один экстаз за другим.

— Милорд?

Габриэль повернулся на звук железных колес, катящихся по ковру. Никто бы не узнал в мужчине, с прямой спиной сидящего в инвалидном кресле, истощенного нищего бродягу, которого Габриэль нашел под дождем около полутора месяцев назад. Его губы потеряли синеватый оттенок, а щеки и грудь уже не выглядели ввалившимися. Со своим превосходным почерком и математическими способностями Мартин Уорт оказался самым способным секретарем, который когда — либо был у Габриэля. Он полностью передоверил бывшему мичману управление своим домашним хозяйством на то время, пока будет в море.

Габриэль быстро отмел неумеренную благодарность Мартина. Если бы не странный поворот судьбы, он сам мог бы оказаться на улице без ног и был бы обречен провести остаток своей жизни в инвалидном кресле.

Убрав с глаз блестящие темные волосы, Мартин произнес:

— Вас хотят видеть, милорд. — И прежде, чем сердце Габриэля смогло совершить предательский скачок, он добавил, — мистер Беквит и миссис Филпот.

Габриэль нахмурился, не представляя, какое срочное поручение могло вытащить его преданных слуг из Ферчайлд — Парка. После рысканья вместе с Габриэлем по трущобам Лондона в поисках Саманты Беквит поклялся, что ноги его больше не будет в Лондоне, пока это будет от него зависеть.

— Спасибо, Мартин. Скажи им, пусть заходят.

Лакей увез Мартина в его кресле, и в студию суетливо вошли Беквит и миссис Филпот. После теплых приветствий они сели на обитый парчой диван, предпринимая все возможные попытки сохранять с ним достойную дистанцию. Габриэль остался стоять спиной к камину.

Миссис Филпот сняла перчатки.

— Мы не были уверены, если должны беспокоить из — за этого дела...

... но вы просили, чтобы мы информировали вас, если в спальне мисс Викаршем обнаружится что — нибудь необычное, — закончил за нее Беквит.

Мисс Викаршем.

Это имя воткнулось в лед, который окружал сердце Габриэля, как горячая игла. Он сомкнул руки за спиной, чувствуя как напряглась его челюсть.

— Я как раз собирался послать вам указания, что вы можете сжечь ее вещи. Очевидно, что у нее нет намерений возвращаться за ними.

Беквит и миссис Филпот обменялись тревожными взглядами.

— Как по — ж—желаете, милорд, — запинаясь, произнес Беквит. — Но думаю, что вы сначала должны взглянуть вот на это. — Он вытащил из кармана жилета свернутый листок бумаги. — Ханна и Элси перетряхивали матрац в спальне мисс Викаршем, когда нашли его.

Габриэль попытался не вспоминать ночь, когда он разделял с ней тот смехотворно узкий матрац и как эта узость заставила их жаркие тела лечь рядом, как ложки в ящике.

Он глянул на бумагу в руке Беквита, со странным нежеланием ее читать.

— Безусловно, она не оставляла мне еще одной записки. Ее первая была весьма красноречива. Едва ли к ней требовалось что — то добавлять.

Беквит покачал головой.

— Именно поэтому мы решили, что оно так необычно, милорд. Это письмо не вам. Это письмо от вас.

Еще сильнее нахмурившись, Габриэль взял свернутое письмо из руки Беквита. На бумаге цвета слоновой кости виднелись следы застывшего воска. Письмо было еще сильнее истерто, чем те, что он сам носил под сердцем в сражениях. Казалось, что бумагу часто и с любовью поглаживали нежные пальцы.

Габриэль развернул его, он с первого взгляда узнал свой твердый почерк и свои, еще более твердые, слова.

* * *

«Моя дорогая Сесиль,

Это письмо на долгое время будет последним официальным письмом от меня. И, хотя я больше не смогу вам писать, я хочу, чтобы Вы знали, что я буду писать слова любви к Вам в своем сердце каждую ночь, которую мы будем в разлуке, с тем, чтобы прочитать их Вам, когда мы, наконец, будем вместе.

Теперь, когда я принял Ваш совет и передал права на свою пустую и бесполезную жизнь Службе Его Величества, я надеюсь, что Вы не будете смеяться и обвинять меня, что я отправился в море, только чтобы доказать своему портному, как потрясающе я могу выглядеть в форме.

За те долгие месяцы, которые мы проведем в разлуке, я постараюсь стать мужчиной, который будет достоин Вашей любви. Я никогда не делал тайн из своей привязанности к азартным играм. И теперь я играю на самую драгоценную ставку — Ваше сердце и Вашу руку в супружестве. Ждите меня, умоляю вас, и знайте, что я вернусь к Вам, как только смогу. Я ношу Ваши письма и все свои надежды на наше будущее рядом с сердцем.

Всегда Ваш,

Габриэль».

* * *

Габриэль медленно опустил письмо, с удивлением заметив, что у него дрожат руки.

— Откуда вы его взяли? Вы нашли его где — то в доме, или на улице на крыльце?

Они посмотрели на него так, словно он сошел с ума.

— Нет, милорд, — сказала миссис Филпот, бросая взволнованный взгляд на Беквита. —

Мы нашли его именно там, где и сказали. Под матрацем мисс Викаршем.

— Но как она смогла заполучить его? Я не понимаю ...

И внезапно он понял.

Понял все.

Закрыв глаза от острого удара эмоций, он прошептал:

— Нет более слепого, чем тот, кто не хочет увидеть.

Когда он открыл их, все в его жизни внезапно стало кристально ясным.

Засовывая письмо внутрь пальто рядом с сердцем, он бросил на Беквита свирепый и мрачный взгляд.

— Скажите мне, мистер Беквит, когда вы собираетесь сделать честную женщину из миссис Филпот?

Боясь даже посмотреть друг на друга, слуги покраснели и что — то, запинаясь, пробормотали.

Беквит вытащил из кармана жилета носовой платок и вытер мокрый лоб.

— Так вы знаете, милорд?

— И как давно? — спросила миссис Филпот, скручивая перчатки в крошечный шарик.

Габриэль закатил глаза.

— С тех пор, как я в двенадцать лет увидел вас целующимися в яблоневоm саду. Я чуть не упал с дерева и не сломал себе шею.

— Нам будет позволено сохранить наши должности? — спросил Беквит и, достаточно осмелев, дотянулся до дрожащей руки миссис Филпот, чтобы взять ее в свои.

Габриэль мгновение обдумывал заданный вопрос.

— Только если вы немедленно поженитесь. Я не могу допустить, чтобы вы жили в грехе под моей крышей и расшатывали моральные устои моим детям.

— Но... но, милорд ... у вас же нет никаких детей, — выдавила миссис Филпот.

— Вам придется меня извинить, потому что я должен уйти, чтобы это исправить. —

Габриэль зашагал к двери, не намеренный тратить впустую даже еще одну минуту.

— Куда вы направляетесь? — крикнул Беквит ему вслед, озадаченный больше обычного.

Габриэль остановился и, усмехаясь, повернулся к ним.

— Я должен успеть на один корабль.

* * *

Сесиль выпрыгнула из кареты даже раньше, чем та остановилась.

— Беги, Сесиль! Несись как ветер! — крикнула ей вслед Эстель, когда та, подняв юбки, побежала по узкой улочке, что вела к докам. Снег шел все сильнее, но она едва чувствовала ледяные укусы снежинок. Она оставила плащ в карете, решив, что, не путаясь в его складках, она сможет двигаться быстрее.

Когда под ее ногами замелькали доски настила доков, она увидела возвышающиеся мачты судов, ожидающих выхода в море, и могла только молиться, чтобы «Дифенс» был

среди них.

Она пронеслась мимо группы мужчин, разгружающих товары с грузового корабля. Обогнув гору ящиков, она врезалась в грудь какому — то моряку, столько же широкоплечему, сколь она сама была высокой.

— Эй, тпру, милашка! — загудел он, хватая ее за локоть, чтобы помочь устоять на ногах. Его голубые глаза были достаточно дружелюбны.

Сесиль вцепилась в его руку, опасно близкая к тому, чтобы расплакаться.

— Пожалуйста, сэр, «Дифенс»! Вы не можете мне подсказать, как его найти?

— Конечно, могу. — Он озарил ее широкой улыбкой, демонстрируя полный рот черных и золотых зубов. — Он вон там. Отлично видно, как он летит под всеми цветами Его Величества навстречу битве!

С пульсирующим от страха сердцем, Сесиль медленно повернулась туда, куда показывал его палец. Корабль под всеми парусами скользил по водной глади к горизонту, его величественные мачты почти исчезли в пелене летящего снега.

— Спасибо, сэр, — пробормотала она, когда моряк приподнял перед ней свое кепи, взгромоздил на плечо огромную корзину, и неуклюже двинулся прочь.

Она тяжело опустилась на какую — то бочку, пальцы ее ног и сердце онемели, когда она стала смотреть, как «Дифенс» и все ее надежды на будущее исчезают за горизонтом.

— Кого — то ищите, мисс Марч?

Сесиль вскочила и, обернувшись, увидела Габриэля, который стоял в доке в нескольких футах от нее, его свободно рассыпавшиеся по плечам волосы раздувал ветер. Ее сердце забилось от радости. Она едва удержалась, чтобы не броситься ему в объятия.

Он выгнул золотистую бровь.

— Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас мисс Викаршем?

«Моя дорогая Сесиль,

Мои объятия всегда будут открыты для Вас, так же, как и мое сердце...»

* * *

Когда Сесиль встретила с холодным взглядом зеленых глаз Габриэля, по ней прошла дрожь осознания. Она повернулась к нему спиной и обняла себя за плечи, пытаясь унять дрожь.

— Вы можете называть меня Сесиль, если вам так больше нравится, ведь теперь я уже не работаю на вас.

Она услышала, как его мерные шаги приблизились к ней. Он накинул ей на плечи свое форменное пальто, окутывая ее пахнущим можжевельником теплом.

— Я надеюсь, что вы не ждете от меня рекомендательных писем.

— О, я не знаю. — Она небрежно пожала плечами. — Думаю, я с большим энтузиазмом выполняла свои обязанности.

— Может и так, но я не хочу, чтобы вы выполняли их для кого — либо еще.

Услышав в его голосе собственнические нотки, Сесиль повернулась к нему лицом, ее сердце билось в сумасшедшем ритме.

— Как вы узнали, что я буду здесь?

— Я и не знал. Я приехал, чтобы сообщить своим товарищам, что уйду в отставку. Можете оставить себе это пальто. Мне оно больше не понадобится.

Она плотнее завернулась в его одежду, боясь спросить, боясь надеяться.

— Вероятно, это даже хорошо, что я столкнулся здесь с вами, потому что, думаю, у меня есть кое — что, принадлежащее вам. — Габриэль сунул руку внутрь пальто, тыльная сторона ладони коснулась ее груди, когда он вытянул наружу свернутый лист писчей бумаги.

Она взяла из его руки знакомый листок цвета слоновой кости и подняла озадаченный взгляд.

— Где вы взяли его?

— Слуги нашли под вашим матрацем в Ферчайлд — Парке. Беквит и миссис Филпот доставили мне его только сегодня утром. Когда я отдавал вам свои письма на хранение, то не подозревал, что у вас есть собственная записка.

— Должно быть, оно выпало из — под ленты в ту ночь, когда вы пришли в мою комнату. Наверное, я не должна была привозить их с собой Ферчайлд — Парк, но я не могла даже мысли допустить о том, чтобы с ними расстаться. — Она недоверчиво покачала головой. — А я и представления не имела. Я думала, что отдала вам всю себя прошлым вечером.

— О да, вы отдали всю себя, это точно. — От знающего выражения глаз и хриловатых ноток в его голосе, внезапно все, что произошло ночью, снова оказалось рядом с ними. — А я слишком желал воспользоваться вашим великодушием. Но нет, не вчерашняя ночь испортила ваш маленький абсурдный маскарад.

Она вызывающе вскинула голову.

— Не такой уж абсурдный, как мне кажется. Я одурачила вас, не так ли? Но единственная проблема оказалась в том, что я одурачила и себя саму. Я сказала себе, что я должна как — то искупить то, что натворила, что должна помочь вам приспособиться к

слепоте. — Она посмотрела на него, больше не пытаясь скрыть в своих глазах желание. — Но правда состояла в том, что я рискнула всем, даже тем, что вы меня возненавидите, только ради того, чтобы снова оказаться рядом с вами.

Его глаза потемнели от давней боли.

— Если вы так сильно хотели быть около меня, то почему сбежали от меня в больнице? Я был вам отвратителен?

Она подняла руку и нежно прикоснулась пальцем к его шраму.

— Я сбежала от вашей постели не потому, что ужаснулась вашего вида. Я сбежала, потому что ужаснулась самой себя. То, к чему я подталкивала вас, было фантазией маленькой девочки. Я хотела, чтобы вы покорили мое сердце, сражаясь с драконом. Я не понимала, что в реальном мире гораздо чаще побеждает дракон. Я была потрясена тем, чего стоила вам моя фантазия. Я обвиняла себя в том, что вы потеряли зрение и получили этот шрам. Я не представляла, как вы сможете меня простить за это.

— За что? За желание, чтобы я стал настоящим мужчиной?

— За то, что недостаточно любила настоящего мужчину, которым вы уже были тогда. — Она позволила своей руке безвольно упасть. — Я приходила в больницу на следующий день. Но вас уже выписали.

Габриэль смотрел на ее склоненную голову, на ее мягкие золотые завитки. В этот момент она была Сесиль, девушкой, которую он любил. И Самантой, женщиной, которая любила его.

— Вы правы, — произнес он. — Я не любил Вас. Вы сами это говорили. На самом деле я никогда не знал вас по — настоящему. Вы были только мечтой.

От слов Габриэля Сесиль ощутила, как ее сердце раскалывается надвое, словно кусок льда. Она отвернулась, не желая, чтобы он видел ее слезы.

Но он поднял ее лицо за подбородок, заставляя встретиться со своим страстным взглядом.

— Но теперь я действительно знаю вас. Я знаю, насколько вы храбрая, глупая и упрямая. Я знаю, что вы в полтора раза умнее меня. Я знаю, что вы храпите, как медвежонок. Я знаю, что у вас озорной характер и острый язык, что вы можете давать одни из самых великолепных отповедей, которые я когда — либо слышал. Я знаю, что вы занимаетесь любовью, как ангел, и что без вас моя жизнь настоящий ад. — Он прижал руку к ее щеке, его глаза сияли нежностью и желанием. — Раньше вы были только мечтой. Теперь вы мечта, которая стала явью.

Когда Габриэль коснулся ее губ своими, головокружительный порыв наслаждения забурлил у Сесиль в венах. Она обхватила его руками, возвращая поцелуй со страстью, которая заставила задрожать их обоих.

Он отстранился.

— У меня остался к вам только один вопрос.

К ней вернулась настороженность.

— Да?

Нахмурившись, он посмотрел на нее.

— Вы действительно видели многих мужчин без рубашек?

Сесиль засмеялась сквозь слезы.

— Только вас, милорд. Только вас.

— Хорошо. И пусть это так и останется, идет?

Она взвизгнула, когда он сгреб ее в свои объятия и подхватил на руки как ребенка.

Когда широкие шаги Габриэля понесли их к городским улицам, она положила голову ему на плечо, ощущая, что, наконец — то, вернулась домой.

— Прежде, чем мы продолжим, милорд, я очень настаиваю, чтобы вы раскрыли мне свои намерения. Вы предлагаете мне положение вашей медсестры или любовницы?

Он нежно поцеловал ее в нос, в щеки, в полуоткрытые губы.

— Я предлагаю вам положение мой жены, моей любовницы, моей графини и матери моих детей.

Сесиль вздохнула, еще крепче прижимаясь к нему.

— В таком случае, я его принимаю. Но все равно буду ждать, что вы при случае будете засыпать меня разными экстравагантными безделушками.

Он хитро посмотрел на нее, с помощью шрама делая выражение лица еще более дьявольским.

— Только если вы их отработаете.

Внезапно она напряглась в его руках, ее глаза расширились от ужаса.

— О, нет! Я только что кое о чем подумала. Что скажет ваша мать?!

Габриэль усмехнулся, глядя на нее сверху вниз под падающим снегом.

— Почему бы нам не пойти и не выяснить это? — Его глаза прояснились. — Это ведь не сон, правда? Когда я проснусь утром, вы еще будете рядом?

Сесиль нежно погладила его по щеке и улыбнулась сквозь туман слез радости.

— Каждый день, моя любовь. И весь остаток наших дней.

«15 декабря 1809

Мой дорогой лорд Шеффилд,

На этой, третьей, годовщине нашего брака я вынуждена указать Вам на то, что Вы по — прежнему так же дерзки, невыносимы и высокомерны, что и всегда, а возможно, даже больше, поскольку Вас слишком часто можно наблюдать расхаживающим по особняку с Вашей дочерью на плече. Несмотря на все мои предубеждения в обеих ипостасях и стойкость моей верной союзницы, Вашей милой матушки, Вы настояли на том, чтобы наречь ее при крещении Саманта — с тем, чтобы и она, и собака подбегали всякий раз, когда называют это имя. А через какое — то время уже невозможно сказать с уверенностью, кого из них Вы найдете жующей и слюнявящей Вашу обувь. Ее манеры за столом очень напоминают те, что были когда — то у ее собственного отца. Она презирает вилку с ложкой и с диким энтузиазмом разбрасывает овсянку, что заставляет вздрагивать от ужаса мистера и миссис Беквит.

Кроме этого, я пишу Вам, чтобы сообщить, что, благодаря Вашему преданному (и весьма частому!) вниманию, я снова жду ребенка. Возможно, на сей раз я подарю Вам сына с зелеными глазами и золотыми волосами. Он будет командовать прислугой со всей имперской властью, которую только можно ожидать от наследника Ферчайлдов.

Всегда обожаящая Вас,

Сесиль».

* * *

«16 декабря 1809

Моя дорогая леди Шеффилд,

Я должен указать Вам, что наш маленький херувим унаследовал много черт и от своей матери. Ей очень нравится притворяться кем — то (или чем — то) другим — от волшебной принцессы до садовой жабы. У нее также есть тенденция исчезать как раз, когда она нужна сильнее всего. Только вчера, в ожидании моего нового камердинера, Филлипа, который должен был повязать мне шейный платок перед посещением церковной службы, я обнаружил ее крепко спящей в моей гардеробной под огромной грудой шляп.

Так теперь Вы намереваетесь подарить мне сына, а? Без сомнения, он будет таким же беспокойным и неотразимым, как и его мать с сестрой.

Вы спросили меня однажды, буду ли я Вас любить, когда Ваши губы сморщатся от старости, а глаза поблекнут. Я могу Вас заверить, что все равно буду любить Вас, даже если у меня останутся силы (и отдельные зубы) только на то, чтобы пробовать на вкус Ваши сморщенные губы. Я буду любить Вас даже тогда, когда Ваши кости станут такими острыми, что будут протыкать мою хрупкую плоть. Я буду любить Вас, даже когда свет в моих глазах исчезнет навсегда, и Ваше милое лицо будет последним, что я увижу. Потому что я люблю и всегда буду любить Вас...

Ваш преданный муж,

Габриэль».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Женщины, сопровождавшие солдат на фронте — прим. переводчика.

Слово переводится как — победа — прим. переводчика.

Джордж Браммел (1778–1840), английский щеголь и законодатель мод в эпоху регентства — прим. переводчика.

Силлабаб — напиток из сливок или молока с вином, сидром и сахаром — прим. переводчика.

Имеется в виду начало стихотворения Кристофера Марло (1564–1593) — «Страстный пастух — своей возлюбленной» — прим. переводчика.

Blind man's bluff в буквальном переводе — блеф слепого — прим. переводчика.

Небольшое здание, применяемое в дворцовых и парковых ансамблях, а также в современной городской среде. Обычно это забавное или экстравагантное здание, либо здание, предназначенное для иных нужд, нежели те, на которые указывает его конструкция или внешний вид — прим. переводчика.

Боу — Стрит — улица, где находится главное полицейское управление Лондона — прим. переводчика.

Бедлам — неофициальное название Бетлемской королевской психиатрической больницы в Лондоне — прим. переводчика.